
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 13, № 4. 2022

Сквозной номер – 50

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 13, No. 4. 2022

Continuous issue – 50

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:

Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в первую категорию
Перечня ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

- (5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки);
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые)
науки (юридические науки);
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки))

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-LIBRARY)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory
Журнал включен в электронный периодический
справочник «Система ГАРАНТ»

Журнал распространяется только по подписке

Scientific and Theoretical Journal

Founder and publisher:
the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Index in the combined catalog
«Pressa Rossii»– 84683

The Journal is registered
in Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications
June, 29, 2012.
Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the first category
of the Catalogue of the leading peer-reviewed journals, in
which should be published basic scientific results
of degree dissertations

- (5.1.1. Theoretical-historical legal sciences (legal sciences);
- 5.1.2. Public and law (state-legal) sciences (legal sciences);
- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences))

The Journal is included in the Russian
Science Citation System (e-LIBRARY)

The Journal is included
in the Ulrich's Periodicals Directory

The Journal is included
in the electronic periodical «Sistema GARANT»

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

Андреев Максим Валентинович – доктор юридических наук, доцент (Казань, Казанский юридический институт МВД России). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Бакулина Лилия Талгатовна – доктор юридических наук, доцент (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет). ORCID: 0000-0002-8891-6974

Балахонский Виталий Витальевич – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Безверхов Артур Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)

Варыгин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия)

Воронин Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор (Москва, Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)

Гаврилов Борис Яковлевич – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0002-2529-491X

Гишинский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации)

Готчина Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Демидов Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Главный федеральный инспектор по Республике Татарстан

Дубровин Сергей Викторович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор (Уфа, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Мезяев Александр Борисович – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Уфа, Башкирский государственный университет). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Степаненко Равия Фаритовна – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

Председатель – **Зиннуров Фоат Канафиевич**, доктор педагогических наук, профессор, начальник Казанского юридического института МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Заместитель председателя – **Миронов Сергей Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе).

ORCID: 0000-0003-1532-9258

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Рашид Рахимуллович – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России

Бабичев Арсений Георгиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

Гарафутдинов Марат Рафикович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по учебной работе)

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Зотина Елена Владимировна – начальник редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России

Казанцев Сергей Яковлевич – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

Шайдулина Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Шалагин Антон Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor (Kazan, the Kazan Law Institute of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Liliya Talgatovna Bakulina, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University). ORCID: 0000-0002-8891-6974

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor of Philosophy (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor of Law (Doctor habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varygin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Boris Yakovlevich Gavrilov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2529-491X

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Saint Petersburg, Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Chief Federal Inspector of the Republic of Tatarstan

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egoryshev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Bashkir State University). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for academic work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Arseny Georgievich Babichev, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminology and Criminal Executive Law, the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elena Vladimirovna Zotina, Chief of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Candidate of Law (Research doctorate), Professor, Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor, Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Law (Research doctorate), Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Андреев М.В.

Доктрина «мягкой силы» современной России: базовая стратегия укрепления национальной безопасности..... 8

Попов А.И., Ханахмедова Л.В.

Проблемы эффективности нормотворчества органов исполнительной власти..... 12

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Комлев Н.Ю., Рамазанов А.В.

Актуальные вопросы деятельности Юридической клиники Казанского юридического института МВД России..... 18

Мещеряков А.Н.

Полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения (опыт пандемии COVID-19)..... 25

Сайфутдинова А.Д., Айгозина А.М.

Особенности реализации принципа неприкосновенности жилища в условиях расширения полномочий сотрудников полиции (вопросы правового регулирования и практики)..... 33

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Амирова Д.К.

Понятие «ребенок» в категориальном аппарате уголовно-правового регулирования: проблемы законодательной регламентации и совершенствования..... 40

Артюшина О.В.

Присутствие малолетнего при совершении насильственного или иного преступления..... 47

Ахунов Д.Р.

Теоретическая модель предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях Российской Федерации..... 53

Богатырев К.М.

Экспертное обеспечение медиабезопасности в цифровой среде..... 60

Гарипов Т.И., Поздышев Р.С.

Вопросы определения условий прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа..... 71

Гришина Е.П., Тасаков С.В.

Цифровые технологии в сфере правосудия по уголовным делам..... 77

Ефремова М.А.

Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации..... 86

Зотина Е.В.

Претекстинг как прием социальной инженерии, используемый телефонными мошенниками: криминологический взгляд на проблему 93

Куликов Р.С., Ефимов М.А.

Понятие и система преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции..... 100

Муксинова А.Ф.

К вопросу о целесообразности освобождения от уголовной ответственности по статьям 174 и 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации..... 106

Муратов К.Д.	
Конфискация вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве: современные правоприменительные проблемы.....	113
Назаров М.В.	
Изменение положений статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как необходимый этап развития института уголовно-процессуального использования результатов оперативно-розыскной деятельности.....	120
Титов С.Н.	
Использование служебного положения как квалифицирующий признак преступлений против интеллектуальной собственности.....	128
Хафизова А.М., Музафаров И.А.	
Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в формы аутодеструктивного поведения..	136
Цепелев В.Ф., Лелетова М.В.	
Уголовно-правовая регламентация составов «Содействие террористической деятельности» (ст. 205 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) и «Финансирование экстремистской деятельности» (ст. 282 ³ Уголовного кодекса Российской Федерации): современное состояние и возможности совершенствования.....	144
Щербакова М.А.	
Обеспечение надлежащего поведения лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера.....	151
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	160

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Andreyev M.V.

The Doctrine of "Soft Power" of Modern Russia: a Basic Strategy for Strengthening National Security..... 8

Popov A.I., Hanahmedova L.V.

Problems of the Effectiveness of the Rule-Making of Executive Authorities..... 12

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Komlev N.Y., Ramazanov A.V.

Legal Clinic of the Kazan Law Institute of MIA of Russia: Current Issues 18

Meshcheryakov A.N.

The Authority of the Highest Official of a Constituent Entity of the Russian Federation to Ensure the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population (Experience of the Covid-19 Pandemic)..... 25

Saifutdinova A.D., Aigozina A.M.

Features of the Implementation of the Principle of Inviolability of the Home in the Context of Expanding the Powers of Police Officers (Issues of Legal Regulation and Practice)..... 33

CRIMINAL LAW SCIENCES

Amirova D.K.

The Concept of "Child" in the Categorical Apparatus of Criminal Law Regulation: Concerns of Legislative Regulation and Improvement..... 40

Artyushina O.V.

Presence of an Anderage at the Performance of a Violent or Other Crime..... 47

Akhunov D.R.

Theoretical Prevention Model Corruption Crimes in Agglomerations of Russian Federation..... 53

Bogatyrev K.M.

Forensic Ensuring of Media Security in the Digital Environment..... 60

Garipov T.I., Pozdyshev R.S.

Issues of Determining the Conditions for the Termination of a Criminal Case in Relation to the Imposition of a Court Fine..... 71

Grishina E.P., Tasakov S.V.

Digital Technologies in Justice in Criminal Cases..... 77

Efremova M.A.

Criminal Liability for Unlawful Impact on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation..... 86

Zotina E.V.

Pretexting as a Social Engineering Technique Used by Telephone Scammers: a Criminological View of the Problem..... 93

Kulikov R.S., Efimov M.A.

The Concept and System of Crimes Related to Illegal Circulation of Alcoholic Beverages..... 100

Muksinova A.F.

On the Question of Expediency of Exemption from Criminal Liability under Articles 174 and 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation..... 106

Muratov K.D.

Confiscation of physical evidence in criminal proceedings: modern law enforcement problems..... 113

Nazarov M.V. Changing the Provisions of Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a Necessary Stage in the Development of the Institute of Criminal Procedure Use of the Results of Investigative Activities.....	120
Titov S.N. Use of Official Position as a Qualifying Sign of Crimes Against Intellectual Property.....	128
Hafizova A.M., Muzafarov I.A. Prevention of Involvement of Minors in Forms of Autodestructive Behavior.....	136
Tsepelev V.F., Leletova M.V. Criminal Regulation of the Offenses “Assistance to Terrorist Activities” (Article 205 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) and “Financing of Extremist Activities” (Article 282 ³ of the Criminal Code of the Russian Federation): Current State and Opportunities for Improvement.....	144
Shcherbakova M.A. Ensuring the Proper Behavior of the Person Against Whom the Proceedings on the Application of Compulsory Medical Measures Are Carried out.....	151
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	160

Научная статья
УДК 34
DOI: 10.37973/KUI.2022.17.74.001

**ДОКТРИНА «МЯГКОЙ СИЛЫ» СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
БАЗОВАЯ СТРАТЕГИЯ УКРЕПЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Максим Валентинович Андреев,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
andreev01@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье раскрывается динамика пересмотра подходов к внешней политике и национальной идее при построении постсоветской системы российской государственности.

Материалы и методы: в качестве эмпирической основы в статье использованы нормативные правовые акты, в том числе Конституция Российской Федерации. Методологию исследования составила совокупность общенаучных и специальных юридических методов.

Результаты исследования: рассмотрены политико-правовые особенности формирования национальных приоритетов с учетом их влияния на социально-экономическое развитие страны.

Обсуждение и заключение: автор статьи приходит к выводу, что вопросы переосмысления исторического выбора, стратегии сохранения национальной идентичности и национальной безопасности России в настоящее время приобретают особую актуальность и это обуславливает анализ результатов социально-экономического и политических трансформаций России на современном этапе, а также поиск и предложение конкретных концепций развития.

Ключевые слова: национальная идея; «мягкая сила»; идеология; российская государственность; национальная безопасность; социально-экономическое развитие

© Андреев М.В., 2022

Для цитирования: Андреев М.В. Доктрина «мягкой силы» современной России: базовая стратегия укрепления национальной безопасности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 8 – 11. DOI: 10.37973/KUI.2022.17.74.001

Scientific article
UDC 34
DOI: 10.37973/KUI.2022.17.74.001

**THE "SOFT POWER" DOCTRINE OF MODERN RUSSIA:
A BASIC STRATEGY FOR STRENGTHENING NATIONAL SECURITY**

Maksim Valentinovich Andreev,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan, Russia,
andreev01@mail.ru

Abstract

Introduction: the article reveals the dynamics of the revision of approaches to foreign policy and the national idea during the construction of the post-Soviet system of Russian statehood.

Materials and Methods: the article used legislative acts, including the Constitution of the Russian Federation, as an empirical basis. The methodology of the study was a set of general scientific and specific legal methods.

Results: the political and legal peculiarities of the formation of national priorities with regard to their impact on socio-economic development of the country were considered.

Discussion and Conclusions: the author concludes that the issues of rethinking of historical choice, the strategy of preservation of national identity and national security of Russia are currently becoming particularly relevant and it determines the analysis of the results of socio-economic and political transformations of Russia at the present stage, as well as the search and proposal of specific development concepts.

Keywords: national idea; "soft power"; ideology; Russian statehood; national security; socio-economic development

© Andreyev M.V., 2022

For citation: Andreyev M.V. The Doctrine of "Soft Power" of Modern Russia: a Basic Strategy for Strengthening National Security // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2022. V. 13. No 4 (50). Pp. 8 – 11. DOI: 10.37973/KUI.2022.17.74.001

Введение

Понятие политики «мягкой силы» было введено в оборот американским политологом Джо-зефом Наем во второй половине 80-х годов XX века. В целом в международной политике давно зрела необходимость предложить что-то альтернативное, кроме «жесткой силы», «права силы», навязывания своих ценностей под угрозой уничтожения. В ответ на американскую доктрину мягкого привязывания государств и народов к своему центру силы стали институционализироваться концепции «мягкой силы» других государств, по всему миру стали открываться Британские советы, институты Сервантеса, институты Конфуция, Русские дома... Конечно, концепция «мягкой силы» рождена была далеко не в XX веке; одним из примеров, безусловно, являются трансконтинентальные торговые и гуманитарные артерии Великого Волжского и Великого шелкового путей. Трансформировалась политика государств на просторах этих путей, одни цивилизации и правители сменяли друг друга, а через эти «артерии» происходило культурное обогащение народов в направлении с Запада на Восток и с Востока на Запад.

Материалы и методы

На основании современных концепций и доктрин, в том числе Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом», Конституции Российской Федерации рассмотрен современный вектор развития гуманитарной политики России (концепции «мягкой силы»). Методологию исследования составили общенаучные и специальные юридические методы, в частности метод сравнительного правоведения.

Результаты исследования

Понимание того, что государствам необходимо институционально подходить к вопросу применения продуманной гуманитарной политики в международных отношениях, стало особенно очевидно в эпоху стремления «коллективного Запада» к

распаду Советского Союза и всей социалистической системы. Полились рекой на просторы союзных республик «ценности» западного мира в виде рекламы Макдональдса, ковбоев Мальборо, американских боевиков... Все это, прежде всего, стирало культурный слой, десятилетиями создававшийся в советской стране, и взломало в итоге сознание молодого поколения, так рьяно желавшего избавиться от «пут социализма», низвергать все до последнего и построить новый мир. Переоценке было подвергнуто все. Слом советской социалистической системы привел к полному разрушению всей системы ценностей и приоритетов развития. Как следствие, разрушилась не только вся государственная система, но и вся четко функционирующая система социальных отношений. Идеология, дающая приоритет трудящемуся пролетариату с системой социальных лифтов, социальной кооперацией, качественным и бесплатным здравоохранением, образованием, одной из лучших в мире наукой, рухнула, приведя тем самым к хаосу все общество. 90-е годы характеризовались ростом преступности и развращением молодого поколения. Уважение к рабочим специальностям, учителям, научным сотрудникам было не просто утрачено, а заменено пренебрежением в массовом сознании. Взамен были провозглашены либеральные ценности, основу которых составила европейская философия глобального общества. По своей сути Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, предусматривала отказ от государственной идеологии и провозгласила новую «идеологию» космополитизма в российской внутренней и внешней политики.

Зарождение идей о глобальном обществе было представлено еще в работах И. Канта. По его мнению, каждый мог реализовывать свои права, не оглядываясь на государство и человеческие кооперации [1]. Индивидуальные права человека были объявлены высшей ценностью. Такая система ценностей дала соответствующие плоды в западном обществе, среди которых уничтожение национальных идентичностей отдельных государств в результате неконтролируемой миграции

и религиозной, национальной, культурной и сексуальной толерантности.

Прошло почти 30 лет движения России по пути этих ценностей, и что мы видим в действительности? Россия оказалась на грани пропасти, и прежде всего в идеологическом и стратегическом планах. Чрезмерное увлечение европейскими ценностями почти привело страну к утрате суверенитета, средства от продажи ресурсов оставались в европейских банках, собственные производства были уничтожены, и на их место вставляли технологии западных концернов во всех сферах – от сельского хозяйства до космоса. Параллельно с этим «западная идеология» проникала в школы, институты, в умах молодого поколения переписывалась история Великой страны с ее победами и испытаниями, заменялся «культурный код», молодежь была устремлена на запад, лучшие умы покидали страну... При этом границы военно-политического блока «коллективного Запада» стремительно продвигались к суверенным границам России. Заверения лидеров европейских стран о том, что НАТО станет политической организацией, а со временем будет и вовсе ликвидирована, оказались не соответствующими действительности.

После распада советской системы мир стал не более безопасным, а, скорее, еще более уязвимым. Кризис современной системы международных отношений начался не год и не два года, а, как минимум, 30 лет назад. И ключевой вопрос этого кризиса – куда сегодня движется Россия, какой путь развития выбирает, каких союзников, друзей и партнеров.

С точки зрения внешней политики очевидной представляется ориентация страны на евразийство. ЕврАзЭС, БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) становятся «лакомствами» этого процесса. В частности, членами ШОС являются Индия, Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан, Пакистан и Узбекистан, в процессе вступления в организацию Иран и Белоруссия. Устремлены к сотрудничеству в статусе партнеров и наблюдателей Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Египет, Катар и Саудовская Аравия. Таким образом, ШОС – это крупнейшая в мире международная организация, включающая в свои ряды более половины населения планеты. Вот он, вектор внешней политики.

Еще одним ключевым звеном современной внешней политики является признание Россией стратегической важности международного гуманитарного сотрудничества. 5 сентября 2022 года впервые в современной России была принята Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, по своей сути, док-

трина «мягкой силы», призывающая наращивать горизонтальные связи народов через институты гражданского общества в сфере науки, культуры, образования, развития туризма. Цель данной концепции – формирование «русского мира» на основе уважения и диалога между культурами, религиями и цивилизациями. Очевидно, что концепция эта принята очень поздно, несколько десятилетий назад страна должна была осознать необходимость данной работы с молодым поколением близких к России стран. Для того чтобы избежать «горячих конфликтов», которые являются трагедией для народов, необходимо было тратить усилия на «мягкое присутствие» в странах, потенциально испытывающих к России союзнические симпатии.

Но одним лишь принятием концепций и формированием региональной архитектуры международных организаций Россия не сможет создать «русский мир». То, что формировало образ Советского Союза как великой державы с точки зрения «мягкой силы», – это преимущество уникальной русской культуры, лучшие в мире наука, здравоохранение и образование. И еще, безусловное уважение к труду, к людям труда.

Обсуждение и заключение

Конечно, многое необходимо менять во внутренней политике, но очевидно, что должен быть главный вектор развития в целях сохранения и развития России как геополитической державы, страны-цивилизации. Опыт многих стран дает основание утверждать, что качественные изменения в развитии страны (в частности, опыт Сингапура и идеолога «сингапурского чуда» Ли Куан Ю) возможны, если идеологией становится стратегия на тотальное искоренение коррупции и переориентация всех благ на развитие *качества образования*. В конечном счете за десять-пятнадцать лет страна, ориентированная на молодое поколение, качественное образование и профессионализм, будет иметь предпосылки рывка в развитии по всем направлениям. Воспитывая сегодня патриотов, профессионалов, культурно-обогащенных людей, мы завтра увидим совершенно другую страну. Но для этого необходимы определенные действия. Наука и образование, причем все его ступени, должны быть определены приоритетом, избавлены от бюрократии, учитель должен получить моральный и материальный авторитет. Культура и образование формируют и развивают нравственную сердцевину любого народа и любой страны. «Нравственный идеал, выполняя системообразующую, целеполагающую и прогнозирующую функцию, мобилизует личность на непрерывное саморазвитие. Именно в этом и заключается его главная ценность и предназначение» [2, с. 80].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kant I. *Metaphysics of Morals* (translated and edited by Mary J. Gregor (Cambridge, 1996). 1797. 489 p.
2. Андреев В.И., Андреева Ю.В. Педагогический путь саморазвития. Избранное. Казань: Центр инновационных технологий, 2020. 256 с.

REFERENCES

1. Kant I. *Metaphysics of Morals* (translated and edited by Mary J. Gregor (Cambridge, 1996). 1797. 489 p.
2. Andreev V.I., Andreeva YU.V. *Pedagogicheskij put' samorazvitiya*. Izbrannoe. Kazan': Centr innovacionnyh tekhnologij, 2020. 256 s.

Информация об авторе:

Андреев Максим Валентинович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, andreev01@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Andreyev Maksim V., Doctor of Law (Doctor Habilitatus), Associate Professor, Professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, andreev01@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 24.10.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 340.1
DOI: 10.37973/KUI.2022.89.32.002

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМОТВОРЧЕСТВА ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Александр Иванович Попов¹, Людмила Викторовна Ханахмедова²,
^{1,2} Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
¹ apopov332@mvd.ru, ² milars-19@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье на основе анализа действующего законодательства и научной литературы исследуются и рассматриваются вопросы организации эффективного воздействия права на общественные отношения. Авторы отмечают, что действие механизма правового регулирования возможно только на основе гармоничной системы правовых актов во главе с нормами закона. Обосновывается значение нормативных актов органов исполнительной власти в комплексе юридических средств реализации закона. Особое внимание уделяется «делегированному» нормотворчеству как одной из важных форм деятельности органов исполнительной власти, эффективность которой нуждается в оценке.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации, регулирующие процедуры правового мониторинга и оценки фактического воздействия. Методологической основой послужили диалектический подход к познанию содержания и сущности правотворческой деятельности органов исполнительной власти, а также общенаучные и частные методы исследования.

Результаты исследования: на основе анализа положений нормативных правовых актов, а также научной литературы сформулированы предложения по повышению эффективности нормотворчества органов исполнительной власти, определена специфика эффективности данной деятельности, выявлены элементы нормотворческой деятельности органов исполнительной власти. Обращается внимание на необходимость совершенствования специальных методик оценки эффективности нормотворческой деятельности органов исполнительной власти, позволяющих своевременно и адекватно реагировать на потребности общественного развития.

Обсуждение и заключение: авторы статьи приходят к выводу, что, несмотря на наличие разработанных критериев эффективности государственного управления, критерии оценки эффективности административного нормотворчества еще нуждаются в определении.

Ключевые слова: нормотворчество; эффективность нормотворчества; органы исполнительной власти; мониторинг правоприменительной деятельности

© Попов А.И., Ханахмедова Л.В., 2022

Для цитирования: Попов А.И., Ханахмедова Л.В. Проблемы эффективности нормотворчества органов исполнительной власти // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 12 – 17. DOI: 10.37973/KUI.2022.89.32.002

Scientific article

UDC 340.1

DOI: 10.37973/KUI.2022.89.32.002

**PROBLEMS OF THE EFFECTIVENESS OF THE RULE-MAKING
OF EXECUTIVE AUTHORITIES**

Alexander Ivanovich Popov¹, Lyudmila Viktorovna Hanahmedova²,
^{1,2} Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot, Ryazan, Russia,
¹ apopov332@mvd.ru, ² milars-19@mail.ru

Abstract

Introduction: based on the analysis of the current legislation and scientific literature, the authors examine and discuss the issues of organizing the effective impact of law on public relations. The authors denote that mechanism of legal regulation is possible only on the basis of a harmonious system of legal acts headed by the norms of law. They note the value of legislation and regulations of executive authorities in conjunction with legal means of implementation of the law. The authors pay special attention at delegated rule-making as one of the important form of the activities of executive bodies that need assessment.

Materials and Methods: legal framework of the study was decrees of the President of the Russian Federation and the resolutions of the Government of the Russian Federation regulating the procedures of legal monitoring and assessment of the actual impact. The methodological basis was the dialectical approach to the knowledge of the content and essence of the law-making activity of executive authorities, as well as general scientific and private research methods.

Results: based on the analysis of legal enactments, as well as scientific literature, proposals were formulated to improve the effectiveness of the rule-making of executive authorities, the specifics of the effectiveness of this activity were determined, elements of the rule-making activity of executive authorities were identified. Attention was drawn to the need to improve special methods for evaluating the effectiveness of the normative activity of executive authorities, allowing timely and adequate response to the needs of social development.

Discussion and Conclusions: the authors conclude that despite the developed criteria of efficiency of public administration, criteria of assessment of criteria for evaluating the effectiveness of administrative rulemaking require for assessing.

Keywords: rulemaking; effectiveness of rulemaking; executive authorities; monitoring of law enforcement activities

© Popov A.I., Hanahmedova L.V., 2022

For citation: Popov A.I., Hanahmedova L.V. Problems of the Effectiveness of the Rule-Making of Executive Authorities // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 12 – 17. DOI: 10.37973/KUI.2022.89.32.002

Введение

Одним из важнейших элементов работы государственного механизма является деятельность органов исполнительной власти. На современном этапе развития модели государственного управления к основной тенденции следует отнести расширение полномочий государственных органов исполнительной власти в области нормотворческой деятельности, которая традиционно свойственна законодательной власти. С учетом превалирования классической модели деятельности органов государственной власти в соответствии с их функциональным предназначением актуальным становится вопрос об

эффективности нормотворчества органов исполнительной власти.

Обзор литературы

Правовую основу исследования составили указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации, регулирующие процедуры правового мониторинга и оценки фактического воздействия.

Определить особенности нормотворчества органов исполнительной власти, специфику эффективности данной деятельности, выявить элементы нормотворческой деятельности органов исполнительной власти позволили работы Н.В. Макарейко [1], Ю.М. Козлова [2], Л.Л. По-

пова [3], В.Н. Кудрявцева [4], Ю.Г. Арзамасова [5], Ю.А. Тихомирова [6], А.Н. Андрианова [7], Е.В. Раздьяконовой [8].

Материалы и методы

Методологию исследования составили диалектический подход к познанию содержания и сущности правотворческой деятельности органов исполнительной власти, общенаучные и частные методы исследования, которые позволили проанализировать и обобщить общетеоретические вопросы исследуемой проблемы, а также прийти к соответствующим выводам.

Материалами исследования послужили положения действующих нормативных правовых актов, регулирующих нормотворческую деятельность, а также соответствующая проблематике юридическая научная литература.

Результаты исследования

С учетом исторической ретроспективы вопроса отметим, что в советской юриспруденции нормотворчество органов исполнительной власти самостоятельно не выделялось и не изучалось. Рассмотрение данного вопроса осуществлялось в рамках управленческой деятельности органов государственной власти. В частности, исследованию подвергалась правотворческая компетенция Правительства СССР и других органов государственного управления.

На современном этапе развития юриспруденции в России и за рубежом понятие нормотворчества органов исполнительной власти широко применяется, осмысливаются его значение, содержание и роль как в системе права, так и в системе государственного управления.

При исследовании нормотворческой деятельности органов исполнительной власти особое внимание уделяется субъектам и назначению этой деятельности. В частности, под нормотворчеством органов исполнительной власти понимается «деятельность органов исполнительной власти и их должностных лиц по созданию подзаконных нормативных правовых актов в целях создания правовой базы для реализации законов» [1]. Нередко нормотворчество органов исполнительной власти отождествляется с административным нормотворчеством. При этом последнее рассматривается как процесс создания правового предписания, регулируемого нормами административного права.

В качестве цели нормотворческой деятельности органов исполнительной власти следует указать на содействие изменениям в интересах наиболее эффективного исполнения Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов,

нормативных указов Президента Российской Федерации, других нормативных правовых актов.

В связи с изложенным возникает необходимость определить место нормотворчества органов исполнительной власти в правотворческой деятельности, а также место возникающих в результате этой деятельности нормативных правовых актов. Так, Ю.М. Козлов указывает на то, что нормотворчество органов исполнительной власти является вторичным, детализирующим нормы закона, то есть подзаконным и прямым, направленным на непосредственное воздействие на объект права [2]. В развитие указанного тезиса Л.Л. Попов раскрывает в качестве самостоятельных правоустановительную и правоприменительную функции нормотворчества органов исполнительной власти. В свою очередь, создаваемые субъектами исполнительной власти правовые нормы являются вторичной (производной) формой правоустановления и обеспечивают действенность прежде всего конституционных и законодательных правовых норм. Правоустановление (правотворчество) по своей сути служит целям правоприменения (исполнения), нормативные акты органов исполнительной власти в соответствии с положениями действующего законодательства создаются «во исполнение» законов [3]. При этом сами результаты нормотворческой деятельности напрямую отражаются на действиях правоприменителей.

С учетом изложенного представляется целесообразным отметить, что следует выделить субъекты рассматриваемой нормотворческой деятельности – органы исполнительной власти; ее содержание – деятельность по созданию юридических норм, которые носят подзаконный характер.

В связи с тем, что нормотворческая деятельность органов исполнительной власти многообразна, в юридической литературе предлагается несколько классификаций данной деятельности: по субъектам (индивидуальное либо совместное) [8]; по уровню (федеральном уровне, уровне субъекта в федерациях и органов местного самоуправления); по характеру управляющего воздействия (внутреннее и внешнее) [5]; по видам принимаемых актов (постановления, приказы, правила, положения, уставы, наставления, инструкции, регламенты и т.д.).

В связи с возросшей ролью нормотворчества органов исполнительной власти актуальным становится вопросы его эффективности. Эффективность является универсальным понятием и применяется во всех науках: гуманитарных, математических и естественных.

Официальное определение эффективности дано в ГОСТе, в соответствии с которым эффективность представляет собой соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами (ст. 3.7.10)¹.

Проблемой изучения эффективности в юриспруденции в разное время занимались А.Б. Венгеров, Д.А. Керимов, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лапаева, А.С. Пашков, Ю.А. Тихомиров. Начиная с 70-х и вплоть до конца 80-х годов XX столетия во Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства функционировала лаборатория по изучению эффективности законодательства.

Специфика категории «эффективность» в правоведении выражается в выделении таких понятий, как «эффективность права», «эффективность законодательства», «эффективность правоприменения», «эффективность правового регулирования».

Определение эффективности права или эффективности нормы права было рассмотрено В.Н. Кудрявцевым в монографии «Эффективность правовых норм». Выходя за рамки формального подхода, он изучал соотношение общественно полезных целей, для достижения которых была принята норма, с фактическим результатом действия нормы. Ключевой формой, обеспечивающей достижение цели права, с точки зрения ученого, является правоприменение, то есть деятельность государственных органов, направленная на осуществление правовых норм [4].

Ю.А. Тихомиров, в свою очередь, показал взаимосвязь между эффективностью права и эффективностью законодательства: эффективность законодательства является структурной основой эффективности права, результирующей характеристикой его действия, свидетельствующей о его способности обеспечивать последовательное решение соответствующих проблем общества и государства. Определяется эффективность законодательства сложным комплексом факторов, характеризующих разные сферы жизни общества, в том числе их ближайшие и долговременные изменения [6].

Многие ученые считают понятие «эффективность правового регулирования» обобщающим

по отношению ко всем рассмотренным ранее правовым понятиям эффективности.

В целом необходимо отметить, что эффективность в праве также определяется как соотношение результата с затратами, но при этом исследователи не ограничиваются констатацией формальных моментов, а применяют подход целеполагания, позволяющий учесть субъективный, социальный, гуманитарный, демократический факторы и критерии.

Выявление критериев нормотворчества органов исполнительной власти, по нашему мнению, является достаточно сложной задачей. Представляется, что эффективность нормотворчества наиболее тесно связана с эффективностью деятельности органов исполнительной власти и качеством законодательства. К этим критериям следует экономические и социальные показатели, эффективность контрольно-надзорной деятельности, качество оказания государственных и муниципальных услуг, а также некоторые иные.

В целях оценки эффективности правотворческой деятельности в России традиционно применяются два института оценки эффективности норм права – правового мониторинга и оценки фактического воздействия [7]. Указанные институты базируются на целом комплексе нормативных правовых актов, наиболее важные из них указ Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»², а также постановление Правительства Российской Федерации «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»³.

В соответствии с Методикой осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации выделяются количественные и качественные показатели оценки, в том числе и эффективности правоприменения, с целью дальнейшего принятия (издания) и изменения правовых актов. Среди критериев можно выделить количественные (количество зафиксированных правонарушений в сфере действия нормативного правового акта) и качественные (несоблюдение гарантированных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; использование положений нормативных правовых актов в качестве

¹ Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь: приказ Росстандарта от 28.09.2015 № 1390-ст // Документ опубликован не был.

² О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 // Российская газета. 2011. 25 мая.

³ О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30.01.2015 № 83 // официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

оснований совершения юридически значимых действий).

Критерии же оценки фактического воздействия включают расходы и доходы от реализации предусмотренных норм, фактические расходы субъекта экономической деятельности, связанные с соблюдением требований, предусмотренных актом, сведения о привлечении к ответственности за нарушение установленных требований.

Отметим, что отдельные показатели и критерии присутствуют в обоих способах оценки эффективности правоприменения. Среди них, прежде всего, финансовые затраты на реализацию нормы, которые можно считать основным эмпирическим показателем оценки эффективности. Другой ключевой критерий – это негативная реализация, то есть несоблюдение правовой нормы, привлечение к ответственности за её нарушение, определяемая статистикой. В нормативных правовых актах не указан критерий, который учеными признается самым значимым, – достижение той общественно значимой цели, ради которой принималась норма.

В настоящее время ученые и практики выделяют три важнейших критерия, которые необходимо применять для определения эффективности нормотворческой деятельности: финансовые расходы, статистика несоблюдения закона, достижение общественно значимой цели [7].

Обсуждение и заключение

В России нет комплексного нормативного акта, который бы на федеральном уровне регулировал критерии оценки эффективности нормотворческой деятельности органов исполнительной власти. В отдельных актах министерств установлены критерии оценки эффективности целевых показателей, таких как расходы бюджетных средств на здравоохранение, работа образовательных учреждений. Предусматривается оценка эффективности целевых показателей реализации государственных программ.

При этом на федеральном уровне закреплены критерии оценки эффективности деятельности высших должностных лиц и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Для главы региона и для органов исполнительной власти они едины и включают двадцать пунктов¹. Большая часть из них – это хозяйственно-экономические показатели, показатели социально-культурного развития, например, качество окружающей среды, уровень доступности жилья, уровень бедности. В последние годы все большее внимание уделяется уровню «цифровой зрелости» в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений.

Применяемая оценка эффективности органов исполнительной власти универсальна для всех субъектов федерации.

Следует отметить, что нормотворчество органов исполнительной власти на федеральном уровне и на уровне субъекта Российской Федерации имеет большое значение для управления как страной в целом, так и ее отдельными регионами. В настоящее время оценка эффективности нормотворчества на различных уровнях концептуально не отличается. В субъектах, как и в России в целом, предпринимаются попытки ввести управление по результатам и оценивать результаты нормотворческой деятельности. При этом наряду с количественными показателями оценки применяются и качественные показатели.

Нормотворческая деятельность органов исполнительной власти будет развиваться и в дальнейшем, поэтому целесообразно совершенствовать специальные методики оценки её эффективности, позволяющие своевременно и адекватно реагировать на потребности общественного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макарейко Н. В. Административное право: учебное пособие для вузов. 11-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2019. 280 с.
2. Козлов Ю.М. Административное право: учебник. Москва: Юрист, 1999. 320 с.
3. Мигачев Ю.И., Попов Л.Л., Тихомиров С.В. Административное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата / под ред. Л.Л. Попова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2018. 456 с.
4. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. Монография. Москва: Юридическая литература, 1980. 280 с.

¹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

5. Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 480 с.
6. Тихомиров Ю.А. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: монография / Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцева, А.А. Аюрова и др. Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 336 с.
7. Правовой мониторинг: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова и Д.Б. Горохова. Москва, 2009. 416 с.
8. Раздьяконова Е.В. Основы нормотворчества: курс лекций. Новосибирск: изд-во СибАГС. 2016. 246 с.

REFERENCES

1. Makarejko, N. V. Administrativnoe pravo: uchebnoe posobie dlya vuzov. 11-e izd., pererab. i dop. Moskva: YUrajt, 2019. 280 s.
2. Kozlov YU.M. Administrativnoe pravo: uchebник. Moskva: YUrist, 1999. 320 s.
3. Migachev YU.I., Popov L.L., Tihomirov S.V. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii: uchebник dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. L.L. Popova. 5-e izd., pererab. i dop. Moskva: YUrajt, 2018. 456 s.
4. Kudryavcev V.N., Nikitinskij V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V. Effektivnost' pravovyh norm. Monografiya. Moskva: YUridicheskaya literatura, 1980. 280 s.
5. Arzamasov YU.G. Teoriya i praktika vedomstvennogo normotvorchestva v Rossii: Monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2013. 480 s.
6. Tihomirov YU.A. Effektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktika: monografiya / YU.A. Tihomirov, V.P. Emel'yancev, A.A. Ayurova i dr. Moskva: NIC INFRA-M, 2016. 336 s.
7. Pravovoj monitoring: nauchno-prakticheskoe posobie / pod red. YU.A. Tihomirova i D.B. Gorohova. Moskva, 2009. 416 s.
8. Razd'yakonova E.V. Osnovy normotvorchestva: kurs lekcij. Novosibirsk: izd-vo SibAGS. 2016. 246 s.

Информация об авторах:

Попов Александр Иванович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, aropov332@mvd.ru

Ханахмедова Людмила Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, milars-19@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Popov Alexander I., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Ryazan Branch of the V.Y. Kikoty Moscow University of MIA of Russia, aropov332@mvd.ru

Hanahmedova Lyudmila V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor at the Department of State and Civil Law Disciplines of the Ryazan Branch of the V.Y. Kikoty Moscow University of MIA of Russia, milars-19@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Попов Александр Иванович – инициация исследования; формирование общей идеи исследования, теоретических выводов и рекомендаций; сбор и анализ эмпирического и научного материала, научная редакция текста.

Ханахмедова Людмила Викторовна – постановка цели и задач исследования, определение объекта и методов, анализ результатов и выводов исследования, их уточнение и дополнение.

Статья получена: 12.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 34
DOI: 10.37973/KUI.2022.52.87.003

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ
КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ**

Николай Юрьевич Комлев¹, Альберт Вильданович Рамазанов²,
^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
¹ kolkomlev@yandex.ru, ² rav_2009@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье представлен анализ деятельности Юридической клиники Казанского юридического института МВД России. Авторами обобщена практика оказания бесплатной юридической помощи населению, актуализированы проблемные вопросы деятельности Юридической клиники, представлены рекомендации по регулированию и улучшению деятельности Юридической клиники в свете изменения законодательства и способов оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись статистический, аналитический, системно-структурный, формально-логический методы. В качестве материалов исследования выступили статистические сведения о деятельности Юридической клиники Казанского юридического института МВД России за период с 2019/2020 по 2021/2022 учебные годы, а также «открытые» данные Министерства юстиции Республики Татарстан.

Результаты исследования: авторы статьи приходят к выводу, что функционирование юридических клиник при ведомственных образовательных организациях высшего образования, например в системе МВД России, способствует усилению практической составляющей профессиональной подготовки курсантов.

Обсуждение и заключение: в статье представлен комплекс мероприятий, осуществляемых в рамках функционирования Юридической клиники Казанского юридического института МВД России, направленный на повышение эффективности оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь; должностные преступления; уголовные преступления; административные правонарушения; гражданско-правовая ответственность; защита граждан от преступных посягательств

© Комлев Н.Ю., Рамазанов А.В., 2022

Для цитирования: Комлев Н.Ю., Рамазанов А.В. Актуальные вопросы деятельности Юридической клиники Казанского юридического института МВД России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 18 – 24. DOI: 10.37973/KUI.2022.52.87.003

Scientific article

UDC 34

DOI: 10.37973/KUI.2022.52.87.003

LEGAL CLINIC OF THE KAZAN LAW INSTITUTE OF MIA OF RUSSIA: CURRENT ISSUES

Nikolay Yur'evich Komlev¹, Albert Vil'danovich Ramazanov²,
^{1,2} the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan, Russia,
¹ kolkomlev@yandex.ru, ² rav_2009@mail.ru

Abstract

Introduction: the authors present the analysis of the activities of Legal Clinic of the Kazan Law Institute of MIA of Russia; generalize the the practice of assistance to citizens; highlights challenging issues of the activities of the Clinic, presents recommendations on the regulation and improving the activities of the Clinic in light of legislation changes and ways to support for free civil legal services to the low-income citizens.

Materials and Methods: the authors used statistical, analytical, system and structural, and logical methods. The materials of the study were statistical data on Legal Clinic of the Kazan Law Institute of MIA of Russia from academic years 2019/2020 to 2021/2022 as well as public data of the Ministry of Justice of the Republic of Tatarstan.

Results: the authors concluded that functioning of legal clinics to the departmental educational organizations of the higher education, for example, in the Ministry of Internal Affairs of Russia, reinforce the practical component of cadet training.

Discussion and Conclusions: the article presents activities carried out under functioning of Legal Clinic of the Kazan Law Institute of MIA of Russia aimed at improving the implementation of free legal assistance to the low-income citizens.

© Komlev N.Y., Ramazanov A.V., 2022

Keywords: free legal aid; official crimes; criminal offenses; administrative offenses; civil liability; protection of citizens from criminal encroachments

For citation: Komlev N.Y., Ramazanov A.V. Legal Clinic of the Kazan Law Institute of MIA of Russia: Current Issues // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2022. V. 13. No 4 (50). Pp. 18 – 24. DOI: 10.37973/KUI.2022.52.87.003

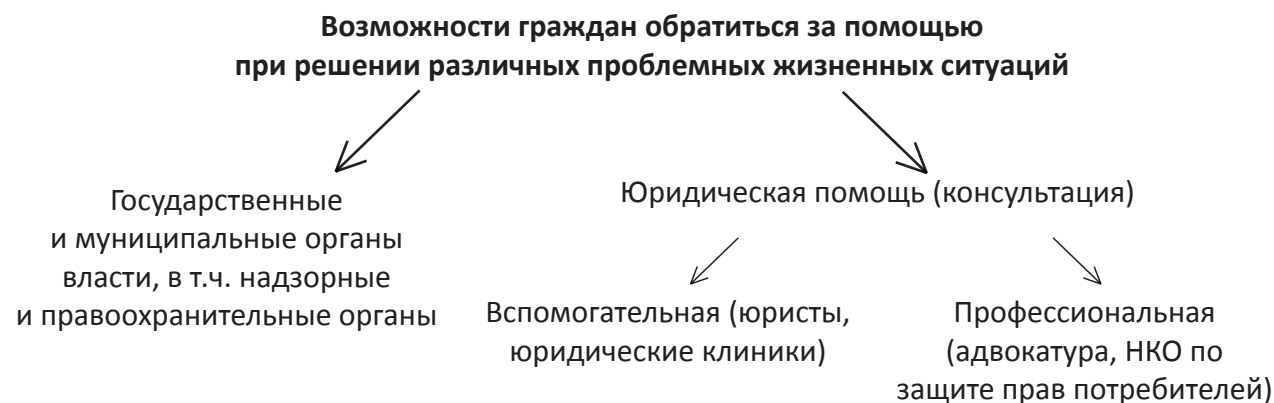
Введение

Оказание бесплатной юридической помощи малоимущим и социально незащищенным гражданам регламентировано федеральными законами и ведомственными нормативными правовыми актами¹. Граждане при возникновении проблемных

вопросов не всегда обладают достаточным уровнем юридических знаний для их разрешения, что приводит к необходимости обращения за квалифицированной помощью. На рисунке представлены варианты, которыми могут воспользоваться граждане для получения правовой консультации:

Рисунок – Место юридических клиник в системе правовой помощи гражданам

Figure – The place of legal clinics in the system of legal aid to citizens

¹ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6725.

Обращение граждан в государственные и муниципальные органы регламентируется нормами Конституции Российской Федерации¹, Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О рассмотрении обращений граждан Российской Федерации»² и фактически представляет собой досудебную возможность решения возникших проблем.

Обзор литературы

Важность и особенности функционирования юридических клиник в образовательных организациях МВД России являлись предметом рассмотрения отдельных научных публикаций [1, 2, 3]. Проблемы доступности юридической помощи для маломобильных групп населения и в условиях пандемии нашли отражение в трудах С.Е. Михайлова [4], Е.В. Пономаревой [5], Л.Л. Тгтяна [6]. Способы совершенствования деятельности юридических клиник различны: например, О. Мухамеджанов предлагает их рассматривать в качестве обязательного элемента профессиональной образовательной программы [7]. Н.Х. Гурбанова, С.В. Располин и другие авторы указывают на необходимость внесения изменений в действующее законодательство в части расширенного толкования понятия «квалифицированная юридическая помощь» [8]. Л.Л. Азаматова, Е.Ю. Семенова рассмотрели возможности применения медиации в деятельности юридических клиник [9]. Поскольку в процессе функционирования юридических клиник возникают специфические вопросы и проблемные ситуации, охватывающие различные отрасли права, в статье авторами отражены специфика деятельности и проблемные аспекты деятельности Юридической клиники Казанского юридического института МВД России при разрешении проблемных правовых вопросов, с которыми обращались граждане.

Результаты исследования

По данным Министерства юстиции Республики Татарстан, в республике функционируют несколько юридических клиник при организациях высшего образования³, одна из которых действует при Казанском юридическом институте МВД России (КЮИ МВД России).

Юридическая клиника осуществляет свою деятельность на общественных началах, обеспечивая непосредственное сочетание теоретического и практического обучения курсантов по оказанию юридических услуг, для приобретения обучающимися навыков правового информирования и

консультирования граждан, в целях обеспечения доступности правовой информации для малообеспеченных слоев населения, популяризации знаний о правах, свободах и обязанностях граждан, о порядке их осуществления и защиты, а также формирования у курсантов твердых этических убеждений и понимания гуманности профессии юриста.

Деятельность Юридической клиники КЮИ МВД России осуществляется в течение учебного года во внеслужебное время с привлечением кураторов из числа профессорско-преподавательского состава и консультантов – курсантов третьего курса, ранее изучивших дисциплины «Гражданское право», «Административное право», «Уголовное право» и др. Задействованные в работе Юридической клиники курсанты параллельно в текущем учебном году изучают дисциплину «Гражданское процессуальное право (Гражданский процесс)», что позволяет им на практике реализовать изученные теоретические знания по применению норм материального и процессуального права.

После завершения обучения в КЮИ МВД России выпускники продолжают служебную деятельность в качестве дознавателей, следователей, оперуполномоченных и на других должностях в территориальных подразделениях МВД России, где, несомненно, практические навыки оказания правовой помощи и общения с гражданами позволяют им эффективно и квалифицированно решать правовые проблемы населения.

В рамках функционирования Юридической клиники за правовой консультацией обращаются люди разного возраста (см. табл. 1).

Большинство обратившихся – это лица трудоспособного возраста, столкнувшиеся с различными проблемными жизненными ситуациями. Уменьшение числа обратившихся за юридической помощью граждан после 2020 года связано с сокращением мест оказания юридической помощи гражданам, когда вместо четырех пунктов обслуживания в опорных пунктах полиции был оставлен один пункт из-за ухудшения санитарно-эпидемиологической ситуации в связи с распространением COVID-19. В этот период консультации осуществлялись с использованием дистанционных технологий, в том числе обращения принимались на электронную почту, по телефону, через сайт КЮИ МВД России. Тематика обращений различна и охватывает широкий

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 1993. 25 декабря.

² О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

³ Юридические клиники. URL: <https://minjust.tatarstan.ru/yuridicheskie-kliniki.htm> (дата обращения: 02.09.2022).

	2019/2020 уч.г.	2020/2021 уч.г.	2021/2022 уч.г.
Проконсультировано, чел., в т.ч.	162	97	88
лиц пенсионного и предпенсионного возраста (от 55 лет)	9	3	4
лиц в возрасте от 22 до 55 лет	152	93	82
лиц в возрасте от 16 до 22 лет	1	1	2

Таблица 1. Категории граждан, обратившихся в Юридическую клинику Казанского юридического института МВД России

Table 1. Categories of citizens who applied to Legal Clinic of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

спектр социально-правовых взаимоотношений граждан с органами власти и между собой (см. табл. 2).

Опыт функционирования Юридической клиники КЮИ МВД России позволил нам выявить ряд актуальных и проблемных вопросов:

- непредставление сведений, необходимых для полного и развернутого рассмотрения дела по существу: при выявлении признаков административного правонарушения или уголовного преступления в рамках разрешения проблемного вопроса большинство обратившихся граждан просят «не давать ход делу», сознательно утаивая дополнительные сведения; не предоставляют письменный (электронный) ответ органа государственной или муниципальной власти, с действиями (бездействием) которого они не согласны;

- позднее обращение за юридической консультацией: отдельные проблемные вопросы уже стали предметом рассмотрения суда первой инстанции (имеется решение суда), а при подготовке рекомендаций к апелляции часто видны допущенные ошибки (недочеты) со стороны граждан, которые трудно устранить в суде апелляционной инстанции (например, не представ-

лены доказательства суду первой инстанции, имеющие важное значение для разрешения дела в пользу заявителя);

- некоторые граждане в силу отсутствия опыта и достаточных знаний, несмотря на полученную в Юридической клинике консультацию, не готовы самостоятельно обращаться в суд с целью защиты и восстановления нарушенных прав и интересов;

- часть граждан, обращающихся за бесплатной юридической помощью, в такой помощи не нуждаются, а являются лицами, направленными в Юридическую клинику для проверки качества оказания юридической помощи. При этом те проблемы, которые озвучиваются данными гражданами, как правило, уже разрешены на практике, в том числе по причине наличия вступившего в законную силу решения суда.

Цифровизация приводит к совершенствованию методов оказания бесплатной юридической помощи гражданам. Например, такие меры начинает реализовывать Министерство юстиции Российской Федерации: «закупка специальных автомобилей в целях организации выездных пунктов для проведения консультаций, создании

	2019/2020	2020/2021	2021/2022
Общее число обращений, из них вопросы:	162	91	88
- жилищно-бытовые	43	21	24
- земельные	21	17	17
- трудовые	16	6	10
- по защите прав потребителей	22	14	14
- по ограничениям и запретам в связи с COVID-19	5	6	3
- по бездействию органов местного самоуправления;	26	10	9
- по бездействию органов государственной власти	15	7	2
- по коррупционным преступлениям	8	2	0
- по действиям сотрудников ГИБДД и УУП	6	8	9

Таблица 2. Категории проблем, для решения которых граждане обращались в Юридическую клинику Казанского юридического института МВД России

Table 2. Categories of problems for which citizens applied to Legal Clinic of Kazan Law Institute of MIA of Russia

общероссийской цифровой платформы для получения бесплатной юридической помощи»¹. Несомненно, цифровая трансформация и техническая оснащенность процесса оказания бесплатной юридической помощи гражданам повысят доступность такой помощи для граждан, которые ранее в силу отдаленности проживания или ограниченной мобильности не имели возможности ее получения.

Обсуждение и заключение

С учетом вышеизложенного предлагаем внести определенные изменения в организацию деятельности Юридической клиники КЮИ МВД России :

- при выявлении случаев неправомерного отказа гражданам в предоставлении государственной (или муниципальной) услуги переправлять в компетентный орган (с учетом норм Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О рассмотрении обращений граждан Российской Федерации») соответствующую информацию с правовым обоснованием неправомерности отказа государственного (или муниципального) органов оказания гражданам услуги;

- в случае наличия признаков административного правонарушения или уголовного преступления принять меры по официальной регистрации данной информации в дежурной части подразделения территориального органа МВД России;

- создать условия для увеличения частоты привлечения внешних специалистов из надзорных, контрольных органов (органы прокуратуры, Управление Роспотребнадзора по Республике Татарстан, Уполномоченный по защите прав человека в Республике Татарстан и др.), которые имеют возможность во время функционирования Юридической клиники оперативно разрешить специализированные проблемные вопросы граж-

дан либо наиболее компетентно проконсультировать их и выстроить алгоритм последовательных действий.

В настоящее время российское общество столкнулось с необходимостью изменения качества и содержания профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций системы МВД с целью повышения их уровня подготовки для практической деятельности. Данное обстоятельство обусловило потребность в преобразовании действовавшей ранее системы образования, характеризовавшейся преобладанием теоретико-абстрактного, академического обучения. Акцент смещается в сторону развивающего обучения, в качестве главной цели которого ставится развитие способностей и профессионального потенциала личности.

Взаимодействие правоохранительных органов с гражданами в рамках оказания им юридической помощи, в том числе в процессе функционирования Юридической клиники КЮИ МВД России, в период обучения будущих сотрудников правоохранительных органов в ведомственной образовательной организации МВД России не только способствует улучшению имиджа МВД России, решению правовых проблем, с которыми сталкиваются граждане, но и позволяет подготовить высокопрофессионального специалиста в области юриспруденции.

Полагаем, важнейшей задачей современного юридического образования является подготовка юристов нового поколения, ориентированных на гуманистические ценности демократического общества, признающих общечеловеческие ценности, разделяющих глобальную идею социальной справедливости и объединенных этими идеями в единое профессиональное сообщество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Батурина Н.И., Печников А.Г. Юридическая клиника как одна из форм образовательного процесса в ВУЗах МВД России // Евразийский юридический журнал. 2019. № 4 (131). С. 395 – 396.
2. Асташкина А.В., Бычкова Е.И. Особенности деятельности юридических клиник в образовательных организациях МВД России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 4. С. 5 – 8.
3. Образцов С.В. Роль юридической клиники в формировании профессиональных компетенций курсантов ВУЗов МВД России // Правовестник. 2018. № 9 (11). С. 72 – 75.
4. Михайлов С.Е. Роль юридической клиники в реализации права граждан на бесплатную юридическую помощь и участия населения в деятельности органов территориального общественного самоуправления (на примере Марийского государственного университета) // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6 (145). С. 205 – 206.

¹ URL: <https://rg.ru/amp/2022/05/31/opublikovan-doklad-o-realizacii-gosudarstvennoj-politiki-v-oblasti-obespecheniia-grazhdan-rtf-besplatnoj-yuridicheskoy-pomoshchiu.html> (дата обращения: 07.09.2022).

5. Пономарева Е.В. Совершенствование деятельности юридической клиники в период пандемии // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 11-11 (79). С. 183 – 185.
6. Ттян Л.Л. Дистанционная работа юридических клиник: проблемы и перспективы развития // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 31 – 38.
7. Мухамеджанов О. Юридические клиники как субъекты системы бесплатной квалифицированной правовой помощи. О некоторых вопросах совершенствования деятельности // Гражданское общество. 2019. Т. 16. № 2 (58). С. 72 – 75.
8. Гурбанова Н.Х., Распопин С.В., Юртаев Н.С., Бардокин Д.А. Актуальные вопросы квалифицированной юридической помощи на постсоветском пространстве // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 257 – 269. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-257-269>.
9. Азаматова Л.Л., Семенова Е.Ю. Возможность применения медиации в деятельности юридических клиник // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-3 (62). С. 61 – 64.

REFERENCES

1. Baturina N.I., Pechnikov A.G. YUridicheskaya klinika kak odna iz form obrazovatel'nogo processa v VUZah MVD Rossii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2019. № 4 (131). S. 395 – 396.
2. Astashkina A.V., Bychkova E.I. Osobennosti deyatel'nosti yuridicheskikh klinik v obrazovatel'nykh organizatsiyah MVD Rossii // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2019. № 4. S. 5 – 8.
3. Obrazcov S.V. Rol' yuridicheskoy kliniki v formirovanii professional'nykh kompetencij kursantov VUZov MVD Rossii // Pravovestnik. 2018. № 9 (11). S. 72 – 75.
4. Mihajlov S.E. Rol' yuridicheskij kliniki v realizacii prava grazhdan na besplatnyuyu yuridicheskuyu pomoshch' i uchastiya naseleniya v deyatel'nosti organov territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya (na primere Marijskogo gosudarstvennogo universiteta) // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 6 (145). S. 205 – 206.
5. Ponomareva E.V. Sovershenstvovanie deyatel'nosti yuridicheskoy kliniki v period pandemii // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. 2021. № 11-11 (79). S. 183 – 185.
6. Tt'yan L.L. Distancionnaya rabota yuridicheskikh klinik: problemy i perspektivy razvitiya // Voprosy rossijskoj yusticii. 2022. № 17. S. 31 – 38.
7. Muhamedzhanov O. YUridicheskije kliniki kak sub'ekty sistemy besplatnoj kvalificirovannoj pravovoj pomoshchi. O nekotorykh voprosah sovershenstvovaniya deyatel'nosti // Grazhdanskoe obshchestvo. 2019. T. 16. № 2 (58). S. 72 – 75.
8. Gurbanova N.H., Raspopin S.V., YUrt'aev N.S., Bardokin D.A. Aktual'nye voprosy kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshchi na postsovet'skom prostranstve // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki. 2020. T. 4. № 3. S. 257 – 269. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-257-269>.
9. Azamatova L.L., Semenova E.YU. Vozmozhnost' primeneniya mediatsii v deyatel'nosti yuridicheskikh klinik // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2021. № 11-3 (62). S. 61 – 64.

Информация об авторах:

Комлев Николай Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, kolkomlev@yandex.ru

Рамазанов Альберт Вильданович, кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, rav_2009@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Komlev Nikolay Yu., Candidate in Law (Research Doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, kolkomlev@yandex.ru

Ramazanov Albert V., Candidate in Economics (Research Doctorate), Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, rav_2009@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Комлев Николай Юрьевич – структурирование методической части статьи, формулировка выводов и практических рекомендаций; проведение критического осмысления и структурирование собранных материалов; доработка текста исследования.

Рамазанов Альберт Вильданович – разработка концептуальных подходов исследования, сбор и анализ данных; подготовка первоначального варианта текста; формулировка выводов и практических рекомендаций.

Статья получена: 12.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 342.5
DOI: 10.37973/KUI.2022.22.80.004

**ПОЛНОМОЧИЯ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА
СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ (ОПЫТ ПАНДЕМИИ COVID-19)**

Александр Николаевич Мещеряков,
Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России, Тюмень, Россия, 12.00.02@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье осуществляется анализ полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и практики их реализации в период пандемии на предмет соответствия задачам эффективного противодействия чрезвычайным ситуациям эпидемиологического характера.

Материалы и методы: работа основана на нормативно-правовых и научных материалах, а также правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Достоверность полученных результатов подтверждена использованием общенаучных и специально-юридических методов исследования, таких как формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования: в статье изучены правовые основы и практика использования полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в период пандемии COVID-19. Установлена хронология введения особых правовых режимов. Исследована проблема использования указанных полномочий за рамками, установленными федеральным законодательством.

Обсуждение и заключение: сделан вывод, согласно которому в ходе пандемии высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации было наделено достаточным для эффективного реагирования на чрезвычайные ситуации объемом полномочий в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Выделено две группы указанных полномочий: общие, применимые в рамках обычного правового режима, и чрезвычайные, которые могут быть использованы только при введении в установленном порядке особых правовых режимов. Выдвинуто предположение о возможности дальнейшего использования права регулирования в опережающем порядке, признаваемого за высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации.

Ключевые слова: высшее должностное лицо; субъект Российской Федерации; полномочия; санитарно-эпидемиологическое благополучие; правовой режим; пандемия

© Мещеряков А.Н., 2022

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения (опыт пандемии COVID-19) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 25 – 32. DOI: 10.37973/KUI.2022.22.80.004

Scientific article
UDC 342.5
DOI: 10.37973/KUI.2022.22.80.004

**THE AUTHORITY OF THE HIGHEST OFFICIAL OF A CONSTITUENT ENTITY
OF THE RUSSIAN FEDERATION TO ENSURE THE SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL
WELL-BEING OF THE POPULATION (EXPERIENCE OF THE COVID-19 PANDEMIC)**

Aleksandr Nikolayevich Meshcheryakov,
the Tyumen Advanced Training Institute of MIA of Russia, Tyumen, Russia, 12.00.02@mail.ru

Abstract

Introduction: the author conducts the analysis of the authority of the highest official of a constituent entity of the Russian Federation with respect to the protection of the population's well being and the practice of implementation during the pandemic with a view to aligning tasks of effective countering emergency situations of epidemiological nature.

Materials and Methods: the author used legal instruments and scientific works, as well as legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Reliability of the obtained results has confirmed by the use of general scientific and special legal methods of research, such as legal and comparative legal methods.

Results: the author studied legal frameworks and the use of authority of the highest official of a constituent entity of the Russian Federation with respect to the protection of the population's well being during the pandemic COVID-19. The author established chronology of special legal regimes. The author studied the usage of the authorities beyond the limits established by federal law.

Discussion and Conclusions: during the pandemic, the highest-ranking official of a subject of the Russian Federation was endowed with sufficient authority to effectively respond to emergencies in ensuring the sanitary and epidemiological welfare of the population. Two groups of authorities were distinguished: general, applicable within the ordinary legal regime and extraordinary, which were used only when special legal regimes were introduced in the prescribed way. It was suggested that the right to regulate in advance, admitted for the highest-ranking official of a subject of the Russian Federation by the Constitutional Court of the Russian Federation, can be used in prospect.

Keywords: highest-ranking official; subject of the Russian Federation; powers; sanitary and epidemiological well-being; legal regime; pandemic

© Meshcheryakov A.N., 2022

For citation: Meshcheryakov A.N. The Authority of the Highest Official of a Constituent Entity of the Russian Federation to Ensure the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population (Experience of the Covid-19 Pandemic) // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 25 – 32. DOI: 10.37973/KUI.2022.22.80.004

Введение

Два глобальных и совпавших по времени события – конституционная реформа и пандемия COVID-19 (далее – пандемия) – определили существенные изменения в конституционно-правовом статусе высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (РФ). Первое придало высшему должностному лицу субъекта РФ статус конституционного органа государственной власти, второе послужило поводом для совершенствования полномочий высшего должностного лица субъекта РФ в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Внезапно начавшись, пандемия бросила обществу глобальный вызов, повлияв на большинство сфер жизнедеятельности, и стала серьезным испытанием для всех государственных институтов.

В настоящее время, когда острая угроза отступила, можно с уверенностью утверждать об эффективности принимаемых органами публичной власти мер и верно выбранной стратегии противодействия. Вместе с тем из любых событий, даже имеющих негативную окраску, следует извлекать необходимый опыт, позволяющий в будущем более результативно реагировать на возникающие угрозы и избегать ранее допущенных ошибок.

Обзор литературы

Вопросы, связанные с реагированием органов государственной власти на события, вызванные пандемией, рассматривались в работах многих авторов. Полномочиям высшего должностного лица субъекта РФ в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в период пандемии были посвяще-

ны научные статьи Н.В. Варламовой, В.А. Винокурова, Е.Н. Дорошенко, А.М. Коновалова, А.Ф. Пьянковой, Ю.Г. Федотовой, К.В. Шафигулина. Серьезные доктринальные работы по указанным вопросам в настоящее время пока отсутствуют.

Поскольку рассмотрение исследуемых проблем затрагивало вопросы ограничения прав и свобод человека и гражданина в особых условиях, при подготовке статьи автор обращался к работам И.В. Гончарова, С.В. Пчелинцева, В.А. Толстика.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили нормы Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, а также законы субъектов Российской Федерации, положения которых регулируют полномочия высшего должностного лица субъекта РФ. Теоретической базой для изучения полномочий в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения стали публикации ведущих представителей науки конституционного права. В качестве эмпирических материалов использовалась практика Конституционного Суда Российской Федерации.

Методология работы основана на диалектическом методе познания с базирующимися на нем общенаучными методами исследования явлений и процессов в их развитии и взаимообусловленности. Среди частнонаучных методов преобладает формально-юридический, а также сравнительно-правовой (внутреннего сравнения), позволяющий сопоставить рассматриваемые полномочия высших должностных лиц в различных субъектах РФ, выявить их сходства и различия.

Результаты исследования

Известно, что в условиях необходимости быстрого реагирования на изменяющиеся условия из всех ветвей государственной власти наиболее мобильной является власть исполнительная. Поэтому в начале пандемии именно органы исполнительной власти первыми приступили к реализации чрезвычайных мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Деятельностью органов государственной власти по противодействию пандемии в масштабе всей страны руководил Президент Российской Федерации, так как, согласно Основному закону страны, он является главой государства, гарантом прав и свобод человека и гражданина (ч. 1, 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации), на него

возложено общее руководство осуществлением исполнительной власти Российской Федерации (ч. 1 ст. 110 Конституции Российской Федерации). В субъектах РФ это стало задачей высших должностных лиц, которые, как следует из конституционного наименования должности, являются руководителями высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ.

Исходя из того, что мероприятия по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в период пандемии, включая применение ограничительных мер, осуществлялись на основании решений высших должностных лиц субъектов РФ, научный интерес представляет вопрос о наличии у них соответствующих полномочий.

Нельзя отрицать, что, поскольку носителем вируса является человек, предотвратить распространение болезни, не ограничив права и свободы личности, невозможно, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия в чрезвычайных условиях требует применения соответствующих мер. В научной литературе такое ограничение прав и свобод человека и гражданина принято называть специальным [1, с. 115].

Во время пандемии специальные ограничения правового статуса личности вводились как по территории (субъект федерации), так и по субъекту (лица, прибывающие из-за границы или имеющие признаки заболевания). Изучение законности, обоснованности и соразмерности этих мер обусловлено выработанными в практике Конституционного Суда Российской Федерации требованиями об адекватности ограничений прав и свобод человека и гражданина социально необходимому результату. Применяемые ограничения не должны посягать на само существование права или свободы, не ставить их реализацию в зависимость от решения правоприменителя, а возможность несоразмерного ограничения должна быть исключена¹.

Конституционно-правовым основанием для наличия у высшего должностного лица субъекта РФ полномочий в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения являются п. «б», «з» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, относящие к предметам совместного ведения России и ее субъектов решение вопросов защиты прав и свобод человека и гражданина, осуществления мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями. Поскольку, согласно ст. 76 Конституции

¹ По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.02.2000 № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 9. Ст. 1066.

Российской Федерации, по предметам совместного ведения издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, при закреплении в федеральных законах подобных полномочий высшего должностного лица субъекта РФ их законность не может быть поставлена под сомнение.

Вместе с тем Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹ на момент возникновения пандемии не предусматривал наличие специальных полномочий высшего должностного лица субъекта РФ в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Существовавшая в нем норма о предупреждении чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий (п. 5 ч. 2 ст. 26³) не наделяла высшее должностное лицо субъекта РФ теми полномочиями, которые фактически были использованы при ограничении прав и свобод человека в период пандемии.

Новый Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»² сохранил аналогичный подход к регулированию исследуемых общественных отношений (п. 5 ч. 1 ст. 44).

Специальные полномочия высшего должностного лица субъекта РФ в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения основаны на положениях федеральных законов от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»³ (далее – Закон о санитарно-эпидемиологическом благополучии) и от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁴ (далее – Закон о ЧС).

В первом закреплены полномочия в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ст. 6), такие как принятие нормативных правовых актов субъекта РФ, подго-

товка реализация соответствующих региональных программ, пропаганда здорового образа жизни, введение и отмена на территории субъекта РФ ограничительных мероприятий (карантина) и др.

В рамках исследования заслуживает внимания режим карантина, который законом определен как административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных (ст. 1). Такой режим позволяет органам государственной власти субъекта РФ вводить ограничения отдельных прав и свобод личности, в том числе свободы передвижения, однако в период пандемии он не был использован.

Второй – Закон о ЧС – устанавливает полномочия органов государственной власти субъектов РФ в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций: принятие нормативных правовых актов, наличие необходимых сил и средств, проведение эвакуационных мероприятий, проведение аварийно-спасательных и других неотложных работ, введение режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации и ряд других.

Как ни странно, практика пошла по пути установления в субъектах РФ не предусмотренного Законом о санитарно-эпидемиологическом благополучии режима карантина, что более логично и отмечается рядом авторов [2, с. 58-59], а установленного Законом о ЧС режима повышенной готовности.

Возможно, именно поэтому основная научная дискуссия развернулась в отношении введения в субъектах РФ режима повышенной готовности с установлением обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения, ограничивающих права и свободы человека и гражданина, в том числе свободы передвижения, права на труд, свободы предпринимательской деятельности и т.д. Нормативной основой для принятия этих решений стали пункты «м»⁵, «у» и «ф»⁶ ст. 11 Закона о ЧС, причем последние два были установлены постфактум.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52. Ч. I. Ст. 8973.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»: Федеральный закон от 01.04.2012 № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 14. Ст. 1549.

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14. Ч. I. Ст. 2028.

Многие авторы, анализируя сложившуюся практику, подчеркивают проблемы оснований, пределов и содержания действующих в период пандемии ограничений прав и свобод [3, с. 53]; характера этих мер, их подзаконного регулирования, соответствия действующему законодательству [5, с. 32-33], а также расширенного делегирования органам государственной власти субъектов РФ федеральных полномочий [4, с. 6-7].

Эти противоречия обусловлены последовательностью принятия нормативных правовых актов, поскольку под сомнение ставится законность мер, принятых в субъектах РФ до 1 апреля 2020 г. – даты вступления в силу поправок в Закон о ЧС, предоставивших органам государственной власти субъектов РФ такие полномочия.

Изучение хронологии принятия нормативных правовых актов, вводящих особые меры в связи с пандемией, дает основание утверждать, что одним из первых постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 24 января 2020 г. № 2 «О дополнительных мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV»¹ высшим должностным лицам субъектов РФ иным государственным органам, организациям были даны рекомендации по организации санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий.

Доведение подобных рекомендаций в практике Главного государственного санитарного врача Российской Федерации не является чем-то новым; это его полномочие, предусмотренное Законом о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, периодически используется.

Однако в последующих его постановлениях от 31 января 2020 г. № 3, от 2 марта 2020 г. № 5, от 13 марта 2020 г. № 6, от 30 марта 2020 г. № 9 в отношении высших должностных лиц субъектов РФ содержатся предписания уже не рекомендательного (рекомендовать), а обязывающего (постановляю) характера. Несмотря на то, что эти предписания выходили за рамки полномочий, установленных Законом о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения (на

эту проблему, в частности, обращает внимание В.А. Винокуров [6]), они не остались без внимания и были исполнены.

Как отмечает Н.В. Варламова, в условиях фактически сложившейся чрезвычайной ситуации, к которой, несомненно, относится ситуация с пандемией, может быть две стратегии действий государства: преодолевать ее в рамках существующего конституционного порядка и правового регулирования или вводить особый правовой режим [7, с. 17-19]. На чрезвычайный характер полномочий и принятых во время пандемии в субъекта РФ мер указывают многие исследователи [8, 5, 9].

С учетом ситуации в короткий период с 24 января 2020 г. (первое предписание Главного государственного санитарного врача Российской Федерации) до 2 апреля 2020 г. (издание указа Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»²) (далее – Указ Президента РФ № 239) органам государственной власти субъектов РФ было необходимо ввести один из особых правовых режимов, наиболее подходящих для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения: карантин, режим повышенной готовности или режим чрезвычайной ситуации.

Практика пошла по пути введения в субъектах РФ в период с 27 января 2020 г. (Амурская область) по 20 марта 2020 г. (Воронежская область) нормативными правовыми актами высшего должностного лица (в 58 субъектах РФ³) или высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ (в 23 субъектах РФ⁴) режима повышенной готовности. В 4 субъектах РФ (Республика Бурятия⁵, Мурманская, Псковская, Тульская области) были изданы нормативные правовые акты высших должностных лиц и акты высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ.

В принятых органами государственной власти субъектов РФ актах были установлены специаль-

¹ Российская газета. 2020. 29 января.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14. Ч. I. Ст. 2082.

³ Например, распоряжение губернатора Амурской области от 27.01.2020 № 10-Р «О введении режима повышенной готовности». URL://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2022).

⁴ Например, постановление Правительства Брянской области от 17.03.2020 № 106-п «О введении режима повышенной готовности на территории Брянской области». URL://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2022).

⁵ О вводе режима функционирования «повышенная готовность» для территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Республики Бурятия: распоряжение Правительства Республики Бурятия от 07.02.2020 № 72-Р; О дополнительных мерах по защите населения и территории Республики Бурятия от чрезвычайной ситуации, связанной с возникновением и распространением инфекции, вызванной новым типом коронавируса (COVID-19): указ Главы Республики Бурятия от 13.03.2020 № 37. URL://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2022).

ные ограничительные и обязывающие меры. В них были закреплены такие императивные предписания, как запрет на проведение спортивных, массовых мероприятий и т.д.), приостановление работы ресторанов, кафе и т.д., обязательство граждан по использованию средств индивидуальной защиты и т.д.). Также встречались указания воздержаться от посещения религиозных объектов, поездок за пределы субъекта РФ и т.д., рекомендовать соблюдение социального дистанцирования, перевода на дистанционный режим исполнения трудовых обязанностей и т.д.).

Никаких сомнений, в том, что подобные правовые предписания ограничивают права и свободы человека и гражданина, используя известные в юридической науке формы: обязывание, запрет, приостановление реализации определенного объема прав и свобод [1, с. 115; 10, с. 168]. В связи с установлением таких требований возникает присущая особым правовым режимам ситуация необходимого обеспечения баланса интересов государства и личности [11, с. 7].

В этом как раз и заключается причина возникших противоречий, поскольку, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, единственным возможным основанием ограничения прав и свобод человека и гражданина является федеральный закон, а поправки в Закон о ЧС, устанавливающие соответствующие полномочия высших должностных лиц субъектов РФ, были внесены только 1 апреля 2020 г. указом Президента РФ № 239. Высшим должностным лицам субъектов РФ было предписано обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий.

Таким образом, только 2 апреля 2020 г. на федеральном уровне было завершено формирование правовых основ, предоставивших высшему должностному лицу субъекта РФ полномочия в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, связанные с ограничениями прав и свобод человека и гражданина.

Никто не спорит с тем, что в оперативном режиме был выстроен принципиально новый механизм осуществления мероприятий по противодействию чрезвычайной ситуации на региональном уровне. Однако законность введенных в субъектах РФ ограничений прав и свобод человека и гражданина в период с 27 января 2020 г. до 1 апреля 2020 г. стала предметом не только научной

дискуссии, но судебных разбирательств. В итоге указанные полномочия высшего должностного лица субъекта РФ стали предметом конституционного контроля¹.

В рассматриваемом деле проверялось соответствие Конституции Российской Федерации полномочий губернатора Московской области по установлению для граждан запрета покидать место проживания (пребывания), что является ограничением права граждан на свободу передвижения.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, с учетом того, что жизнь человека является высшей конституционной ценностью, без которой реализация иных прав становится во многом бессмысленна, высшим должностным лицом субъекта РФ было осуществлено оперативное (опережающее) правовое регулирование, что не может расцениваться как противоречие положениям Конституции Российской Федерации. Ограничение свободы передвижения, установленное постановлением губернатора Московской области, поскольку оно имело исключительный, временный и экстраординарный характер, преследовало конституционно закрепленные цели защиты жизни и здоровья всех лиц, признано допустимым и соразмерным. Но, несмотря на убедительную аргументацию, дальнейшая возможность преодоления правом опережающего правового регулирования прямых предписаний ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации оставляет некоторые сомнения.

Обсуждение и заключение

Завершая исследование, выносим на обсуждение следующие выводы:

1. Среди органов государственной власти субъекта РФ высшее должностное лицо является единственным, способным в нештатной ситуации обеспечить адекватное внезапно возникающим угрозам реагирование, в том числе с целью обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Такая возможность достигается за счет имеющихся у него полномочий, в том числе чрезвычайных, которыми оно было наделено федеральным законодательством в период пандемии.

2. Проведенный анализ позволил выявить недостатки в существующем на начало пандемии (январь – март 2020 г.) правовом механизме реагирования на чрезвычайные ситуации эпи-

¹ По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1. Ч. II. Ст. 289.

демиологического характера, выразившиеся в недостаточном объеме полномочий высших должностных лиц субъектов РФ.

Действующие на момент редакции федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» предусматривали отдельные полномочия высшего должностного лица субъекта РФ в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, однако они не предоставляли ему право ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Этот пробел был устранен внесенными 1 апреля 2020 г. в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» изменениями, наделившими высшее должностное лицо субъекта РФ чрезвычайными полномочиями в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

3. Несмотря на то, что в начале пандемии (до 1 апреля 2020 г.) высшие должностные лица субъектов РФ вышли за рамки предоставленных федеральными законами полномочий, рассматривая этот вопрос, Конституционный Суд Российской Федерации с учетом особой ценности права на жизнь и здоровье, исключительного и экстраординарного характера конкретно-исторической ситуации признал, что эти полномочия были осуществлены в рамках признаваемого за субъек-

тами РФ права осуществления опережающего правового регулирования по предметам совместного ведения.

Признание такого права позволяет его дальнейшее использование. Но в той части, в которой его применение связано с ограничением прав и свобод человека и гражданина, оно должно иметь четкие границы, обусловленные необходимостью обеспечения баланса между защитой жизни и здоровья граждан и правами и свободами конкретного лица.

4. В настоящее время высшее должностное лицо субъекта РФ наделено необходимым для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения объемом полномочий. Часть из них может быть реализована в рамках обычного правового режима (подготовка и содержание в готовности необходимых сил и средств, организация и проведение аварийно-спасательных и других неотложных работ, финансирование региональных программ и мероприятий по защите от чрезвычайных ситуаций, пропаганда здорового образа жизни и т.д.).

Отдельные полномочия носят чрезвычайный характер и могут быть использованы только в рамках особых правовых режимов повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (установление обязательных для исполнения правил поведения, особого порядка передвижения лиц и транспортных средств, приостановление (ограничение) деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей и др.). Особенность этих полномочий заключается в том, что они допускают правомерное ограничение прав и свобод человека и гражданина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гончаров И.В. Ограничения прав и свобод человека и гражданина как элемент их обеспечения // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3. С. 111-117.
2. Пьянкова А.Ф. Правовые основания введения в регионах России мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции // Закон. 2020. № 5. С. 53-59.
3. Дорошенко Е.Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 12. С. 48-56.
4. Федотова Ю.Г. Реализация мер административно-публичного обеспечения социальной защиты граждан в условиях режима повышенной готовности // Социальное и пенсионное право. 2020. № 3. С. 3-7.
5. Коновалов А.М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 32-34.
6. Винокуров В.А. Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и новая коронавирусная инфекция: проблемы правового регулирования // Медицинское право. 2020. № 4. С. 9-19.
7. Варламова Н.В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 17-30.

8. Винокуров В.А. Проблемы правового регулирования, возникающие при ликвидации нового вида чрезвычайных ситуаций // Теория государства и права. 2020. № 4. С. 49-60.
9. Шафигулин К.В. Угроза национальной безопасности, связанная с проблемой государственного управления по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3. С. 11-15.
10. Толстик В.А. Юридическая форма, цели и мера ограничения прав и свобод человека // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4. С. 167-171.
11. Пчелинцев С.В. Пределы ограничений прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов: современные подходы // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 3-9.

REFERENCES

1. Goncharov I.V. Ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina kak element ih obespecheniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 3. S. 111-117.
2. P'yankova A.F. Pravovye osnovaniya vvedeniya v regionah Rossii mer, prepyatstvuyushchih rasprostraneniyu novoj koronavirusnoj infekcii // Zakon. 2020. № 5. S. 53-59.
3. Doroshenko E.N. Konstitucionno-pravovye osnovy ogranicheniya prav cheloveka v svyazi s pandemiej novoj koronavirusnoj infekcii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. T. 15. № 12. S. 48-56.
4. Fedotova YU.G. Realizaciya mer administrativno-publichnogo obespecheniya social'noj zashchity grazhdan v usloviyah rezhima povyshennoj gotovnosti // Social'noe i pensionnoe pravo. 2020. № 3. S. 3-7.
5. Konovalov A.M. Zakonno li vvedeny rezhim povyshennoj gotovnosti i posledovavshie za nim ogranicheniya prav i svobod na territoriyah sub'ektov Rossijskoj Federacii? // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2020. № 7. S. 32-34.
6. Vinokurov V.A. Sanitarno-epidemiologicheskoe blagopoluchie naseleniya i novaya koronavirusnaya infekciya: problemy pravovogo regulirovaniya // Medicinskoe pravo. 2020. № 4. S. 9-19.
7. Varlamova N.V. Pandemiya COVID-19 kak vyzov konstitucionnomu pravoporyadku // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2020. № 6. S. 17-30.
8. Vinokurov V.A. Problemy pravovogo regulirovaniya, vznikayushchie pri likvidacii novogo vida chrezvychajnyh situacij // Teoriya gosudarstva i prava. 2020. № 4. S. 49-60.
9. SHafigulin K.V. Ugroza nacional'noj bezopasnosti, svyazannaya s problemoj gosudarstvennogo upravleniya po protivodejstviyu rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2021. № 3. S. 11-15.
10. Tolstik V.A. YUridicheskaya forma, celi i mera ogranicheniya prav i svobod cheloveka // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2017. № 4. S. 167-171.
11. Pchelincev S.V. Predely ogranichenij prav i svobod cheloveka v usloviyah osobyh pravovyh rezhimov: sovremennye podhody // Zhurnal rossijskogo prava. 2005. № 8. S. 3-9.

Информация об авторе:

Мещеряков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, ORCID ID: 0000-0001-9676-2816, ResearcherID: AAS-3148-2020, 12.00.02@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Meshcheryakov Aleksandr N., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, the Head of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of law Enforcement Officers of the Tyumen Advanced Training Institute of MIA of Russia, ORCID ID: 0000-0001-9676-2816, ResearcherID: AAS-3148-2020, 12.00.02@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 29.06.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

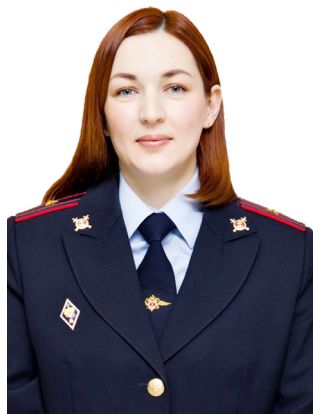
Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.37973/KUI.2022.60.45.005

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА
В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ
(ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ)**

Алсу Дамировна Сайфутдинова¹, Альфия Муратовна Айгозина²,
^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
¹ alsou_f@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются вопросы применения полицией отдельных мер государственного принуждения, связанных с ограничением прав и свобод граждан.

Материалы и методы: при написании статьи использованы сравнительно-правовой, формально-логический методы, а также метод логического анализа. Нормативную базу составило действующее российское законодательство, теоретической основой исследования выступила научная литература.

Результаты исследования: принцип неприкосновенности жилища представляет собой систему конституционных, уголовных, уголовно-процессуальных и гражданско-правовых норм, содержащих гарантии охраны права на неприкосновенность жилища, правила и порядок процедур, обеспечивающих законность и обоснованность осуществления органами внутренних дел производства следственных действий, исполнения мер процессуального принуждения и производства оперативно-розыскных мероприятий в жилище.

Обсуждение и заключение: предложен порядок реализации права проникновения в жилище сотрудников полиции в практической деятельности с учетом изменений, внесенных в законодательство. Кроме того, сформулированы предложения по совершенствованию действующего механизма проникновения полиции в жилище.

Ключевые слова: законность; правоохранительные органы; государственное принуждение; полиция; права полиции; полномочия полиции; право на неприкосновенность жилища; проникновение в жилище

© Сайфутдинова А.Д., Айгозина А.М., 2022

Для цитирования: Сайфутдинова А.Д., Айгозина А.М. Особенности реализации принципа неприкосновенности жилища в условиях расширения полномочий сотрудников полиции (вопросы правового регулирования и практики) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 33 – 39. DOI: 10.37973/KUI.2022.60.45.005

Scientific article
UDC 340
DOI: 10.37973/KUI.2022.60.45.005

**FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF INVIO-
LABILITY OF THE HOME IN THE CONTEXT OF EXPANDING THE POWERS OF POLICE OFFICERS
(ISSUES OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE)**

Alsu Damirovna Saifutdinova¹, Alfiya Muratovna Aigozina²,
^{1,2} the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia,
¹ alsou_f@mail.ru

Abstract

Introduction: the authors discuss certain state coercion measures taken by police relating to the restriction of certain human rights and freedoms.

Materials and Methods: the authors used comparative, legal and logical analysis methods. Materials were legislation of Russia, and scientific works.

Results: principle of inviolability of the home is a system of constitutional, criminal, criminal procedural norms, and civil law norms containing guarantees of protection of the right to inviolability of the home, rules and procedures to ensure the legitimacy and validity of the implementation by the internal affairs bodies investigations, execution of procedural coercive measures, and investigation in a home.

Discussion and Conclusions: the procedure for the implementation of the right of entry into the home of police officers is proposed, taking into account the changes made in the legislation. In addition, proposals for improving the current mechanism of police entry into the home are formulated.

Keywords: *legality; law enforcement agencies; state coercion; police; police rights; police powers; the right to inviolability of the home; entry into the home*

© Saifutdinova A.D., Aigozina A.M., 2022

For citation: Saifutdinova A.D., Aigozina A.M. Features of the Implementation of the Principle of Inviolability of the Home in the Context of Expanding the Powers of Police Officers (Issues of Legal Regulation and Practice) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 33 – 39. DOI: 10.37973/KUI.2022.60.45.005

Введение

Основной закон государства провозглашает особый статус жилища, несомненно, являющегося важнейшей и неотъемлемой частью жизни каждого человека. Понятие «дом» отражает неразрывную связь личности с местом проживания, так как жилище представляет собой не только место проживания человека и удовлетворения его бытовых потребностей, но и является местом, где хранятся личные вещи и где гражданин проводит ту часть времени, которая имеет существенное значение для каждого. Место, являющееся жилищем, независимо от вида и формы собственности, естественным образом связано с частной жизнью лица, однако определения такого понятия, как «частная жизнь», в действующем законодательстве нет. В Конституции Российской Федерации, Уголовном кодексе Российской Федерации и других нормативных правовых актах используются термины «частная жизнь» и «неприкосновенность частной жизни», однако трактовка самого понятия отсутствует. Результа-

ты научных исследований данного понятия дают возможность сформулировать следующий подход к его пониманию: частной жизнью следует считать совокупность тех сторон жизни человека, которые он, имея на это право, скрывает от других, определяя границы тайны самостоятельно. Так, к частной жизни могут относиться духовные и физиологические составляющие жизнедеятельности, семейные и личные отношения, контакты с другими людьми, переписка и высказывания, дневники и фотографии и другая информация о самом лице и его жизни, которую он относит к категории тайны. Независимо от того, что человек включает в понятие частной жизни, она подлежит защите от постороннего вмешательства и разглашения, за исключением случаев, когда речь идет о нарушении действующего законодательства.

Федеральным законом от 21 декабря 2021 № 424-ФЗ в Федеральный закон «О полиции» внесены существенные изменения, коснувшиеся конституционных прав граждан. В статье

рассматриваются такие изменения, внесенные указанным законом, которые затронули механизм реализации конституционного принципа неприкосновенности жилища. Расширение полномочий полиции всегда связано с появлением новых оснований для ограничений прав и свобод граждан в условиях применения государственного принуждения, которое, по мнению ученых, заключается либо в формировании состояния властной подчиненности, либо в непосредственном прямом воздействии [1, с. 61].

Указанные выше изменения не только существенно расширяют права полиции, без которых невозможна реализация отдельных ее обязанностей, но и имеют уточняющий характер в отношении порядка проникновения в жилище. Кроме того, вышеуказанным законом введено новое для российского законодательства право полиции по вскрытию транспортных средств граждан. По нашему мнению, это целесообразное нововведение, так как практический опыт свидетельствует, что автотранспорт, где так же, как и в квартире, доме или в гараже могут совершаться преступления и происходить несчастные случаи, ранее для сотрудников полиции был своего рода «неприступной крепостью», для проникновения в которую необходимо было получить процессуальное основание, что приводило к промедлению и, как следствие, утрате возможности спасения жизни граждан или раскрытия преступлений. До внесения изменений в закон сотрудники полиции были лишены возможности оперативно задерживать лиц, на которых потерпевшие или очевидцы указывали как на совершивших преступление. Известны случаи, когда отсутствие такого полномочия у полиции стало причиной невозможности прекращения преступных действий: например, в Екатеринбурге из-за отсутствия законных оснований для проникновения в жилище сотрудники полиции не смогли предотвратить убийство. Пожилая женщина вступилась за соседку, которой угрожал муж, после чего он вошел в ее квартиру с намерением разобраться с ней за такое вмешательство. Испугавшись, соседи обратились в полицию, но, так как правовых оснований для проникновения в квартиру не было, полицейские уехали. В результате был обнаружен труп пожилой женщины со следами насильственной смерти¹. Практика изобилует аналогичными примерами, что дает основание считать обоснованными изменения, внесенные в закон,

несмотря на то, что жилище защищено от проникновения конституционными нормами.

Обзор литературы

Проблема защиты жилища от незаконного проникновения является актуальной не только в связи с изменениями, которые впервые внесены в статью 15 Федерального закона «О полиции» с момента его принятия, но и в связи с тем, что изменения затрагивают такой важный конституционный принцип, как защита неприкосновенности жилища. Исследуя тему защиты жилища от незаконного проникновения, в первую очередь мы обратились к фундаментальным исследованиям сущности права на неприкосновенность жилища и охрану частной жизни, проведенным Р.М. Валевым, И.Л. Петрухиным и Ю.И. Стецовским.

Материалы и методы

Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ на ее сотрудников возложена обязанность по защите права каждого гражданина на неприкосновенность жилища, но одновременно с этим закон наделяет полицейских правом осуществлять проникновение в жилище без согласия граждан в специально предусмотренных на то случаях. При этом основания для проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц содержатся также в законах, регламентирующих военное и чрезвычайное положение, противодействие терроризму и оперативно-розыскную деятельность. Актуальность темы обусловила выбор материалов для изучения при подготовке статьи: среди них не только научные статьи и исследования, но и информационные ресурсы, материалы судебной практики разных регионов России (Вологодская область, Республика Бурятия, Свердловская область) за 2020 год и учебная литература. Материалы исследования были изучены с помощью сравнительно-правового и формально-логического метода, а также метода логического анализа.

Результаты исследования

Жилище, тесно связанное с частной жизнью человека, следует представить как сферу личной жизни граждан, свободную от государственного контроля и интереса общества. Право на неприкосновенность жилища – логическое продолжение прав человека на свободу и личную неприкосновенность, на защиту от незаконного или произвольного вмешательства в частную жизнь. Охранять эти права от посягательств со стороны тех или иных органов или иных организаций, должностных и других лиц – обязанность госу-

¹ «Полиция разворачивалась и уезжала»: на ЖБИ жестоко убили женщину, ее держал в заложниках сосед». URL: www.e1.ru/text/criminal/2020/10/13/69503221/ (дата обращения: 01.10.2022).

дарства [5, с. 423]. Тем не менее действующее законодательство предусматривает ряд оснований для проникновения сотрудников правоохранительных органов в жилище.

Проникновение в жилище, совершенное против воли проживающих в нем лиц, является уголовно-наказуемым деянием независимо от способа проникновения. Следует отметить, что незаконное проникновение может быть осуществлено даже без физического вхождения в помещение, поскольку с помощью технических средств аудио- и видеозаписи можно получить информацию о том, что происходит в жилище. В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ сотрудниками полиции может быть установлено наблюдение за жилищем. Материалы об ограничении конституционных прав граждан, в том числе на неприкосновенность жилища, подлежат рассмотрению судом при наличии мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Для принятия судом решения вопроса о наблюдении за жилищем судья вправе потребовать иные материалы, подтверждающие наличие основания проведения наблюдения за жилищем, за исключением сведений о сотрудниках, осуществляющих внедрение в ОПГ, о штатных негласных сотрудниках, уполномоченных осуществлять отдельные виды оперативно-розыскной деятельности, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также о порядке организации и тактических действиях при проведении наблюдения. Правом на проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории также наделены военнослужащие федеральных органов безопасности при наличии оснований, указанных в ст. 14¹ Федерального закона «О Федеральной службе безопасности»¹. Следует обратить внимание, что в этой статье указано такое основание для проникновения, как задержание лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, однако, в отличие от изменений, внесенных в закон «О полиции», на наш взгляд, речь идет только о лицах, которые, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, имеют статус подозреваемого или обвиняемого.

Традиционно считается, что законное проникновение в жилище возможно в двух ситуациях: при непредвиденных чрезвычайных

обстоятельствах и защите правопорядка [2]. Судебная практика содержит примеры, когда сотрудникам полиции при проникновении в жилище приходится преодолевать противодействие лица и применять в связи с этим физическую силу. Так, например, из материалов судебной практики следует, что, согласно поступившему сообщению о том, что гражданин И. нанес телесные повреждения супруге, для проведения проверки оперуполномоченный полиции А. и участковый уполномоченный полиции М. прибыли по адресу, где обнаружили гражданина И., который находился в состоянии алкогольного опьянения. Сотрудники полиции представились, показали служебные удостоверения и назвали причину обращения, после чего спросили разрешения пройти во двор дома и жилой дом с целью выяснения обстоятельств и визуального осмотра жилища на предмет возможных преступных деяний со стороны И. по отношению к супруге, на что он ответил отказом в грубой форме, отрицая факт нанесения побоев супруге, пояснив, что последней дома нет. И. воспрепятствовал вхождению сотрудников полиции во двор дома, вел себя агрессивно, кричал, выражался в адрес полицейских грубой нецензурной бранью, на неоднократные замечания сотрудников полиции не реагировал, толкнул рукой в грудь сотрудника полиции А., после чего схватил за форменное обмундирование М. Для преодоления сопротивления сотрудники полиции применили физическую силу, после чего И. прекратил противоправное поведение и разрешил осмотреть дом².

Новые полномочия полиции вызвали неоднозначное отношение общественности, так как они коснулись права на недвижимое и движимое имущество и его неприкосновенность. По нашему мнению, рассматриваемые полномочия полиции не ущемляют прав граждан, поскольку реализация полномочий сотрудников полиции в каждом случае имеет конкретные законные основания для вызванного необходимостью ограничения определенного права или свободы человека. Рассмотрим теоретический аспект применения любой меры государственного принуждения. Основанием ограничения прав и свобод граждан, как правило, выступает соответствующий федеральный закон или другой нормативный правовой акт, позволяющий сотруднику полиции действовать определенным образом. Повод ограничения прав и свобод граждан – это

¹ О Федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. 1995. 12 апреля.

² Постановление № 5-128/2020 от 24.07.2020 по делу № 5-128/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/nxn5nFaKfmJc/ (дата обращения 01.10.2022).

фактические обстоятельства, обуславливающие (оправдывающие) вмешательство сотрудника в права и свободы граждан (заявления физических и юридических лиц о правонарушениях, данные технических средств выявления правонарушений, непосредственное обнаружение сотрудником полиции признаков правонарушения, проведение органом внутренних дел специальной операции и т. д.) [3, с. 38].

Правонарушение не может быть основанием для проникновения в жилище сотрудников полиции; есть пример судебной практики, когда совершение лицом правонарушения может являться поводом для подозрения лица в совершении преступления. Так, 10 августа 2019 г. в 2 часа 50 минут Ф. заехала через ворота на участок, на котором расположен жилой дом, далее Ф. заехала в гараж. За автомобилем Ф. на территорию земельного участка, придержав ворота, вошли сотрудники ДПС и вывели Ф. на дорогу для производства освидетельствования на состояние опьянения. Судом установлено, что сотрудники полиции ранее требовали остановки ее транспортного средства, так как у них имелись основания для задержания Ф., которая, будучи в состоянии алкогольного опьянения, управляла автомобилем и создавала угрозу для окружающих. На момент остановки автомобиля сотрудники ДПС не располагали информацией, привлекалась ли ранее Ф. к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения либо за отказ от управления транспортным средством, и не исключали возможность, что Ф. совершает преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ¹. Женщина была привлечена к административной ответственности, однако позднее обратилась в суд с просьбой признать действия сотрудников ДПС незаконными, отметив, что в ходе проникновения на территорию земельного участка они повредили автоматические ворота, но суд в удовлетворении данного иска отказал.

Таким образом, для соблюдения законности применяемой меры принуждения необходимо как можно более детально регламентировать в законе порядок применения той или иной меры принуждения. Помимо основания и повода проникновения в жилище, в порядок производства

данного действия входят обязанности по обеспечению требований безопасности граждан, находящихся в жилище, и сохранности имущества, положение о том, что сотрудник полиции, осуществляющий проникновение, обязан безопасными способами и средствами выполнять взлом запирающих устройств и не допускать унижения чести и достоинства граждан, обязанность уведомить прокурора и собственника помещения или его законного представителя о проникновении в течение 24 часов. Сотрудник полиции уполномочен в целях своевременного информирования собственника принимать необходимые меры по установлению самого владельца жилища или его законного представителя. Установлению подлежит адрес места пребывания или жительства, адрес электронной почты или номер телефона². С практической точки зрения считаем, что наряду с указанными в приказе МВД России от 25 мая 2020 г. № 369 способами информирования собственника о проникновении в жилище (лично, почтовым отправлением, факсом или телефонограммой) следует указать и информирование через единый портал государственных услуг, что позволит весьма оперативно донести необходимую информацию до собственника жилья, другого помещения или земельного участка.

Что касается обязанности уведомления прокурора, то ее следует возложить на руководителя органа внутренних дел, внеся в часть 7 статьи 15 закона «О полиции» соответствующее положение. Уведомить прокурора обязан сам руководитель либо соответствующее поручение должно быть дано уполномоченному должностному лицу.

Ситуация, когда без промедления необходимо проникнуть в помещение с целью задержания лиц, которых подозревают или обвиняют в совершении преступления или лиц, застигнутых при совершении деяния, содержащего признаки преступления, скрывающихся с места совершения ими такого деяния, а также лиц, на которых потерпевшие или очевидцы указывают как на совершивших преступление, зачастую требует произвести взлом и разрушение запирающих устройств либо конструкций, являющихся препятствием для проникновения сотрудников полиции. При реализации данного полномочия сотрудниками полиции нарушается не только

¹ Решение от 19.02.2020 № 2А-65/2020 2А-65/2020–М-20/2020 М-20/2020 по делу № 2А-65/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: [//sudact.ru/regular/doc/MJIYs7M2g1gj](https://sudact.ru/regular/doc/MJIYs7M2g1gj) (дата обращения 01.10.2022).

² Об утверждении Порядка информирования полицией собственника нежилого помещения или земельного участка либо его законного представителя о случае проникновения (в его отсутствие) со взломом (разрушением) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в нежилое помещение или на земельный участок, сотрудника полиции: приказ МВД России от 25.05.2020 № 369. Текст приказа опубликован на официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) 02.07.2020.

неприкосновенность жилища, но и сохранность имущества граждан. В результате у сотрудников полиции возникает обязанность принятия мер по недопущению доступа в жилище посторонних лиц, кроме того, требуется охрана находящегося имущества. Закон о полиции не содержит порядка реализации данной обязанности, что вызывает много практических вопросов: кто, каким образом и в какой срок должен осуществлять охрану имущества? Считаем целесообразным возложить исполнение обязанности по обеспечению сохранности имущества в жилище на сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих проникновение в жилище в порядке ч. 4 ст. 15 Федерального закона «О полиции». Они по ука-

занию оперативного дежурного должны осуществлять охранные мероприятия в срок до прибытия собственника помещения, если проникновение осуществляется в его отсутствие, либо уполномоченного им лица. Целью охранных мероприятий следует считать обеспечение сохранности имущества собственника помещения или проживающего в помещении лица, а также недопущение доступа посторонних лиц в жилище. Таким образом, необходимо дополнить статью 15 Федерального закона «О полиции» положением о порядке реализации обязанности по обеспечению сотрудниками органов внутренних дел, осуществляющими проникновение в жилище, сохранности в нем имущества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Административное право: учебник для вузов / А.В. Зубач и др.; под общей редакцией А.В. Зубача. Москва: Юрайт, 2021. 530 с.
2. Петрухин И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. Москва: Юрид. лит., 1989. 192 с.
3. Права человека в международном и внутригосударственном праве: учебник для вузов / отв. ред. проф. Валеев Р.М. Казань: Казан. ун-т, 2004. 300 с.
4. Сайфутдинова А.Д. Механизм реализации права на неприкосновенность жилища в правоохранительной деятельности органов внутренних дел: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2016. 131 с.
5. Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность. Москва: Дело, 2000. 720 с.
6. Миронова О.А., Кисс С.В. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. 74 с.

REFERENCES

1. Administrativnoe pravo: uchebnik dlya vuzov / A.V. Zubach i dr.; pod obshchej redakciej A.V. Zubacha. Moskva: YUrajt, 2021. 530 s.
2. Petruhin I.L. Lichnaya zhizn': predely vmeshatel'stva. Moskva: YUrid. lit., 1989. 192 s.
3. Prava cheloveka v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave: uchebnik dlya vuzov / otv. red. prof. Valeev R.M. Kazan': Kazan. un-t, 2004. 300 s.
4. Sajfutdinova A.D. Mekhanizm realizacii prava na neprikosnovennost' zhilishcha v pravoohranitel'noj deyatel'nosti organov vnutrennih del: monografiya. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2016. 131 s.
5. Stecovskij YU.I. Pravo na svobodu i lichnyuyu neprikosnovennost': Normy i dejstvitel'nost'. Moskva: Delo, 2000. 720 s.
6. Mironova O.A., Kiss S.V. Obespechenie prav cheloveka v deyatel'nosti organov vnutrennih del: uchebnoe posobie. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2020. 74 s.

Информация об авторах:

Сайфутдинова Алсу Дамировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, alsou_f@mail.ru

Айгозина Альфия Муратовна, старший преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Saifutdinova Alsu D., Candidate of Law (Research doctorate), Senior Lecturer of the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, alsou_f@mail.ru

Aigozina Alfiya M., Senior Lecturer of the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs Bodies of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Сайфутдинова Алсу Дамировна – постановка проблемы, обобщение результатов исследования, научное редактирование и доработка текста статьи, формулирование выводов исследования.

Айгозина Альфия Муратовна – подготовка первоначального варианта текста статьи, работа с эмпирическим материалом, формулирование предложений в законодательство.

Статья получена: 13.07.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.214
DOI: 10.37973/KUI.2022.10.95.006

**ПОНЯТИЕ «РЕБЕНОК» В КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Диляра Кафиленва Амирова,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
adk79@bk.ru

Аннотация

Введение: в статье проводится анализ выработанных в действующем законодательстве, науке и практике понятий «ребенок», «несовершеннолетний», «дети» с позиции уголовного правового статуса, рассматривается их соотношение. Отмечается необходимость принятия законодательных мер по правовому регулированию отношений с участием несовершеннолетних, выработки единого подхода к пониманию вышеуказанных терминов, уточнения их возрастных критериев и совершенствования действующего уголовного законодательства в этой сфере.

Материалы и методы: методологической основой исследования явились общенаучные и частнонаучные методы познания, в частности диалектико-материалистический, сравнительно-правовой и формально-логический методы познания, в том числе синтаксический анализ правовой нормы. Материалами исследования выступили международные документы, действующее российское законодательство, а также опубликованные научные труды по проблеме исследования.

Результаты исследования: автором исследована проблема многозначности понятия «ребенок» в международных документах и национальном законодательстве. Анализ конкретных норм действующего Уголовного кодекса Российской Федерации свидетельствует, что законодатель некорректно определяет несовершеннолетний возраст, используя при этом самые разнообразные термины: «ребенок», «малолетний», «дети». В связи с этим конкретизирована сущность понятия «ребенок» в уголовном праве, рассмотрено его соотношение с понятиями «малолетний», «несовершеннолетний», «дети».

Обсуждение и заключение: в статье дано понятие «ребенок», предложена его законодательная формулировка, сформулированы предложения по совершенствованию действующих норм ст. 153, 157 Уголовного кодекса Российской Федерации и практики их применения следственными и судебными органами Российской Федерации.

Ключевые слова: ребенок; малолетний ребенок; несовершеннолетний; дети; возраст уголовной ответственности; уголовная ответственность

© Амирова Д.К., 2022

Для цитирования: Амирова Д.К. Понятие «ребенок» в категориальном аппарате уголовно-правового регулирования: проблемы законодательной регламентации и совершенствования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 40 – 46. DOI: 10.37973/KUI.2022.10.95.006

Scientific article
UDC 343.214
DOI: 10.37973/KUI.2022.10.95.006

THE CONCEPT OF "CHILD" IN THE CATEGORICAL APPARATUS
OF CRIMINAL LAW REGULATION: CONCERNS OF LEGISLATIVE REGULATION
AND IMPROVEMENT

Dilyara Kafilevna Amirova,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia,
adk79@bk.ru

Abstract:

Introduction: the author conducts the analysis of the concepts of “child”, “minor”, “children” developed in the current framework, science and practice from the point of view of criminal status, their correlation. The author highlights the necessity of the adoption of legislative measures on legal regulation of relations involving minors, of the development of the unified approach to the understanding of the terms “child”, “minor”, “children”, specifying their age criteria and improvement of the penal law in this area.

Materials and Methods: the methodology of the study were general and specific methods of comprehension, particularly dialectical-materialistic, comparative-legal and logical methods, including syntactical analysis of the legal norm. The materials were international documents, Russian framework and scholarly literature of the subject of the study.

Results: the author studied in detail the issue of the polysemy of the concept of “child” in international documents and national laws. The results of the analysis of the certain provisions of the Criminal Code of the Russian Federation showed that the lawmaker improperly determined the juvenile age using various terms: “child”, “minor”, and “children”. Basing on this gap the author concretized the essence of the concept of “child” in penal law, studied its interrelations with the concepts of “child”, “minor”, and “children”.

Discussion and Conclusions: the author presents the concept of “child”, its legislative wording, formulates proposals to improve the provisions of Art. 153, 157 of the Criminal Code of the Russian Federation and the practice of their application by investigative and judicial authorities of the Russian Federation.

Keywords: child; minor child; minor; children; criminal liability; criminal liability

© Amirova D.K., 2022

For citation: Amirova D.K. The Concept of "Child" in the Categorical Apparatus of Criminal Law Regulation: Concerns of Legislative Regulation and Improvement // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 40 – 46. DOI: 10.37973/KUI.2022.10.95.006

Введение

Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 года¹ (далее по тексту – Декларация), а вслед за ней и Конвенция о правах ребенка 1989 года² (далее по тексту – Конвенция) и ряд других документов³ на международном уровне закрепили необходимость предоставления специальной защиты детям в силу физической и умственной незрелости,

обеспечения благосостояния, способствования благополучию несовершеннолетнего и его или ее семьи. Предоставляя специальные права каждому ребенку и закрепляя положение о том, что при принятии законов в приоритете у любого государства должны быть интересы ребенка, Декларация закрепила ряд важных принципов. Так, в соответствии с Принципом 2, «ребенку законом

¹ Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959 // Организация объединенных наций (ООН). Официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения 08.06.2022).

² Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 // Организация объединенных наций (ООН). Официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения 08.06.2022).

³ См., например: Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы). Приняты резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи от 14.11.1990 // Организация объединенных наций (ООН). Официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения 08.08.2021). Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985 // Организация объединенных наций (ООН). Официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения 08.08.2022) и др.

и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства». Декларация закрепила приоритетное право ребенка на получение защиты и помощи (Принцип 8), установила, что он «должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации. Он не должен быть объектом торговли в какой бы то ни было форме» (Принцип 9).

Наряду с международным правом, термин «ребенок» применяется практически во всех отраслях российского права, в том числе и в уголовном праве. Однако содержание его различно, наполнение зависит от специфики регулируемых правовых отношений, а также целей и задач конкретной отрасли права, нормы которой осуществляют воздействие на эти отношения.

Уяснение сущности данного термина важно для теории и практики уголовного права, поскольку ребенок не только является субъектом уголовных правовых отношений, но и обладает особым правовым статусом, что наделяет его специальными правами и обязанностями. Так, например, во всем мире ребенок является объектом уголовно-правовой охраны и субъектом уголовной ответственности, однако взаимодействие между государствами по данному вопросу осложняется тем, что в международных нормах подход к определению понятия ребенка сводится в основном к возрастным критериям, без учета существующей самобытности правовых систем, а также социальных, религиозных, культурных, политических и иных особенностей государств. Существующие терминологические различия понятия несовершеннолетнего, под которым в ряде случаев понимается юноша, ребенок, подросток и т.д., сводят к минимуму возможность сформулировать единое определение понятия «ребенок», которое могло бы служить универсальным для множества государств. Трудности применения данной категории на практике заключаются также в том, что действующее уголовное законодательство России, не разъясняя сущности и содержания, использует и

иные термины: малолетний, несовершеннолетний, дети. Поэтому встает вопрос об уяснении их сущности, содержания, их соотношении и особенностях применения.

Декларация 1959 г. также не содержит в своем тексте понятия и разъяснения сущности данных терминов. Только с принятием Конвенции в 1989 г. было сформулировано важное определение понятия «ребенок», которое положило конец спору об определении момента правовой защиты с момента зачатия. Так, согласно ст. 1, ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее. Как видим, в международном праве понятие «ребенок» уже понятия «несовершеннолетний», поскольку Конвенция ограничивает верхнюю границу возраста восемнадцатью годами. Однако во многих государствах возраст совершеннолетия ниже (например, Вьетнам, Куба, Саудовская Аравия и др.) либо выше восемнадцати лет (Канада, США, Тунис, Япония и др.), что создает противоречия между нормами различных государств.

Конституция Российской Федерации¹, подчеркивая важность правовой охраны прав и свобод ребенка, не содержит определения понятия ребенок. Российский законодатель при определении данного понятия в иных источниках исходит только из возрастных критериев. Так, Семейный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ)² в ч. 1 ст. 54 определяет в качестве ребенка лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия). Такая же позиция отражена в Федеральном законе от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»³ (ст. 1), а также в ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»⁴.

Обзор литературы

Проблемы толкования и уяснения сущности и содержания понятий «ребенок», «малолетний», «несовершеннолетний», «дети» явились предметом исследования ученых не только в области уголовного права, но и конституционного, семейного, уголовно-процессуального, гражданского и других отраслей российского права. В то же

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.09.2022).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.03.2021 № 4-П). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 30.09.2022).

³ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 14.07.2022 № 262-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 30.09.2022).

⁴ О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 24.09.2022 № 370-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (дата обращения: 30.09.2022).

время единого подхода к толкованию данных терминов, их соотношению и применению для определения правового статуса нет. В контексте заявленной проблемы интерес представляют работы Е.Н. Балашовой, А.В. Садиной, А.П. Солдатова, Е.А. Усачевой и др.

Работы, посвященные комплексному исследованию данной проблемы в уголовно-правовой сфере, отсутствуют и проводятся только в рамках изучения отдельных аспектов темы. Следует отметить труды Л.М. Прокументова, Е.М. Луничева и др.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили международные документы, национальное законодательство, а также научные публикации по рассматриваемой проблематике. Методологической основой явились общенаучные и частнонаучные методы познания, в частности диалектико-материалистический, сравнительно-правовой и формально-логический методы познания, в том числе синтаксический анализ правовой нормы.

Результаты исследования

В уголовно-правовой науке до настоящего времени не сформировалось единого подхода к пониманию термина «ребенок». По мнению В.И. Абрамова, категории «несовершеннолетний», «малолетний», «подросток» охватываются общим понятием «ребенок» и могут служить основанием для формирования самостоятельного вида правового статуса [1]. Г.А. Трофимова подчеркивает, что если понятие «ребенок» употребляется в нескольких значениях, то термин «несовершеннолетний» является однозначным и обозначает носителя прав и обязанностей, не достигшего возраста совершеннолетия [2]. В то же время и термин «несовершеннолетний» многими авторами трактуется по-разному. Так, А.П. Солдатов пишет, что указанное понятие включает в себя два самостоятельных понятия: «малолетний» и «подросток» [3]. Последнее употребляется применительно к детям в возрасте от 10 до 14 лет, а понятие «малолетний» – с момента рождения до 10 лет. О.В. Садина определяет малолетнего как несовершеннолетнего в возрасте до 14 лет, а подростка как несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет [4].

Многие авторы в своих исследованиях отождествляют категории «ребенок» и «несовершеннолетний» [5-6]. В то же время применительно к уголовному праву такой подход является не совсем верным. Термин «ребенок» по содержанию шире, чем термин «несовершеннолетний». Последний является правовой категорией, носит

преимущественно отраслевой характер и связан с достижением определенного возраста.

Понятие «ребенок», на наш взгляд, можно рассматривать как единое, универсальное, а понятия «малолетний», «несовершеннолетний» использовать для формирования самостоятельных видов правового статуса.

Таким образом, ребенок – это лицо до достижения им 18-летнего возраста, имеющее определенные права и обязанности.

В уголовном законодательстве Российской Федерации применение данных терминов зависит от того, какой статус следует придать ребенку: субъекта уголовной ответственности или объекта уголовно-правовой охраны. В некоторых нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту УК РФ)¹, несмотря на то, что речь идет о несовершеннолетних, законодатель не использует данную формулировку, а говорит о лицах, не достигших определенного возраста, например, применительно к п. «б» ч. 2 ст. 134, статьям 135-136 УК РФ и др.

Анализ соответствующих норм УК РФ позволил сделать вывод, что термин «несовершеннолетний» закон применяет не только при определении статуса субъекта уголовной ответственности, но и лица, в отношении которого совершается преступное деяние. В то же время подходы к определению данного понятия различны. Так, если речь идет о субъекте уголовной ответственности, то, согласно ч. 1 ст. 87 УК РФ, несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет. При этом законодатель ведет речь не просто о достижении возрастных критериев, а связывает это с возможностью быть привлеченным к уголовной ответственности в связи с психологической готовностью в этом возрасте осознавать противоправный характер совершаемого им деяния и общественную опасность последствий. Именно по этой причине в ч. 3 ст. 20 УК РФ предусматривается возможность непривлечения к уголовной ответственности лица, которое, хотя и достигло возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

В отношении несовершеннолетнего потерпевшего в действующем УК РФ также имеется неко-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.07.2022 № 33-П). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.09.2022).

торая несогласованность. Несовершеннолетний потерпевший в уголовном праве самостоятельно появляется с более раннего возраста – момента рождения. Уголовный закон неоднозначно подходит к различным возрастным группам в рамках несовершеннолетия, обуславливая это особенностями развития различных возрастных групп. В связи с этим законодатель дифференцировал возрастные группы потерпевших, выделяя новорожденных, малолетних, несовершеннолетних. Как правило, несовершеннолетний (малолетний) возраст ребенка рассматривается законодателем в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака, образуя тем самым самостоятельный состав преступления. В то же время законодатель обособляет понятие лица, не достигшего определенного возраста, от понятия несовершеннолетнего. Так, например, в п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, устанавливая ответственность за изнасилование несовершеннолетней, законодатель имеет в виду лицо в возрасте от 14 до 18 лет, а в п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ – в возрасте до четырнадцати лет. Очевидно, что данные понятия имеют самостоятельное правовое значение. При этом в контексте п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ законодатель не употребляет термин «малолетний», хотя в уголовном праве малолетним признается лицо, не достигшее возраста четырнадцати лет.

По мнению автора статьи, достаточно спорной является позиция законодателя, согласно которой выделяется промежуточный возраст лица, достигшего двенадцати лет, но не достигшего четырнадцати лет, например, в ч. 3 ст. 134 УК РФ и в ч. 2 ст. 135 УК РФ. Подобный подход представляется не совсем корректным хотя бы потому, что возникает вопрос, на каком основании законодатель особо выделяет возрастной критерий в 12 лет? На первый взгляд, подобная конкретизация возраста способна создать путаницу в правоприменительной практике и сужает возможность привлечения виновного лица к более тяжкой ответственности, если, например, половое сношение или развратные действия совершены с лицом младше двенадцати лет. В частности, законодатель рассматривает в качестве более тяжкого деяния половое сношение, мужеложство и лесбиянство с лицом, достигшим двенадцатилетнего возраста, но не достигшим четырнадцатилетнего возраста, нежели такие же действия, совершенные в отношении лиц младше двенадцатилетнего возраста. Такие деяния квалифицируются по ч. 1 или 2 ст. 134 УК РФ, которые предусматривают менее строгую уголовную ответственность. Подобная ситуация складывается также в отношении ст. 135 УК РФ. В связи с этим, по нашему мнению, целесообраз-

ным является указание в ч. 3 ст. 134 УК РФ и ч. 2 ст. 135 УК РФ на малолетний возраст потерпевшего, а не выделение самостоятельных возрастных критериев.

Следует отметить, что в тексте УК РФ имеются и другие нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления, потерпевшим от которых является несовершеннолетний: ч. 2 ст. 121 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 127 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 127² УК РФ, ст. 240¹ УК РФ и др. Указывая на несовершеннолетнего потерпевшего, законодатель не конкретизирует его возраст. В связи с этим следует согласиться с мнением Л.М. Прокументова, предлагающего указание на возраст в конкретных временных пределах в диспозициях статей УК РФ сопровождать термином «несовершеннолетний» [7].

Несогласованность в применении терминов в уголовном праве возникает еще и потому, что законодатель часто использует категории «ребенок», «дети», «новорожденный», «малолетний» и «несовершеннолетний» как тождественные, а некоторые понятия не имеют законодательного закрепления. Одно и то же понятие может использоваться многовариантно и не всегда связывается законодателем с несовершеннолетним возрастом. Так, например, в ч. 2 ст. 157 УК РФ, употребляя понятие «дети» и устанавливая ответственность за неуплату средств на содержание нетрудоспособных родителей, уголовный закон имеет в виду совершеннолетних трудоспособных детей. В диспозиции ст. 106 УК РФ, устанавливая ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, законодатель имеет в виду не всякого ребенка, а новорожденного. Более того, понятие «ребенок» здесь используется не в общем смысле, обозначая в целом несовершеннолетнего, а лица, имеющего биологическое родство с женщиной, родившей этого ребенка.

Учитывая сказанное, полагаем, что в уголовном законодательстве России возникает необходимость совместного указания на возраст при использовании понятий «ребенок», «дети» и т.д., например, «несовершеннолетний ребенок», «несовершеннолетние дети», «малолетний ребенок». Такая формулировка, на наш взгляд, позволит принять во внимание не только возраст ребенка, конкретизировать его статус, но и степень его родства с определенными лицами, имеющие значение для привлечения к ответственности по некоторым статьям УК РФ. Полагаем, целесообразной является следующая законодательная формулировка наименования ст. 153 УК РФ – «Подмена малолетнего ребенка». Учитывая прак-

тику, сложившуюся в Российской Федерации, и специфику данного вида преступления, когда его совершение представляется возможным лишь в младенческом возрасте ребенка, предполагаем, что более уместным было бы использование термина «малолетний ребенок».

Поскольку в законодательстве Российской Федерации термин «ребенок» используется, в том числе, для обозначения степени родства, возникает необходимость уточнения его соотношения с терминами «дети», «малолетний» и «несовершеннолетний».

Понятие «ребенок» – собирательное, оно охватывает понятия «малолетний», «несовершеннолетний». Понятие «дети», на наш взгляд, является синонимом понятия «ребенок», указывающим на множественное число. Понятие «ребенок» нельзя ограничивать только возрастными критериями, оно включает в себя также юридически значимую правовую связь детей и родителей, для которых дети остаются таковыми на протяжении всей жизни.

Анализ норм уголовного закона, использующего данный термин, позволил сделать вывод, что он используется как обобщенное понятие. В связи с этим, по нашему мнению, возникает необходимость приведения норм УК РФ в соответствие с семейным законодательством. Речь, в частности, идет о норме 157 УК РФ, предусматривающей ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. В качестве одного из субъекта уголовной ответственности законодатель называет родителя, обязанного в силу решения суда или нотариально удостоверенного соглашения уплачивать средства на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста. В п. 4 ст. 143 Семейного кодекса Российской Федерации в качестве субъекта, обязанного платить алименты, указывается также бывший усыновитель. К сожалению, ни в указанной статье, ни в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов»¹ (Далее по тексту – Постановление), не разъясняется понятие «бывшие усыновители». Из содержания ст. 143 СК РФ следует, что обязанность уплачивать алименты может быть возложена судом при отмене усыновления ребенка, т.е. прекраще-

нии взаимных прав и обязанностей усыновителя и усыновляемого. В связи с этим полагаем целесообразным расширить круг субъектов уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ путем включения в диспозицию ч. 1 данной статьи наряду с родителями также бывших усыновителей. Кроме этого, считаем необходимым в п. 17 указанного Постановления разъяснить понятие «бывшие усыновители», под которыми предлагаем понимать усыновителей, в отношении которых вступило в юридическую силу решение суда об отмене усыновления, что повлекло прекращение взаимных прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством Российской Федерации.

Обсуждение и заключение

Резюмируя изложенное, отметим, что в уголовном законодательстве России термин «ребенок» употребляется в значении субъекта уголовной ответственности и потерпевшего от преступления, а также указывает на степень родства с конкретными лицами. Законодатель ошибочно отождествляет термин «ребенок» с терминами «малолетний», «несовершеннолетний», «дети», что может привести к терминологической несогласованности и ошибкам в правоприменительной практике. Понятие «ребенок» является собирательным понятием, охватывающим понятия «малолетний», «несовершеннолетний», которые имеют свои возрастные границы и являются основой для формирования самостоятельных видов правового статуса. Понятие «ребенок» может основываться на возрастном критерии, а также указывать на определенную правовую связь с родителями, усыновителями (лиц их заменяющих).

Таким образом, ребенок – это лицо до достижения им восемнадцатилетнего возраста, обладающее определенными правами и обязанностями, наделенное самостоятельным правовым статусом как участник правовых отношений.

С целью совершенствования категориального аппарата уголовного права, эффективного применения соответствующих норм УК РФ представляется целесообразным использовать термин «ребенок» совместно с терминами «несовершеннолетний», «малолетний» либо указывать возраст «недостижения», который имеет значение для привлечения к уголовной ответственности по конкретным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

¹ О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286361/ (дата обращения: 08.06.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов В.И. Права ребенка в России (теоретический аспект) / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: СТАП, 2005. 324 с.
2. Трофимова Г.А. Совершеннолетний ребенок: пробелы в правовом статусе // Адвокат. 2014. № 8. С. 67-72.
3. Солдатов А.П. Гарантии и обеспечение прав в границах местного самоуправления. Славянск-на-Кубани: СГПИ, 2008. 387 с.
4. Садина О.В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ: автореф. дис....канд.юрид.наук: 12.00.01. Мытищи, 2009. 21 с.
5. Капитонова Е.А. Конституционные обязанности ребенка в Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02. Пенза, 2010. 26 с.
6. Токарева А.В. Подходы к трактовке понятий «несовершеннолетний» и «ребенок» в конституционном праве Российской Федерации // Наука и мир. 2015. № 9. С. 171-173.
7. Прозументов Л.М. О некорректности определения понятия «несовершеннолетний» в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 80-84.

REFERENCES

1. Abramov V.I. Prava rebenka v Rossii (teoreticheskij aspekt) / pod red. N.I. Matuzova. Saratov: SGAP, 2005. 324 s.
2. Trofimova G.A. Sovershennoletnij rebenok: probely v pravovom statuse // Advokat. 2014. № 8. S. 67-72.
3. Soldatov A.P. Garantii i obespechenie prav v granicah mestnogo samoupravleniya. Slavyansk-na-Kubani: SGPI, 2008. 387 s.
4. Sadina O.V. Pravovoj status nesovershennoletnego v rossijskom zakonodatel'stve: teoretiko-pravovoj analiz: avtoref. dis....kand.yurid.nauk: 12.00.01. Mytishchi, 2009. 21 s.
5. Kapitonova E.A. Konstitucionnye obyazannosti rebenka v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk: 12.00.02. Penza, 2010. 26 s.
6. Tokareva A.V. Podhody k traktovke ponyatij «nesovershennoletnij» i «rebenok» v konstitucionnom prave Rossijskoj Federacii // Nauka i mir. 2015. № 9. S. 171-173.
7. Prozumentov L.M. O nekorrektnosti opredeleniya ponyatiya «nesovershennoletnij» v tekste Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2017. № 24. S. 80-84.

Информация об авторе:

Амирова Диляра Кафилевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, adk79@bk.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Amirova Dilyara K., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor at the Department of Criminal Law the Kazan Law Institute of MIA of Russia, adk79@bk.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 12.10.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI: 10.37973/KUI.2022.96.40.007

**ПРИСУТСТВИЕ МАЛОЛЕТНЕГО
ПРИ СОВЕРШЕНИИ НАСИЛЬСТВЕННОГО
ИЛИ ИНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Ольга Викторовна Артюшина,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
ovart2012@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается пробельность уголовно-правовой защиты малолетнего лица, ставшего свидетелем совершения насильственного, корыстно-насильственного, сексуального или иного преступления, и вносится предложение по ее устранению.

Материалы и методы: исследование основывается на всеобщем диалектико-материалистическом методе познания закономерностей объективных явлений и процессов реальной действительности, имеющих место в сфере уголовно-правовой охраны интересов малолетнего. Кроме этого, в работе применены общенаучные и частнонаучные методы: анализ, синтез, сравнение, формально-логический метод и изучение документов – материалов судебной практики.

Результаты исследования: устанавливается наличие вреда личности и обществу от самого факта присутствия малолетнего при совершении преступления в связи с получением им живого примера жестокого и иного опасного криминального поведения. Определяется круг уголовно-наказуемых деяний, присутствие при которых требует уголовно-правового реагирования. На основании современных закономерностей развития общества конкретизируется возраст очевидца, нуждающегося в дополнительной уголовно-правовой защите. Анализируются возможности Уголовного кодекса Российской Федерации по решению исследуемой проблемы, исходя из заложенной законодателем логики и структуры закона.

Обсуждение и заключение: делается вывод о необходимости дополнения обстоятельств, отягчающих наказание, новым признаком и определяется его место в структуре соответствующей уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: общественная опасность; малолетний; криминогенное воздействие; пробел законодательства; усиление наказания

© Артюшина О.В., 2022

Для цитирования: Артюшина О.В. Присутствие малолетнего при совершении насильственного или иного преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 47 – 52. DOI: 10.37973/KUI.2022.96.40.007

Scientific article
UDC 343.2/.7
DOI: 10.37973/KUI.2022.96.40.007

**PRESENCE OF AN ANDERAGE
AT THE PERFORMANCE OF A VIOLENT OR OTHER CRIME**

Olga Viktorovna Artyushina,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia, ovart2012@mail.ru

Abstract

Introduction: the author considers gaps in criminal defense of a minor who has witnessed the commission of violent, acquisitive, sexual or other crime and makes proposals to eliminate them.

Materials and Methods: the study was based on the dialectical materialistic method of cognition of the patterns of objective phenomena and processes of reality that take place in criminal protection of the interests of a minor. In addition, general scientific and particular scientific methods were used in the work, such as analysis, synthesis, comparison, logical method and the study of documents – material of judicial practice.

Results: the author shows the danger of the fact of the presence of minor during a crime to the individual and society due to the receiving a living example of violent and other dangerous criminal behavior; defined criminal activity presence at which requires criminal response. Using current societal development the author specified the age of the witness in need of additional criminal security. The author analyses possibilities of the Criminal Code of the Russian Federation on the solution of the problem in question using the logics and structure of the law laid down by the legislator.

Discussion and Conclusions: the author concludes that there is the need to supplement the circumstances aggravating punishment with a new feature and determine its place in the structure of the relevant criminal law norm.

Keywords: public danger; juvenile; criminogenic impact; gap in legislation; increased punishment

© Artyushina O.V., 2022

For citation: Artyushina O.V. Presence of an Anderage at the Performance of a Violent or Other Crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 47 – 52. DOI: 10.37973/KUI.2022.96.40.007

Введение

Законодатель выделяет малолетних в качестве наиболее уязвимой возрастной категории и обеспечивает их максимальной защитой, что обуславливается психофизиологическими особенностями и высокой подверженностью различным, в том числе криминогенным, воздействиям.

Это находит свое отражение и в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Так, согласно п. «б» ч. 2 ст. 245 УК РФ, ответственность за жестокое обращение с животными усиливается в случае его совершения в присутствии малолетнего. В целом такой подход законодателя представляется верным, поскольку в данном случае малолетнему свидетелю преступления подается наглядный пример жестокости.

Например, Голышмановским районным судом Тюменской области в приговоре от 16 октября 2019 г. по делу № 1-167/2019 было установлено, что виновный в присутствии малолетнего нанес несколько ударов острием лопаты по шее собаке, после чего завернул ее, еще живую, в пакет и выбросил в мусорный бак, где собака продолжала мучиться, скончавшись впоследствии от полученных ран [цит. по: 1].

Присутствие малолетнего также может повлечь квалификацию содеянного как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Но только в том случае, когда действия виновного, достигшего восемнадцати лет, были направлены на пробуждение у несовершеннолетнего желания совершить преступление (см. п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1¹). В

противном случае если виновный совершает преступление в присутствии малолетнего без умысла на его вовлечение, он не подлежит ответственности по ст. 151 УК РФ.

Кроме этого, присутствие малолетнего, когда он является близким лицом потерпевшему, в некоторых преступлениях против личности (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, истязание, изнасилование, насильственные действия сексуального характера) оценивается как особая жестокость. Вменение данного квалифицирующего признака усиливает ответственность.

Так, 29 июня 2017 года в г. Улан-Удэ Республики Бурятия в комнате общежития между Ц. и Р., находящимися в состоянии алкогольного опьянения, произошла ссора. В ходе ссоры Ц. из личной неприязни к Р. с целью причинения смерти схватил ее руками за шею и стал душить, повалил Р. и не менее 3 раз ударил головой об пол. После этого он взял нож и нанес им удары по различным частям тела Р., в т.ч. в область расположения жизненно важных органов, сопровождая свои действия высказываниями об убийстве. После этого Ц. нанес потерпевшей около 5 ударов обутыми ногами по туловищу, верхним и нижним конечностям, а затем, схватив за волосы, не менее 3 раз с достаточной силой ударил головой об пол. От полученных повреждений Р. потеряла сознание. При этом Ц. осознавал, что своими действиями причиняет особые страдания в связи с присутствием при этом сына Р., 2014

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.09.2022).

года рождения (3 года на момент совершения преступления).¹

Другой пример. Потерпевшей было нанесено более 50 ударов не менее чем тремя ножами в шею, голову, туловище, в том числе с повреждением внутренних органов и крупных кровеносных сосудов, а также по рукам и ногам; кроме этого, осуществлено сдавливание шеи тупым твердым предметом, что в результате привело к развитию массивной наружной и внутренней кровопотери и закрытой тупой травме шеи с переломами подъязычной кости. Как указал суд, особая жестокость в качестве признака, квалифицирующего действия виновного, в предъявленном ему обвинении была связана с несколькими обстоятельствами, одно из которых убийство потерпевшей в присутствии ее малолетних детей.²

В остальных случаях когда в статье Особенной части УК РФ не предусмотрен такой квалифицирующий признак, особая жестокость в связи с присутствием близкого потерпевшему малолетнего лица учитывается как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

При этом не имеют конкретного уголовно-правового значения остальные случаи присутствия малолетнего при совершении преступления (когда он специального не вовлекается в совершение этого преступления и когда он не является потерпевшему близким). Думается, что наблюдение неокрепшей личностью за совершением многих преступлений объективно повышает общественную опасность содеянного, поскольку в данном случае одновременно причиняется вред правам и законным интересам малолетнего, в частности, нарушаются его права на нормальное психическое и социальное развитие.

Обзор литературы

Вопросам уголовно-правовой защиты несовершеннолетних и их разных возрастных групп традиционно уделяется много внимания.

В частности, в последнее время обсуждался законопроект о признании отягчающим наказание обстоятельством «вовлечение несовершеннолетнего в криминальную субкультуру», где было обосновано, что данное обстоятельство не может служить основанием для усиления наказания, поскольку оно объективно не влияет ни на степень общественной опасности преступления, ни на личность виновного [2].

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.07.2018 № 73-АП/18-6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.09.2022).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2021 № 78-УД21-40СП-А2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.09.2022).

Ранее нами вносилось предложение об усилении наказания в связи с совершением преступления в присутствии малолетнего [3, с. 70-71]. Однако при этом не был уточнен круг преступлений, совершение которых в присутствии малолетнего требует усиления наказания; возраст малолетнего свидетеля преступления был определен без учета современных тенденций развития общества.

К тому же в связи с дополнением ст. 63 УК РФ новой по своей правовой природе ч. 1.1 [4, с. 548-550] появилась возможность регламентировать предлагаемое обстоятельство (так же, как в ч. 1.1.) не как обязанность, а как право суда учесть его при назначении наказания, когда это необходимо следует из анализа характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного.

Материалы и методы

Проведенное исследование основано на традиционных для науки уголовного права всеобщем диалектико-материалистическом методе, а также общенаучных и частнонаучных методах (анализ, синтез, сравнение, формально-логический метод и изучение документов – материалов судебной практики).

Результаты исследования

«Пример сильнее правил», «Пример – лучший учитель», «Сила учит, примеры – влекут», «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». На этой закономерности построен весь процесс обучения, образования, социализации. Вступая в институты общества, человек видит перед собой образцы поведения, речи, уровня культуры и нравственности, правосознания и перенимает их.

«Дурной пример заразителен», «Дурные примеры дают дурные плоды» – в известных пословицах закреплена житейская мудрость, ясно показана сила влияния яркого живого образца на очевидца. Визуальное, аудиальное восприятие обстоятельств совершения преступления, бесспорно, влечет негативные последствия, как для самого несовершеннолетнего очевидца, так и для общества в целом. Как справедливо отмечается, психика ребенка не сформирована, в отличие от психики взрослого, поэтому уязвима перед негативными условиями окружающей среды, которые могут стать причиной девиаций в поведении [5, с. 13].

Однако присутствие не при всяком преступлении вредно настолько, чтобы иметь уголов-

но-правовое значение. Во-первых, здесь следует иметь в виду присутствие при совершении именно умышленного преступления.

Во-вторых, исследуя круг преступлений, присутствие при которых причиняет вред малолетнему, следует вести речь о преступлениях, совершаемых с применением насилия (все виды убийства, умышленное причинение того или иного вреда здоровью, все побои, истязание, принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации, похищение человека, торговля людьми, использование рабского труда, насильственный грабёж, разбой, квалифицированное вымогательство и «угон» с применением насилия, а также конкурирующие с соответствующими преступлениями против личности насильственное воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, применение насилия в отношении представителя власти и пр.).

В-третьих, к ним следует добавить ряд «половых» преступлений, которые по смыслу закона не все и не всегда совершаются с применением насилия (в частности, ст. 131 и 132 УК РФ, предусматривающие ответственность за, казалось бы, насильственные преступления, охватывают и добровольные действия с лицом, не достигшим двенадцати лет (см. примечание к ст. 131 УК РФ)).

Вместе с тем в рассматриваемый круг преступлений необходимо включить преступления, связанные с медицинскими, анатомическими и иными манипуляциями с телом человека до или после его смерти (например, незаконное проведение искусственного прерывания беременности, надругательство над телом умершего), учесть также преступления против общественной нравственности, связанные с проституцией и порнографией (ст. 240, 240¹, 241, 242, 242² УК РФ), добавить к ним также ряд преступлений, связанных с незаконным оборотом запрещенных предметов – наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов; оружия, его основных частей и боеприпасов и т.п.

При этом факт присутствия малолетнего при совершении множества должностных (служебных) преступлений, преступлений в сфере экономической деятельности, преступлений против правосудия, как правило (за редким исключением), не может представлять общественную опасность и поэтому не должен иметь уголовно-правовое значение.

Рассматриваемый круг преступлений широк и пронизывает весь УК РФ, поэтому усиление ответственности за совершение преступления в присутствии малолетнего, как представляется, должно иметь некий общий характер, то есть должно быть регламентировано в виде общего правила, с учетом которого могут быть применены нормы Особенной части (это соответствует гипотезе как виду уголовно-правовой нормы). Следовательно, усиление ответственности следовало бы располагать в норме Общей части УК РФ, и этим критериям соответствует ст. 63 УК РФ, содержащая единый исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих наказание [6, с. 153-154, 7].

Как справедливо отмечается в литературе, обстоятельства из ч. 1 ст. 63 УК РФ выполняют функцию обязывающую – «суд должен выявить имеющиеся в конкретном деле обстоятельства из числа названных в перечне и, зафиксировав их в приговоре, учесть при назначении наказания» [8, с. 194]. Обстоятельство же, закрепленное в новой ч. 1.1 (совершение преступления в состоянии опьянения), по своей правовой функции иное – его признание в качестве отягчающего наказания является правом, а не обязанностью суда, и его вменение осуществляется судом на основе изучения конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. [6, с. 161; 4, с. 548].

Поскольку не каждое совершение того или иного преступления в присутствии малолетнего повышает общественную опасность содеянного (следует учитывать возможность случайного стечения обстоятельств, многое зависит от конкретных обстоятельств дела: деталей обстановки совершения преступления, конкретного возраста очевидца, вида его деятельности в момент совершения преступления, объема услышанного и увиденного и пр.), то совершение преступления в присутствии малолетнего должно быть регламентировано так же, как и обстоятельство опьянения, то есть решение о его применении должно оставаться на усмотрение суда, а наказание должно усиливаться не автоматически по самому факту присутствия, а на основе анализа в каждом конкретном случае.

Каждое вменение данного обстоятельства должно быть обосновано и подкрепляться доказательствами по делу. Здесь следует перенять все правила оценки присутствия близкого лица (осуществляемой в рамках особой жестокости):

- 1) присутствие малолетнего должно охватываться умыслом виновного,
- 2) при этом исключено, что малолетний не был способен воспринять обстоятельства совер-

шения преступления: он не находился в состоянии сна, сильного опьянения, комы и т.п., то есть был очевидцем совершения преступления и был способен воспринимать происходящее.

Представляется, что общий дифференцированный подход законодателя к уголовно-правовой охране прав несовершеннолетнего и ее усиление в зависимости от возрастной категории несовершеннолетнего справедливы. На наш взгляд, в рамках анализа общественной опасности присутствия малолетнего при совершении преступления следует более узко определить возраст присутствующего лица, чем это следует из содержания термина «малолетний» [9].

Высокий темп жизни современного человека, доступность самой разной информации в СМИ, в том числе сети Интернет, а также принцип экономии уголовной репрессии позволяют сделать вывод о необходимости снижения возраста очевидца преступления (чье присутствие требует усиления ответственности виновного) с четырнадцати до двенадцати лет.

Специалистами подчеркивается, что в современном обществе основные риски криминогенной подверженности несовершеннолетних (к которым относятся и малолетние) кроются в происходящей в настоящее время информационной глобализации и, как следствие, получении свободного доступа к информационным ресурсам криминогенного содержания [10, с. 338]. Реальность такова, что «вчерашний» малолетний сильно отличается по своей информированности от «сегодняшнего». В частности, лица, достигшие двенадцати лет, в большинстве своем уверенные пользователи ПК, владельцы собственного планшета, телефона. Они знакомы со многими вопросами, не рекомендуемыми в их возрасте, и в силу этого менее впечатлительны,

менее подвержены воздействию. Лица этой возрастной группы (12-13 лет), по нашему мнению, в большинстве своем уже знакомы с различными негативными «образами» и «примерами» и «защищать» их от такого негативного воздействия уже не своевременно.

Обсуждение и заключение

Анализ возможностей УК РФ по решению исследуемой проблемы, исходя из заложенной законодателем логики и структуры закона, позволяет сформулировать следующие предложения:

1. Следует дополнить перечень обстоятельств, отягчающих наказание, новым признаком «совершение преступления в присутствии лица, не достигшего двенадцати лет».

2. Данный признак необходимо отнести к группе отягчающих обстоятельств, которые в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного суд может признать или не признать отягчающим обстоятельством на свое усмотрение.

3. В связи с этим ч. 1.1 ст. 63 УК РФ следует изложить в двух пунктах: в п. «а» предусмотреть имеющееся в законе обстоятельство о совершении преступления в состоянии опьянения, в п. «б» закрепить «совершение преступления в присутствии лица, не достигшего двенадцати лет».

4. Применение предлагаемого нового обстоятельства, отягчающего наказание (п. «б» ч. 1.1 ст. 63 УК РФ), целесообразно осуществлять в соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, основанной на принципе справедливости. Если присутствие лица, не достигшего двенадцати лет, отражается в квалификации преступления (то есть предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ), оно не может быть повторно учтено при назначении наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шабалина М.А. Проблемы квалификации жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ) // Уголовное право. 2020. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.09.2022).
2. Кочои С.М., Трапаидзе К.З. Нужно ли признавать отягчающим наказанием обстоятельством «вовлечение несовершеннолетнего в криминальную субкультуру»? // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.09.2022).
3. Артюшина О.В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2011. 198 с.
4. Стрилец О.В., Черникова Ю.И. Состояние опьянения как обстоятельство, отягчающее вину и наказание // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 548-550.
5. Зиннуров Ф.К. Теория и практика профилактики девиантного поведения подростков в условиях социокультурной деятельности: история и современность: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2019. 68 с.
6. Кузнецов А.П. Обстоятельства, отягчающие наказание // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13. № 2 (46). С. 153-161. DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-2-153-161.

7. Гарбатович Д.А. О степени влияния на назначение наказания квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих уголовное наказание. Российский судья. 2021. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.09.2022).
8. Якушин В.А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия: монография. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2018. 337 с.
9. Лобанова Л.В., Давтян Д.В. К вопросу о понятии «малолетний потерпевший» и его уголовно-правовом значении // Уголовное право. 2010. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.09.2022).
10. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: вопросы изучения и предупреждения: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2021. 464 с.

REFERENCES

1. SHabalina M.A. Problemy kvalifikacii zhestokogo obrashcheniya s zhyvotnymi (st. 245 UK RF) // Uголовное право. 2020. № 6. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 23.09.2022).
2. Kochoi S.M., Trapaidze K.Z. Nuzhno li priznavat' otyagchayushchim nakazanie obstoyatel'stvom «vovlechenie nesovershennoletnego v kriminal'nyu subkul'turu»? // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. № 3. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 23.09.2022).
3. Artyushina O.V. Ubijstvo s osoboj zhestokost'yu: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: dis... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Kazan', 2011. 198 s.
4. Strilec O.V., Chernikova YU.I. Sostoyanie op'yaneniya kak obstoyatel'stvo, otyagchayushchee vinu i nakazanie // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. № 11. S. 548-550.
5. Zinnurov F.K. Teoriya i praktika profilaktiki deviantnogo povedeniya podrostkov v usloviyah sociokul'turnoj deyatelnosti: istoriya i sovremennost': uchebnoe posobie. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2019. 68 s.
6. Kuznecov A.P. Obstoyatel'stva, otyagchayushchie nakazanie // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2019. T. 13. № 2 (46). S. 153-161. DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-2-153-161.
7. Garbatovich D.A. O stepeni vliyaniya na naznachenie nakazaniya kvalificiruyushchih priznakov i obstoyatel'stv, otyagchayushchih ugovolnoe nakazanie. Rossijskij sud'ya. 2021. № 2. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 23.09.2022).
8. YAkushin V.A. Nakazanie i inye mery ugovolno-pravovogo vozdejstviya: monografiya. Tol'yatti: Izd-vo VUiT, 2018. 337 s.
9. Lobanova L.V., Davtyan D.V. K voprosu o ponyatii «maloletnij poterpevsijij» i ego ugovolno-pravovom znachenii // Uголовное право. 2010. № 6. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 23.09.2022).
10. Demidova-Petrova E.V. Prestupnost' nesovershennoletnih v sovremennoj Rossii: voprosy izucheniya i preduprezhdeniya: monografiya. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2021. 464 s.

Информация об авторе:

Артюшина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, ovart2012@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Artyushina Olga V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law the Kazan Law Institute of MIA of Russia, ovart2012@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 14.10.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343
DOI: 10.37973/KUI.2022.40.29.008

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В АГЛОМЕРАЦИЯХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Денис Робертович Ахунов,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
rutadena@yandex.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена теоретической модели предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях Российской Федерации, позволяющей применять опережающие тактики и стратегии предупреждения коррупционных преступлений в исследуемых системах, вносить своевременные изменения в правовой и организационный элементы предупреждения коррупции.

Материалы и методы: при написании статьи использованы работы отечественных криминологов. Применялись общенаучные и частнонаучные методы исследования, которые позволили проанализировать и обобщить собранные автором материалы из различных источников, относящиеся к предмету исследования.

Результаты исследования: теоретическая модель предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях Российской Федерации должна быть построена на основании комплексного подхода, учитывающего пресечение преступлений, привлечение к ответственности виновных, реализацию превентивных мер.

Обсуждение и заключение: на основе криминологического исследования причинного комплекса коррупционных преступлений в агломерациях, криминологически значимых характеристик рассматриваемых систем расселения, криминологически значимой информации о коррупционных преступлениях в агломерациях предложена четырехзвенная теоретическая модель предупреждения коррупции в агломерациях Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция; коррупционное преступление; предупреждение преступлений; предупреждение коррупционной преступности; предупреждение коррупционных преступлений; криминологическое моделирование; теоретическая модель предупреждения преступлений; теоретическая модель предупреждения преступности; агломерации Российской Федерации; региональная криминология

© Ахунов Д.Р., 2022

Для цитирования: Ахунов Д.Р. Теоретическая модель предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 53 – 59. DOI: 10.37973/KUI.2022.40.29.008

Scientific article
UDC 343
DOI: 10.37973/KUI.2022.40.29.008

THEORETICAL PREVENTION MODEL CORRUPTION CRIMES IN AGGLOMERATIONS OF RUSSIAN FEDERATION

Denis Robertovich Akhunov,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia, rutadena@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article is devoted to a theoretical model for the prevention of corruption crimes in agglomerations of Russian Federation, which allows the use of advanced tactics and strategies for the prevention of corruption crimes in the systems under study, the introduction of timely and proper changes in the legal and organizational elements of corruption prevention.

Materials and Methods: during the study, the work of domestic criminology specialists was used. General scientific and special scientific research methods were used, which made it possible to analyze and generalize the materials collected by the authors from various sources related to the subject of the study. The relevant conclusions were formulated based on the results of the study and a theoretical model for the prevention of corruption crimes in agglomerations was proposed.

Results: theoretical model of corruption crime prevention in agglomerations of the Russian Federation should be based on a comprehensive approach that takes into account suppression of crimes, bringing the perpetrators to justice, the implementation of preventive measures.

Discussion and Conclusions: based on the criminological study of the causal complex of corruption crimes in agglomerations, criminologically significant characteristics of the settlement systems under consideration, criminologically significant information on corruption crimes in agglomerations, a four-link theoretical model for preventing corruption in agglomerations of Russian Federation is proposed.

Keywords: corruption; corruption crime; crime prevention; prevention of corruption; prevention of corruption crime; criminological modeling; theoretical model of crime prevention; theoretical model of crime prevention; agglomeration of Russian Federation; regional criminology

© Akhunov D.R., 2022

For citation: Akhunov D.R. Theoretical Prevention Model Corruption Crimes in Agglomerations of Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 53 – 59. DOI: 10.37973/KUI.2022.40.29.008

Введение

Комплекс причин и условий коррупционных преступлений в агломерациях Российской Федерации определяет особенности территориальных аспектов преступности, которые в совокупности отражают значимые для криминологического познания региональной преступности характеристики.

Актуальность анализа исследования причин и условий (детерминант) коррупционных преступлений обуславливает тематическую направленность их познания криминологией, однако в полной мере не отражает методологический комплекс исследования, что определяется сложностью, многоэлементностью и системностью самой коррупционной преступности, а также особенностями ее проявления в агломерациях.

Особенности коррупционной преступности на уровне агломераций, связанные со спецификой ее детерминации, требуют превентивного подхода

на основе криминологической информационной модели, которая может определяться социальными особенностями на данном территориальном уровне.

Обзор литературы

Концептуальные аспекты предупреждения коррупционных преступлений являлись предметом исследования в диссертациях на соискание ученой степени доктора юридических наук А.А. Кашкарова (Должностная преступность в органах публичной власти и ее предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории, г. Краснодар, 2019 г.), Е.В. Фоменко (Концептуальные подходы к противодействию подкупу уголовно-правовыми средствами, г. Москва, 2021 г.), Р.А. Сорочкина (Теоретико-правовые основы учения о субъекте коррупционного преступления, г. Москва, 2021 г.).

Следует отметить достаточное количество диссертаций на соискание ученой степе-

ни кандидата юридических наук, посвященных коррупционным преступлениям, в частности Ж.Н. Шейренова, Т.В. Филоненко, А.Э. Бадалова, М.Н. Кулаковой, О.Ю. Можинной, Э.В. Коробова, Ш.М. Шурпаева, А.А. Волкова, П.П. Орлова, Э.С. Шимшиловой, Г.Н. Мироновой, А.В. Сероус, Е.А. Акунченко, В.Б. Комарова, С.А. Сивцова.

Некоторые аспекты противодействия коррупционной преступности на региональном (территориальном) уровне ранее рассматривались в совместной работе Г.М. Аглымовой, М.В. Талан и Р.Н. Хамитова (2017 г.), работах Н.С. Игловской (2011 г.) М.П. Клеймёнова (2016 г.), П.Н. Кобеца (2011 г.), П.Н. Курловича (2013 г.), И.С. Нафикова (2012 г.), Р.Р. Газимзянова (2011 г.), А.А. Волчковой (2013 г.), А.А. Антоновой (2013 г.), Т.Н. Буруль (2005 г.), Е.Г. Прохорской (2016 г.) и др. Вопросам криминологического моделирования посвящены работы В.Н. Кудрявцева (2017 г.), А.Л. Гуриной (2018 г.) и др.

Несмотря на наличие исследований, посвященных коррупционной преступности и региональным аспектам предупреждения преступности в целом, тема предупреждения коррупции и коррупционных преступлений, в том числе в аспекте криминологического моделирования, в агломерациях ранее комплексно не разрабатывалась.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования основана на общенаучных (обобщение, сравнение, абстракция, дифференциация, формализация, аналогия и моделирование) и частнонаучных (наблюдение, аналитическое обследование, статистический метод, социологическое исследование) методах исследования, которые позволили проанализировать и обобщить собранные материалы различных источников, относящиеся к предмету исследования, а также предложить теоретическую модель предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях. Использовались исследования по криминологии, учитывались работы, посвященные процессам агломерирования и особенностям агломераций из сфер региональной экономики, а также экономической, социальной и политической географии.

Результаты исследования

Несомненными преимуществами в комплексном исследовании преступности обладает моделирование, что обусловлено спецификой обозначенного объекта.

Понятие «модель» буквально толкуется как некий образец для изготовления и воспроизведения, макет, схема физического объекта или явления¹.

Применительно к криминологии профессор В.Н. Кудрявцев под моделью понимает искусственно созданный объект, аналогичный исследуемому, который отображает структуру, свойства и взаимосвязи последнего, а также отношения между структурными элементами [1, с. 22].

В отличие от иных наук, криминология преимущественно использует качественные модели без цифровых данных, но отражающих социальные связи и механизмы [1, с. 23].

В криминологии опыт моделирования активно применялся к причинным взаимосвязям преступного поведения [2, с. 59]. Примерами этого являются такие фундаментальные модели, как структурные (схематические) модели преступной мотивации В.В. Лунеева [1, с. 26, 27], генезиса преступного поведения Ю.М. Антоняна и Ю.Д. Блувштейна [1, с. 27-29]. В настоящее время моделирование применяется более широко, комплексно, охватывая не только частные модели преступления, но и преступности как социальной системы, и современная криминология имеет примеры комплексных моделей предупреждения преступности в целом [3].

Метод моделирования позволяет создать модель предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях в целях применения опережающих тактик и стратегий предупреждения коррупционных преступлений в исследуемых системах, а также внесения своевременных и должных изменений в правовой и организационный элементы предупреждения коррупции.

Предупреждение коррупционной преступности должно осуществляться на основании комплексного подхода, учитывающего пресечение преступлений; привлечение к ответственности виновных, реализацию превенции, осуществление мер безопасности на объектах, где такая преступность вероятна.

Структурообразующие модельные единицы предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях должны включать:

комплекс (систему) криминологически значимой информации. Содержание криминологически значимой информации о коррупционных преступлениях в агломерациях образуют маркеры, перечень, содержание и взаимосвязь которых позволяет объективно получить информационную модель коррупционных преступлений в агломерациях как за определенный, заданный период, так и за истекшее время, а также определить результативность воздействия на преступления принимаемыми мерами превенции. Кроме того, система кри-

¹ Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. Москва: «А ТЕМП», 2020. С. 348.

минологически значимой информации позволяет реализовать криминологическое прогнозирование в этой сфере.

Комплекс (систему) криминологически значимой информации образуют:

- *массив статистических сведений* о зарегистрированных в агломерациях коррупционных преступлениях.

В данном контексте считаем необходимым согласиться с профессором В.Н. Кудрявцевым [1, с. 24] в том, что криминологическая модель должна наполняться статистическим содержанием, обработанным применительно к требованиям модели и особенностям преступности.

Основной массив сведений о зарегистрированных коррупционных преступлениях формируют статистические учеты информационных центров МВД России. Результаты мониторинга данной информации позволяют выявить основные качественно-количественные показатели коррупционной преступности в агломерациях.

- *комплекс причин и условий коррупционных преступлений в агломерации*, требующий воздействия для реализации превенции. В связи с тем, что генезис преступления зачастую неочевиден, затруднена оценка эффективности предупреждения преступности. Учитывая подход отечественной криминологии, связывающий предупредительную деятельность, в первую очередь, с воздействием на причинный комплекс преступности, обязательным элементом модели предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях является комплекс причин и условий данных преступлений в исследуемых системах расселения населения. Кроме того, это соотносится с опытом предупреждения преступности на основе рискориентированного подхода, смещающего интерес с индивида на среду или обстоятельства [3, с. 21], образующего комплекс причин, которые являются управляемыми;

- *результаты исследования общественного мнения* о состоянии коррупционных преступлений в образованиях, образующих агломерацию, результативности ее предупреждения правоохранительными органами. Исследованию общественного мнения в криминологии традиционно придается существенное значение [4, с. 123];

- *результаты экспертных оценок*, основу которых составляет мнение специалистов, основанное на профессиональном научном и практическом знании;

- *результаты оценки эффективности деятельности правоохранительных органов*, реализующих свои полномочия в сфере предупреждения коррупции и коррупционных преступлений.

Это позволит совершенствовать организационный элемент предупреждения коррупции, своевременно реализовывать меры совершенствования организационной, оперативно-служебной и управленческой деятельности уполномоченных государственных органов;

- *результаты исследования материалов судебной практики*, отражающие эффективность применения, прежде всего, уголовно-правовых норм об ответственности за совершение коррупционных преступлений в агломерациях. Это позволит реализовать меры по совершенствованию нормативно-правового регулирования, информационной поддержке законотворческой деятельности в сфере предупреждения коррупционных преступлений. Мониторинг судебной практики по делам о коррупционных преступлениях свидетельствует о результатах и эффективности применяемых уголовно-правовых мер предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях;

- *антикоррупционная экспертиза правовых актов*, принимаемых на уровне муниципальных образований, образующих агломерацию, как один из механизмов, исключающих конфликты интересов и злоупотребления должностными лицами своих полномочий на уровне муниципальных образований и субъекта Российской Федерации.

Криминологический мониторинг. Мониторинг (от англ. *monitoring* на базе латинского корня *monitor* – напоминающий, предупреждающий) буквально означает «отслеживание» [5, с. 30].

Понятие «мониторинг» используется в различных сферах научной и практической деятельности, имеет различные толкования и подходы к определению, обусловленные принадлежностью как к сфере науки, так и практики. Традиционно он рассматривается как способ исследования в различных науках либо как способ обеспечения сферы управления различными видами деятельности.

Для сферы научного исследования общества под мониторингом понимается система регулярного измерения изменений, происходящих в обществе или каких-то его подгруппах, при условии регулярного применения одних и тех же принципов выборки и одного и того же инструментария для сбора данных [5, с. 30].

Попытка законодательной дефиниции мониторинга дается в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», однако в нем мониторинг определяется для целей государственного контроля и надзора. В нем под мониторингом понимается режим дистанционного государственного контроля (надзора), заключаю-

щийся в целенаправленном, постоянном (систематическом, регулярном, непрерывном), опосредованном получении и анализе информации о деятельности граждан и организаций, об объектах контроля с использованием систем (методов) дистанционного контроля, в том числе с применением специальных технических средств, имеющих функции фотосъемки, аудио- и видеозаписи, измерения, за должностными лицами контрольного (надзорного) органа в целях предотвращения причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям¹.

Профессор И.М. Клейменов определяет криминологический мониторинг как систему регулярного, с определенной периодичностью проводимого сбора информации о криминологической обстановке, её анализа, оценки и прогнозирования с использованием заранее выбранных индикаторов состояния определённых процессов [6, с. 200].

Криминологический мониторинг как система регулярных замеров состояния объекта путем сбора, оценки и обработки криминологически значимой информации и соответствующий контроль необходим для текущей корректировки предупредительной деятельности, а также может обеспечивать криминологическое прогнозирование состояния наблюдаемого объекта [7, с. 153].

Именно криминологический мониторинг позволит диагностировать систему социальных связей, их характеристику. Криминологический мониторинг требует определения диагностических точек, отражающих качественную и количественную характеристику влияний на продуцирование коррупционной преступности в агломерациях. В настоящее время он затрагивает не только качественно-количественные показатели преступности, но и практику применения соответствующих правовых норм о юридической ответственности за совершение наказуемых деяний [4, с. 123]. Значимость криминологического мониторинга проявляется в его функциях – определение состояния предмета исследования по заданным параметрам в конкретных временных интервалах и выявление на этой основе динамики и направленности его развития; выявление причинно-следственных связей и зависимостей между наблюдаемыми явлениями, а также возникающих в ходе их развития возможных дисфункций и противоречий; прогнозирование развития исследуемых процессов на основе данных мониторинга; информационное обеспечение постановки управленческих задач; систематический контроль за ходом процессов

и их коррекция в желательном для общества направлении.

Криминологический мониторинг в контексте типового моделирования предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях должен включать несколько элементов: сведения о коррупционных преступлениях, которые можно представить в виде математической модели, иные данные о коррупционных преступлениях, позволяющие объективизировать указанную модель, а также деятельность по постоянному либо периодическому, заданному по определенному периоду, деятельности по изучению сведений о коррупционных преступлениях и информационные обмен с деятельностью по непосредственному предупреждению коррупционных преступлений, а также по прогнозированию коррупционной преступности.

Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях.

Криминологическое прогнозирование. Криминологическое прогнозирование занимает определенное место в системе криминологического знания с открытым, широким методологическим подходом к построению соответствующих моделей [8, с. 20], позволяя познавать закономерности преступности, обеспечивая, обосновывая эффективный научный подход к планированию мер борьбы с преступностью и реализовывая предсказательную функцию криминологии [9, с. 4-6]. Однако применение его возможностей в сфере предупреждения коррупции оценивается как недостаточное, в то время как коррупционная преступность, являясь социальным явлением, может быть выражена математической прогностической моделью [8, с. 19]. Поэтому криминологическое прогнозирование коррупционной преступности в агломерациях необходимо проводить на основе прогностических, математических моделей.

Особенности взаимодействия этих элементов определяют внутреннюю структуру модели.

Резюмируя вышесказанное о построении теоретической модели предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях, отметим, что ее можно представить следующими четырьмя звеньями, находящимися в постоянной (либо в пределах заданной периодичности) функциональной взаимосвязи, обеспечивающей оценку результативности мер воздействия:

1. Комплекс (система) криминологически значимой информации:

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (в редакции от 01.01.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

а) массив статистических данных о зарегистрированных в агломерациях коррупционных преступлениях за определенный, заданный период;

б) комплекс причин и условий (детерминант) коррупционных преступлений в агломерациях;

в) результаты исследования общественного мнения о коррупционных преступлениях в агломерациях и эффективности деятельности государства по их предупреждению;

г) результаты экспертных оценок о коррупционных преступлениях в агломерациях;

д) результаты оценки эффективности и результативности деятельности правоохранительных органов по предупреждению коррупционных преступлений;

е) результаты исследования материалов судебной практики о применении норм об ответственности за коррупционные преступления;

ж) антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов муниципальных образований и иных субъектов, образующих агломерацию.

2. Криминологический мониторинг вышеуказанных маркеров, образующих комплекс (систему) криминологически значимой информации.

3. Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях.

4. Криминологическое прогнозирование коррупционной преступности на основе результатов изучения и мониторинга комплекса (системы) криминологически значимой информации, результатов воздействия на коррупционные преступления.

Обсуждение и заключение

Комплексное изучение коррупционной преступности, ее причин и условий, территориальных особенностей применительно к агломера-

циям, системы мер и субъектов предупреждения преступности, а также должное обеспечение необходимой глубины исследования коррупционной преступности в агломерациях обуславливает необходимость криминологического мониторинга коррупционной преступности в агломерациях.

Анализ социальной среды и отношений в исследуемых системах расселения, порождающих сложные взаимосвязи детерминант коррупционной преступности в них, в современных условиях урбанизации определяет теоретическую модель предупреждения коррупции в агломерациях Российской Федерации, включающую несколько элементов, находящихся в постоянной (либо в пределах заданной периодичности) функциональной взаимосвязи, обеспечивающей оценку результативности мер воздействия, образующих четырехзвенную систему: 1) комплекс (систему) криминологически значимой информации; 2) криминологический мониторинг вышеуказанных маркеров, образующих комплекс (систему) криминологически значимой информации; 3) общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях; 4) криминологическое прогнозирование коррупционной преступности на основе результатов изучения и мониторинга комплекса (системы) криминологически значимой информации, результатов воздействия на коррупционные преступления.

Предлагаемая модель строится на основе анализа комплекса причин и условий коррупционных преступлений, криминологического мониторинга криминологически значимой информации о коррупционных преступлениях в агломерациях и инструментов предупреждения исследуемых преступлений, основу которых, прежде всего, составляют меры частной и общей превенции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие. Москва: Норма: Инфра-М, 2017 г. 220 с.
2. Вицин С.Е. Моделирование в криминологии: учебное пособие. Москва: НИиРИО ВШ МВД СССР, 1973. 104 с.
3. Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Калининград, 2018. 48 с.
4. Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Криминологический мониторинг: значение, этапы, методика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 122-127.
5. Ганеева Ж.Г. Определение понятия «Мониторинг» в различных сферах его применения // Вестник ЧелГУ 2005. № 1. С. 30-33.
6. Клейменов И.М. Криминологическо-правовой мониторинг // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 200-203.
7. Горшенков А.Д. Экономическая безопасность и криминологический мониторинг // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 1 (8). С. 151-157.

8. Кокунова С.Д., Кокунов А.И. Криминологическое прогнозирование коррупции: проблемы и перспективы // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 5. С. 17-26.
9. Демидов В.Н., Згадзай О.Э., Казанцев С.Я., Сафиуллин Н.Х. Криминологическое прогнозирование: анализ, методы и моделирование: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2001. 200 с.

REFERENCES

1. Kudryavcev V.N. Genezis prestupleniya. Opyt kriminologicheskogo modelirovaniya: uchebnoe posobie. Moskva: Norma: Infra-M, 2017 g. 220 s.
2. Vicin S.E. Modelirovanie v kriminologii: uchebnoe posobie. Moskva: NIiRIO VSH MVD SSSR, 1973. 104 s.
3. Gurinskaya A.L. Anglo-amerikanskaya model' preduprezhdeniya prestupnosti: avtoref. dis... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. Kaliningrad, 2018. 48 s.
4. Klishkov V.B., Pasyukov V.V., Stebeneva E.V. Kriminologicheskij monitoring: znachenie, etapy, metodika // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 4 (76). S. 122-127.
5. Ganeeva ZH.G. Opredelenie ponyatiya «Monitoring» v razlichnyh sferah ego primeneniya // Vestnik CHelGU 2005. № 1. S. 30-33.
6. Klejmenov I.M. Kriminologo-pravovoj monitoring // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2017. № 1 (50). S. 200-203.
7. Gorshenkov A.D. Ekonomicheskaya bezopasnost' i kriminologicheskij monitoring // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2008. № 1 (8). S. 151-157.
8. Kokunova S.D., Kokunov A.I. Kriminologicheskoe prognozirovanie korrupcii: problemy i perspektivy // Nacional'naya bezopasnost' / nota bene. 2018. № 5. S. 17-26.
9. Demidov V.N., Zgadzaj O.E., Kazancev S.YA., Safiullin N.H. Kriminologicheskoe prognozirovanie: analiz, metody i modelirovanie: Monografiya. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2001. 200 s.

Информация об авторе:

Ахунув Денис Робертович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, rutadena@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Akhunov Denis R., Senior Lecturer of the Criminal Procedure Department of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, rutadena@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 29.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 340.69
DOI: 10.37973/KUI.2022.13.69.009

ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ¹

Константин Михайлович Богатырев,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия,
kbog@rambler.ru

Аннотация

Введение: целью статьи является рассмотрение предпосылок к формированию системы медиабезопасности в цифровой среде. Предлагается авторский подход к формулированию и научному анализу таких категорий, как медиасреда, цифровая среда и медиабезопасность, анализируется существующее в настоящее время многообразие юридических терминов, связанных с понятием «безопасность», рассматриваемом в публично-правовом ключе (приводится его соотношение с понятиями «национальная безопасность», «информационная безопасность»).

Материалы и методы: методологическую основу исследования составила аналитическая философская традиция наряду с общенаучными (описание, сравнение, обобщение и др.), а также частнонаучными методами (формально-юридическим, сравнительно-историческим, сравнительно-правовым и др.).

Результаты исследования: делается вывод, что информационная безопасность является частью единой системы национальной безопасности и представляет собой безопасность информационного пространства, в то время как ее разновидность (медиабезопасность) связана с той частью информационного пространства (т.н. медиасредой), в которой информация распространяется через средства массовой коммуникации (в т.ч. СМИ). Также рассматривается пересечение медиасреды и цифровой среды, возникшей вследствие процесса цифровизации в результате внедрения электронных технологий и средств коммуникации.

Обсуждение и заключение: обосновывается необходимость разработки теории экспертного обеспечения медиабезопасности (в т.ч. в цифровой среде), выражающегося в использовании специальных знаний путем привлечения сведущих лиц различных экспертных специальностей (в т.ч. тех, которые относятся к классу судебных речеведческих экспертиз) как лиц, участие которых в обеспечении медиабезопасности в цифровой среде наиболее желательно ввиду особенностей информационных медиапродуктов.

Ключевые слова: судебная экспертология; специальные знания; цифровизация; информационная безопасность; медиабезопасность; цифровая среда; информационная угроза; интернет-коммуникация

© Богатырев К.М., 2022

Для цитирования: Богатырев К.М. Экспертное обеспечение медиабезопасности в цифровой среде // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 60 – 70. DOI: 10.37973/KUI.2022.13.69.009

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-011-00190.

Scientific article

UDC 340.69

DOI: 10.37973/KUI.2022.13.69.009

FORENSIC ENSURING OF MEDIA SECURITY
IN THE DIGITAL ENVIRONMENT¹

Konstantin Mihailovich Bogatyrev,
Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia, kbog@rambler.ru

Abstract

Introduction: the goal of the study is consideration of the prerequisites to develop media security systems in the digital environment. The author presents their own approach of formation and academic analysis of the categories “media environment”, “digital environment”, and “media security”. For detailed perception the author analyses the diverse of the legal terms relating to the concept of “safety” under public and legal vein (the author gives the correlation with the concepts of “national security” and “information security”).

Materials and Methods: the methodological basis of this work was the analytical philosophical tradition. General scientific methods of cognition were applied in this work: analogy, comparison, generalization, etc. Also private scientific methods of cognition were used: there were legal, comparative-historical, comparative-legal methods, etc.

Results: the author concluded that informational security is a part of the overall system of the national security and represents safety of the information space while its type (media safety) connected to the part of information space (mediaspace) within information is disseminated through the means of mass communication (including mass media). The author also considered confluence of media space and digital space resulting from digitalization resulting from the adoption of electronic technologies and means of communications.

Discussion and Conclusions: the author defines the need to elaborate the theory of expert support for media security (including digital area), of using specific knowledge through various experts participation (including experts of the class of forensic speech experts) as individuals whose involvement in media security in the digital environment is most desirable because of the characteristics of information media products.

Keywords: forensic expertology; special knowledge; digitalization; information security; media security; digital environment; information threat; internet communications

© Bogatyrev K.M., 2022

For citation: Bogatyrev K.M. Forensic Ensuring of Media Security in the Digital Environment // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 60 – 70. DOI: 10.37973/KUI.2022.13.69.009

Введение

Одной из основных функций государства как особого общественного института является обеспечение безопасности (состояния защищенности от угроз природного и антропогенного характера) для общества в целом и для отдельных его членов. С ней тесно связаны и остальные функции, такие как установление в обществе определенного порядка, обеспечение социального мира и стабильности, защита личности от произвола, создание нормальных условий жизни для всех членов общества и его консолидация [1, с. 51-52].

Информационная безопасность как часть единой системы национальной безопасности

Сама по себе **безопасность** – категория максимально общая, и применительно к деятельности государства необходимо определиться с ее пониманием более основательно. В этом нам помогает Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»², где, во-первых, перечисляются виды безопасности (безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности и иные предусмотренные законодательством Россий-

¹ Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-011-00190.

² О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

ской Федерации виды безопасности), во-вторых, указывается на синонимичность понятий «**безопасность**» и «**национальная безопасность**» в контексте той защитной функции, которая выполняется государством.

Обеспечение безопасности – это основная функция правоохранительных органов и одна из основных у любых других государственных и муниципальных органов (т.е. у всех органов публичной власти). Определяет основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности и координирует деятельность по ее обеспечению Президент Российской Федерации, а также формируемый и возглавляемый им Совет безопасности.

Однако эффективное и полноценное обеспечение безопасности во всех сферах общественной жизни было бы невозможно обеспечить только лишь силами государства. Граждане и общественные объединения также активно участвуют в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности. Кроме того, важное место отведено и международному сотрудничеству в данной сфере, поскольку многие угрозы (особенно информационные) в настоящее время имеют транснациональный, глобальный характер. В целом же обеспечение национальной безопасности представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.

Таким образом, основными принципами обеспечения безопасности являются:

- соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
- законность;
- системность и комплексность применения политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности;
- приоритет предупредительных мер;

- взаимодействие государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности.

Нормативно-правовую основу деятельности по обеспечению безопасности, помимо Конституции Российской Федерации, федерального и регионального законодательства, составляют также подзаконные нормативные акты. Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г.¹ определены национальные интересы, в число которых входит развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия. Для обеспечения и защиты национальных интересов концентрируются, в том числе, на таком стратегическом национальном приоритете, как **информационная безопасность**, определяемая как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз².

Информационная безопасность – часть единой системы национальной безопасности (безопасность в информационном пространстве). Ее правовую основу составляют (помимо упомянутого Федерального закона «О безопасности») Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, Закон «О средствах массовой информации»⁴, Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁵, Стратегия национальной безопасности⁶, Доктрина информационной безопасности⁷, кодексы, в которых закреплена ответственность за нарушения информационной безопасности, и т.д.

Информационная безопасность имеет технический и содержательный компоненты. Технический компонент связан с защитой информационной, в т.ч. критической, инфраструктуры (технологий, оборудования и состоящих из них сетей, а также функционирующих на их основе систем и программ, программно-аппаратных

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁴ О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.

⁵ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.

⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁷ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

комплексов) от атак, направленных на их уничтожение, повреждение или перехват контроля над ними. Содержательный же компонент имеет отношение к информации, которая распространяется посредством таких информационных систем. И хотя в настоящее время, говоря об информационной безопасности, подразумевают в первую очередь борьбу с несанкционированным доступом к информационной инфраструктуре и ее содержимому, в последнее время на первый план вышел вопрос борьбы с преступлениями, связанными с запрещенным законом созданием и распространением информации определенной направленности или содержания.

Распространение определенной информации (согласно официальной государственной позиции, изложенной в Стратегии) несет угрозу для российского суверенитета, приводит к дестабилизации общественно-политической ситуации в стране. Как правило, речь идет о недостоверной (в т.ч. общественно значимой) информации, материалах террористической и экстремистской направленности, запрещенной законом пропаганды (например, криминального образа жизни, наркотиков) и т.д. Также делается акцент на том, что основным объектом деструктивного воздействия посредством такой информационной продукции является молодежь.

Однако серьезные риски деструктивного влияния такого рода информации следуют не только из ее смысловой направленности, но и из массового характера распространения. Внедрение результатов научно-технического прогресса породило преобразование всех сфер общественной жизни – от экономической и политической до культурной. Общество вступило в эпоху высоких технологий, связанных с дистанционной коммуникацией, передачей данных. По мере внедрения средств, расширявших возможности передачи информации, часть из них начала приобретать массовый характер – направленность на максимально широкую аудиторию. Однако роль одних и тех же средств коммуникации со временем изменялась: в настоящее время значение ставших традиционными средств массовой информации (таких как печатные издания, радио, телевидение), ранее являвшихся основными источниками сведений о мире и в силу этого определявших мышление большей части общества, сохранилось, однако девальвировалось. Основными средствами передачи данных, наряду с традиционными, являются информационно-телекоммуникационные сети (Интернет). Поэтому особенно важно разработать научно обоснованную теорию

обеспечения информационной безопасности в той части информационного пространства, связанную с массовым распространением информации, т.е. с медиасредой.

Медиабезопасность

как вид информационной безопасности

Обратимся к анализу термина «медиасреда». Так, А.М. Кузьмин определяет ее как «пространство, в котором формируется, распространяется и воспроизводится с помощью массовых коммуникаций и СМИ культура информационного общества» [2]. По мнению М.В. Шкондина, «медиасфера (медиасистема) – часть инфосферы», имеющая отношение главным образом к информации массовой, и в ее структуру входят, прежде всего, средства массовой информации [3, с. 337]. Как можно заметить, в приведенных определениях значительную смысловую нагрузку несут термины «средства массовой информации», «инфосфера», «информационное сообщество», «массовые коммуникации». Данные термины входят в понятийное поле, изучаемое в рамках информационного права как юридической дисциплины.

В нашем понимании **медиасреда** – это часть информационного пространства, в которой информация вне зависимости от формы распространяется при помощи *средств массовой коммуникации* (в т.ч. средств массовой информации как их особого вида, имеющего при этом нормативное определение). Понятие «информационное пространство», фигурирующее в данном определении, активно используется в той же Стратегии, однако ни в ней, ни в каком-либо другом нормативном правовом акте его содержание не раскрывается. Попытки его рассмотрения были в науке; например, С.А. Проскурин определяет информационное пространство как «пространство, в котором создается, перемещается и потребляется информация» [4].

В контексте рассматриваемой темы также важно установить соотношение понятий «массовая информация» и «массовая коммуникация», «средства массовой информации» (СМИ) и «средства массовой коммуникации» (СМК). Мы сформулируем две возможных гипотезы их соотношения:

1. Они не являются понятиями-синонимами (СМК – шире СМИ и включают их в себя);
2. Эти понятия – тождественны. Необходимо отметить, что в науке отсутствует однозначный подход к определению термина «средство массовой информации»; также не определено его соотношение с терминами «средства массовой коммуникации», «медиа» и «масс-медиа», кото-

Таблица 1. Медиасреда (система средств массовой коммуникации)
Table 1. Media environment (mass communication media system)

Аналоговая форма представления данных		Цифровая форма представления данных	
СМК, не являющиеся СМИ	СМИ		СМК, не являющиеся СМИ
Средства массовой коммуникации, имеющие аналоговую форму представления данных и не зарегистрированные как СМИ (например, коротковолновые радиостанции, частные периодические издания и т.д.)	Традиционные СМИ: телевидение; радио; периодические издания; и т.п.	Средства массовой коммуникации, имеющие цифровую форму и зарегистрированные как СМИ: сайты традиционных СМИ, интернет-издания.	Сайты: социальные сети; хостинги; стриминг-сервисы; мессенджеры; почтовые сервисы; форумы; тематические сайты; сервисы объявлений; облачные хранилища; поисковые сервисы и т.д.
	Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»		
ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»			

рые одни ученые считают синонимами, другие же различают данные понятия.

В Большой актуальной политической энциклопедии понятие «средство массовой информации» приравнивается к масс-медиа. СМИ (средства массовой информации, massmedia) – в совокупности газеты, журналы, радио, телевидение, интернет-издания и т.п.¹. Подобный подход наблюдается и в словаре бизнес-терминов: масс-медиа – средства массовой информации².

В энциклопедии культурологии же тождественными понятиями являются «масс-медиа» и «средства массовой коммуникации»: технологии и институты, через которые централизованно распространяются информация и другие формы символической коммуникации крупным, гетерогенным и географически рассеянным аудиториям; одна из форм распространения и бытия массовой культуры³.

М.М. Лукина и И.Д. Фомичева разграничивают средства массовой информации и средства массовой коммуникации, считая, что одно является частью другого. Интернет (как одно из средств массовой коммуникации) является носителем, с помощью которого СМИ распространяют свои публикации. Различные сайты, порталы и т.п. могут стать средствами массовой информации (получить статус сетевого издания) и использовать те или иные средства массовой

коммуникации для осуществления своей деятельности [5, с. 22].

С ними согласен и М.А. Ющенко, утверждая, что «необходимо различать средства массовой информации (СМИ) и средства массовой коммуникации (СМК). <...> ...Можно выделить как минимум три основные причины использования СМК в более широком понимании, чем СМИ. Во-первых, потому что СМК появились раньше. Когда не существовали СМИ в принятом сегодня понимании (печать, телерадиовещание), их функцию выполняли рукописные книги. Во-вторых, сегодня СМК, помимо СМИ, включают в себя кинематограф, шоу-бизнес, Интернет, новые средства массовой информации, рекламу, PR, оказывающие значительное влияние на массовое сознание. В-третьих, СМИ – это преимущественно однонаправленная система, в то время как СМК являются системой, обладающей обратной связью, почему в последние годы все активнее обсуждается необходимость преобразования СМИ в СМК, т.е. в инструмент социального взаимодействия. Обратная связь обеспечивается посредством дополнительных специальных исследовательских организаций» [6].

Таким образом, термины «медиа» и СМК мы считаем синонимичными, в то время как отождествление термина «медиа» со СМИ («масс-ме-

¹ Большая актуальная политическая энциклопедия. URL: http://greater_political.academic.ru/ (дата обращения: 26.08.2021).

² Словарь бизнес-терминов. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/7613> (дата обращения: 26.08.2021).

³ Энциклопедия культурологии. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/ (дата обращения: 26.08.2021).

диа») следует оценивать как неоправданное сужение. Однако существует еще одно серьезное основание для обособления СМИ как особой разновидности СМК. Существует их нормативное определение – это «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)»¹. Из этого следует, что главной характеристикой СМИ является их периодичность. Кроме того, это еще и особый правовой статус, получить который можно только путем регистрации. Таким образом, СМК делятся на зарегистрированные в качестве СМИ и не получившие такого статуса. При этом позиция, в рамках которой любой сайт, а также вся сеть Интернет в целом рассматриваются как СМИ, некорректна как в силу рассмотренных выше обстоятельств, так и в силу прямого указания закона (сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является²).

Развитие инфраструктуры, в рамках которой осуществляется оборот информации в любой (в т.ч. цифровой) форме, привело к многообразию способов и каналов передачи информации. Однако этой инфраструктурой, представляющей собой совокупность средств массовой коммуникации, передающих информацию в т.ч. в цифровой форме, могут пользоваться и правонарушители. В связи с этим возникает необходимость выстраивания соответствующей системы безопасности, позволяющей эффективно осуществлять выявление правонарушений, собирание, исследование и использование криминалистически значимой информации, привлечение правонарушителей к ответственности. Такая система кратко может быть обозначена термином «медиабезопасность».

Исследователи указывают, что в настоящее время возник социальный запрос на создание системы обеспечения медиабезопасности (в т.ч. в цифровой среде). Поэтому, в том числе, делаются попытки по формулированию самого термина «медиабезопасность». Так, по мнению А.А. Морозовой, «медиабезопасность – это состояние защищенности каждого индивида от недостоверной или опасной информации, причиняющей вред здоровью человека,

его нравственности и личностному развитию» [7]. И.А. Фатеева, проанализировав имеющиеся труды по данной тематике, дала следующее определение: «медиабезопасность – это состояние защищенности индивида от некачественной информации, поступающей из медиасферы, то есть из системы средств массовой информации и коммуникации» [8].

Мы же предлагаем следующее определение **медиабезопасности**: она понимается нами как состояние защищенности отдельной личности от любых существующих в медиасреде информационных угроз (выраженных в информационных продуктах, оборот которых ограничен или запрещен действующими нормативными правовыми актами), а также вытекающее из него состояние защищенности государства и общества. Угрозы информационной безопасности определяются в соответствии с перечнем запрещенных деяний, приведенном в различных кодифицированных нормативных правовых актах (таких как УПК РФ, КоАП РФ, ГК РФ). Важно заметить, что раз медиасреда понимается как часть информационного пространства, то и медиабезопасность следует понимать как составную часть информационной безопасности, безопасности СМК, в т.ч. СМИ. Однако сама медиабезопасность также имеет в себе подразделения, формирующие ее внутреннюю структуру. Исходя из наших научных изысканий (в т.ч. из нашего понимания структуры медиасреды, представленной выше), **система медиабезопасности** включает в себя следующие элементы:

- безопасность аналоговых (нецифровых) СМК, не являющихся СМИ;
- безопасность аналоговых (нецифровых) СМИ;
- безопасность цифровых СМК, не являющихся СМИ;
- безопасность цифровых СМИ.

Как мы видим, в основе данного разделения медиабезопасности лежат два компонента – форма представления данных и правовой статус СМК (зарегистрировано оно в качестве СМИ или же нет). Последние два компонента формируют подсистему **медиабезопасности в цифровой среде**.

Цифровизация всех сфер общественной жизни, ставшая главным трендом последнего десятилетия, привела к качественному скачку в развитии инфраструктуры передачи данных.

¹ О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.

² Ст. 8 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации».

Многообразие способов и каналов передачи информации вкупе с ростом цифровой грамотности населения привело к тому, что цифровые технологии в настоящее время играют ведущую роль в развитии всех сфер жизнедеятельности общества (некоторые ученые даже видят в такой зависимости от высоких технологий угрозу [9]). Научно-техническими изысканиями в данной области активно занимаются государственные учреждения (заинтересованные в обеспечении государственной безопасности в данной сфере) и негосударственные коммерческие организации (заинтересованные в разработке новых информационных продуктов с последующим получением выгоды).

Массовая коммуникация также преобразуется за счет внедрения новых технологий. Информационно-телекоммуникационные сети (в т.ч. Интернет), относящиеся к числу т.н. «новых медиа», характеризуются тем, что у значительного объема информационных потоков отсутствует государственный контроль (в отличие от тех же традиционных СМИ). Это можно объяснить тем, что цифровая среда (частью которой является Интернет) – новое и динамичное явление, некоторое время находившееся на периферии или же за пределами внимания законодателя. Более того, сама возможность государственного контроля Интернета представляется ограниченной ввиду его децентрализованной природы и сложного технического устройства. Поэтому отечественному законодателю необходимо корректно определить границу возможного нормативно-правового регулирования.

Мы же для этих целей специально выделяем подсистему **медиабезопасности в цифровой среде** (как особую часть системы медиабезопасности), которая подразумевает обеспечение безопасности в особом информационном пространстве, где пересекаются множества, обозначаемые понятиями «цифровая среда» и «медиа среда» (информация, распространяемая через средства массовой коммуникации (медиа) и СМИ, может быть выражена в цифровой форме).

Распространенность новых технологий не могла не привести к тому, что их возможности будут использоваться, в том числе, и для нарушения закона (подготовки и/или совершения проступков/преступлений различной тяжести и направленности). В настоящее время в цифровой среде (понимаемой нами как совокупность информационных технологий и информационных систем, обрабатывающих информацию, имеющую цифровую форму представления, а

также содержащих такую информацию информационных ресурсов) существуют условия для совершения не только преступлений в сфере компьютерной информации, но практически любых видов преступлений: против жизни и здоровья, против собственности, общественной безопасности, против мира и безопасности человека и т.д.

Наиболее часто посредством электронных (цифровых) средств массовой коммуникации (таких как сеть Интернет), составляющих значительную часть цифровой среды, могут осуществляться запрещенная законом пропаганда (в т.ч. суицида); диффамационные речевые действия (распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию; оскорбление, клевета); угрозы; возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; публичные призывы к осуществлению противозаконной деятельности; нарушение законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию и т.п. [10]. Сущность всех этих преступлений заключается в распространении информации, несущей информационную угрозу медиабезопасности.

В современных условиях информационные (в т.ч. цифровые) технологии также активно используются для борьбы внутри- и внешнеполитической; идеологические диспуты и споры зачастую перетекают в конфликтное русло и могут приводить к совершению запрещенных законом действий (запрещенной законом пропаганде, клевете, оскорблениям, оправданию различных деструктивных течений и идей и т.п.). Кроме того, угрозы заключаются в том, что средства массовой коммуникации (в т.ч. СМИ) обладают уникальной способностью по формированию мировоззрения граждан [6]. В настоящее время основным критерием истинности информации становится не верифицируемость (проверяемость), а виральность [11] (характеристика, определяющая вероятность возникновения у читателей желания поделиться такой информацией с другими людьми), что препятствует распознаванию недостоверной информации и ее широкому распространению. Все это создает серьезные риски для медиабезопасности в цифровой среде.

Использование специальных знаний для обеспечения медиабезопасности в цифровой среде

Функция по обеспечению медиабезопасности в цифровой среде, т.е. по борьбе с информационными угрозами, существующими в цифровой

среде в результате противозаконных деяний (совершаемых с использованием средств массовой коммуникации), лежит (как и в случае с любыми другими нарушениями закона) на правоохранительных органах. Для ее реализации необходимо осуществлять деятельность по выявлению готовящихся и совершаемых правонарушений, раскрытию и расследованию уже совершенных противоправных деяний, несущих общественную опасность, а также по принятию процессуальных решений. Однако действия по обеспечению медиабезопасности выполняются не только должностными лицами государственных органов; в пределах своей «частной территории» этим занимаются и администрации социальных сетей, различных сайтов и цифровых платформ.

Делается это по ряду причин: во-первых, крупные информационные организации (например, Google, Facebook (*организация признана экстремистской в Российской Федерации*), Twitter и т.д.) принимают все усилия по тому, чтобы на их информационных ресурсах соблюдались требования законодательства (в т.ч. внутреннего законодательства отдельных стран), инкорпорируемые во внутренние правила самих платформ; во-вторых, зачастую у государственных органов возможности мониторинга данных платформ на предмет нарушения законодательства ограничены (как технически, так и с точки зрения соблюдения конфиденциальности пользовательских данных). Да и в целом функции по борьбе с информационными угрозами в рамках отдельной платформы проще выполнять тем, у кого есть полный доступ к ее «обратной» технической стороне. Однако, как это отмечено в п. 1 решения Правительственной комиссии по профилактике правонарушений от 28.12.2020, некоторые интернет-площадки (например, Twitter) не только не удаляют противоправную информацию по своей инициативе, но и не выполняют предписания выявивших противоправный контент компетентных органов, таких как Роскомнадзор. Так, несоблюдение подобных предписаний в недавнем прошлом повлекло наложение ограничений на Twitter (замедление скорости его работы)¹.

Поэтому на смену политике полного контроля содержимого социальных сетей со стороны государства пришел подход к обязательному самоконтролю социальных сетей с последующим

отчетом перед государственными органами (для этого, в частности, в настоящее время создается реестр соцсетей²), что нашло свое отражение в Федеральном законе от 30.12.2020 № 530-ФЗ³.

Очевидно, что экспертное обеспечение медиабезопасности необходимо как при работе с традиционными СМИ, так и с теми, что размещены в цифровой среде. Однако во втором случае к анализу информационных продуктов будут предъявляться более строгие требования, вытекающие из особенностей такого рода объектов. В свою очередь, особенности таких информационных продуктов являются следствием комбинации:

особенностей средств массовой коммуникации (например, заведомое распространение на неопределенный круг лиц);

особенностей цифровой формы (гипертекстуальность, креолизованность, существование информационного продукта только в электронном виде и т.д.);

специфики отдельных категорий информационных продуктов (направленность на определенную возрастную аудиторию, жанровые и стилистические особенности и т.д.).

Следовательно, для того чтобы компетентные органы могли эффективно выполнять свою правоохранительную функцию, им необходимо содействие обладающих специальными знаниями лиц. Оно необходимо как в техническом, так и в содержательном компонентах информационной безопасности. Технический компонент, связанный с защитой информационной инфраструктуры (технологий, оборудования и состоящих из них сетей, а также функционирующих на их основе систем и программ, программно-аппаратных комплексов), подразумевает необходимость привлечения компьютерно-технических судебных экспертов и специалистов, имеющих соответствующее техническое образование, специальные знания и способных выявить и устранить уязвимости информационных (в т.ч. цифровых) СМИ, изучить и описать их элементы, процедуру их нормального функционирования.

Содержательный же компонент, подразумевающий анализ информационного содержимого данных систем, требует привлечения сведущих лиц, обладающих специальными знаниями о таком содержимом (например, экспертов-речеведов, психологов, экономистов и т.д.). У таких

¹ Роскомнадзор принял меры по защите российских граждан от влияния противоправного контента. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73464.htm> (дата обращения: 10.09.2021).

² Роскомнадзор приступил к формированию реестра социальных сетей. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73860.htm> (дата обращения: 26.09.2021).

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 69.

экспертов также должны быть определенные специальные знания в компьютерно-технической области, которые необходимы им в силу характера исследуемых объектов (например, цифровая форма подразумевает особый порядок обнаружения, фиксации и изъятия доказательственной информации, особые требования к обеспечению допустимости и достоверности результатов исследования).

Таким образом, для надлежащего анализа распространяемых через цифровые СМК информационных продуктов (в большинстве своем – являющихся речевым продуктом или содержащим текстовый компонент) на наличие специальных признаков правонарушений необходимо привлечь сведущее лицо, обладающее надлежащей компетенцией. В связи с этим представляется рациональным рассмотреть разделение множества цифровых следов на активные и пассивные цифровые следы [11]. Такое деление носит прикладной характер, например, позволяет определить, необходимо ли привлечение компьютерно-технического эксперта для проведения исследования технического компонента или же нет. При «активном» цифровом следе, представляющем собой продукт речевой деятельности (в т.ч. поликодовый), участие компьютерно-технического эксперта не требуется [12], но имеется необходимость привлечения лица, обладающего высшим образованием по специальности «Судебная экспертиза» (специализация № 5 «Речеведческие экспертизы»), в компетенцию которого входят знания, умения и навыки по изучению объектов, представленных на исследование в цифровой форме на цифровых носителях¹.

Для подготовки конкретных методических рекомендаций, составляющих основу эффективного исследования продуктов медиадискурса, имеющих цифровую форму представления, сведущими лицами разных экспертных специальностей необходима разработка особой частной

экспертной теории, в рамках которой были бы проанализированы наиболее общие закономерности экспертного обеспечения (через использование специальных знаний) медиабезопасности в цифровой среде. Разработка данной частной теории производится в рамках судебной экспертизы. Теория данной самостоятельной дисциплины [13] была разработана в рамках научной школы, развивающейся на базе кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); ее ведущими представителями являются профессора Е.Р. Россинская, Е.И. Галляшина, А.М. Зинин.

Обсуждение и заключение

В статье сделаны лишь первые шаги в рамках разработки соответствующей частной экспертной теории в русле судебного речеведения и учения о цифровизации судебно-экспертной деятельности. В дальнейшем автор подробно рассмотрит порядок обеспечения медиабезопасности (в т.ч. в цифровой среде) как со стороны государства, так и со стороны граждан, их объединений и частных организаций; изучит совокупность специальных знаний, которыми необходимо обладать сведущему лицу, привлекаемому для обеспечения медиабезопасности, формы использования и применения специальных знаний; проанализирует место и значение специальных речеведческих знаний и их носителей в обеспечении медиабезопасности.

В заключение следует отметить, что на всех этапах (от возникновения потенциальной возможности правонарушения, связанного с распространением деструктивной информации, до привлечения к ответственности нарушителя) настоятельно рекомендуется использование специальных знаний как валидного средства оценки характера распространяемой информационной продукции, наличия у нее специальных признаков правонарушений.

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалиста): приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28.10.2016 № 134. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 08.12.2016).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Морозова Л.А. Теория государства и прав. Москва: Эксмо. Российское юридическое образование. 2010. 510 с.
2. Кузьмин А.М. Категория «медиасреда» и ее содержание на современном этапе развития общества // Медиаскоп. 2011. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/765> (дата обращения: 26.03.2022).
3. Шкондин М.В. Информационный потенциал общества и концепты целостности медиасистемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. № 4. С. 335-348.
4. Проскурин С.А. Геополитическое измерение глобального информационного пространства // Геополитика: учебник / под общ. ред. В.А. Михайлова. Москва: Изд-во РАГС, 2007. 261 с.
5. Лукина М.М., Фомичева И.Д. СМИ в пространстве Интернета. Серия «Интернет-журналистика». Вып. 1. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова. Фак. Журналистики, 2005. 87 с.
6. Ющенко М.А. Средства массовой коммуникации как механизм формирования властью общественного сознания граждан // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 67-70.
7. Морозова А.А. Медиабезопасность в эпоху информации / Информационное поле современной России: практики и эффекты: материалы IX Международной научно-практической конференции, 18-20 октября 2012 г. / под ред. Р.П. Баканова: в 2-х т. Т. 1. Казань: Казан. ун-т, 2012. С. 280-287.
8. Фатеева И.А. Что такое медиабезопасность, и как она соотносится с информационной безопасностью? // Экология медиасреды: материалы III Открытой межвузовской научно-практической конференции / под редакцией И.А. Фатеевой, И.В. Жилавской. Московский педагогический государственный университет (Москва), 2018. С. 98-107.
9. Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации / Власть. 2018. № 5. С. 13-21.
10. Галяшина Е.И., Никишин В.Д. К вопросу о концепции юрико-лингвистического обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в цифровой среде // Становление личности в современном обществе: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Юргинский технологический институт. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2018. С. 266-269.
11. Никишин В.Д. Цифровые и речевые следы в аспекте обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде // Судебная экспертиза. 2020. № 1 (61). С. 131-139.
12. Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4 (62). Ч. 1. С. 88-101.
13. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд. перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. 368 с.

REFERENCES

1. Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prav. Moskva: Eksmo. Rossijskoe yuridicheskoe obrazovanie. 2010. 510 s.
2. Kuz'min A.M. Kategoriya «mediasreda» i ee soderzhanie na sovremennom etape razvitiya obshchestva // Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Mediaskop». 2011. № 1. // URL: <http://www.mediascope.ru/node/765> (data obrashcheniya: 26.03.2022).
3. SHkondin M.V. Informacionnyj potencial obshchestva i koncepty celostnosti mediasistemy // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2015. № 4. S. 335-348.
4. Proskurin S.A. Geopoliticheskoe izmerenie global'nogo informacionnogo prostranstva // Geopolitika: uchebnik / pod obshch. red. V.A. Mihajlova. Moskva: Izd-vo RAGS, 2007. 261 s.
5. Lukina M.M., Fomicheva I.D. SMI v prostranstve interneta. Seriya «Internet-zhurnalistika». Vyp. 1. Moskva: MGU im. M.V. Lomonosova. Fak. ZHurnalistiki, 2005. 87 s.
6. YUshchenko M.A. Sredstva massovoj kommunikacii kak mekhanizm formirovaniya vlast'yu obshchestvennogo soznaniya grazhdan // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 305. S. 67-70.
7. Morozova A.A. Mediabezopasnost' v epohu informacii / Informacionnoe pole sovremennoj Rossii: praktiki i efekty: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 18-20 oktyabrya 2012 g. / pod red. R.P. Bakanova: v 2-h t. T. 1. Kazan': Kazan. un-t, 2012. S. 280-287.
8. Fateeva I.A. Shto takoe mediabezopasnost', i kak ona sootnositsya s informacionnoj bezopasnost'yu? // Ekologiya mediasredy: materialy III Otkrytoj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod

redakciej I.A. Fateevoj, I.V. ZHilavskoj. Moskovskij pedagogicheskiy gosudarstvennyj universitet (Moskva), 2018. S. 98-107.

9. SChernyshov A.G. Strategiya i filosofiya cifrovizacii / Vlast'. 2018. № 5. S. 13-21.

10. Galyashina E.I., Nikishin V.D. K voprosu o koncepcii yuridiko-lingvisticheskogo obespecheniya informacionnoj (mirovovzrencheskoy) bezopasnosti v cifrovoj srede // Stanovlenie lichnosti v sovremennom obshchestve: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. YUrginskij tekhnologicheskij institut. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2018. S. 266-269.

11. Nikishin V.D. Cifrovye i rechevye sledy v aspekte obespecheniya informacionnoj (mirovovzrencheskoy) bezopasnosti v internet-srede // Sudebnaya ekspertiza. 2020. № 1 (61). S. 131-139.

12. Rossinskaya E.R. Uchenie o cifrovizacii sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti i problemy sudebno-ekspertnoj didaktiki // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. № 4 (62), ch. 1. S. 88-101.

13. Teoriya sudebnoj ekspertizy (sudebnaya ekspertologiya): uchebnik / E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina, A.M. Zinin; pod red. E.R. Rossinskoj. 2-e izd. pererab. i dop. Moskva : Norma : INFRA-M, 2018. 368 s.

Информация об авторе:

Богатырев Константин Михайлович, младший научный сотрудник Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, аспирант кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, <https://orcid.org/0000-0001-6300-009X>, kbog@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Bogatyrev Konstantin M., Junior Researcher of the Center for Legal Expertise in Counteracting the Ideology of Terrorism and Prevention of Extremism, Postgraduate Student of the Forensic Expertise Department at Kutafin Moscow State Law University, <https://orcid.org/0000-0001-6300-009X>, kbog@rambler.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 28.04.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.137
DOI: 10.37973/KUI.2022.36.72.010

ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УСЛОВИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Тимур Ильгизович Гарипов,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, ti89ga@mail.ru
Роман Сергеевич Поздышев,
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются актуальные вопросы определения условий для прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера – судебного штрафа. Подвергается критике сложившаяся судебная практика о допустимых формах заглаживания вреда по рассматриваемой категории дел.

Материалы и методы: в ходе исследования применялись основные традиционные научные методы познания государственно-правовой действительности, однако наибольшую эффективность продемонстрировали методы статистического и системного анализа правоприменительной практики рассматриваемой сферы.

Результаты исследования: в рамках настоящего исследования была проанализирована практика применения судами положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства об освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа. Определены особенности способов возмещения ущерба и заглаживания вреда как неперемennого условия для прекращения уголовного дела по указанному основанию. Обоснована авторская позиция относительно практики определения судами допустимых форм заглаживания вреда при прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа по уголовным делам о преступлениях, объектом посягательства которых выступают публичные интересы общества и государства.

Обсуждение и заключение: авторами сформулированы предложения о совершенствовании правоприменительной практики при определении условий для прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа. Указано на недопустимость игнорирования учета публичных интересов общества и государства при определении способа возмещения и заглаживания вреда, причиненного преступлением, а также особенностей объекта уголовно-правовой охраны, в отношении которого было совершено преступное посягательство.

Ключевые слова: судебный штраф; прекращение уголовного дела; освобождение от уголовной ответственности; заглаживание вреда; возмещение ущерба

© Гарипов Т.И., Поздышев Р.С., 2022

Для цитирования: Гарипов Т.И., Поздышев Р.С. Вопросы определения условий прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 71 – 76. DOI: 10.37973/KUI.2022.36.72.010

Scientific article
UDC 343.137
DOI: 10.37973/KUI.2022.36.72.010

**ISSUES OF DETERMINING THE CONDITIONS
FOR THE TERMINATION
OF A CRIMINAL CASE IN RELATION TO THE IMPOSITION OF A COURT FINE**

Timur Ilgizovich Garipov,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia, ti89ga@mail.ru
Roman Sergeevich Pozdyshev,
the Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract

Introduction: the article highlights current issues of definitions of conditions for an end to terminate criminal proceedings in relation to the appointment of a criminal sanction – legal penalty. Court practice on possible forms of making amends in this category.

Materials and Methods: in the study the authors used main traditional scientific methods for the cognition of state and legal reality. The most effective were methods of statistical and systemic analysis of law enforcement practices on the examined area has been criticized.

Results: within the framework of this study, the authors analyzed the practice of applying the provisions of criminal and criminal procedure legislation by courts on exemption from criminal liability in connection with the imposition of a court fine. The features of the methods of compensation for damage and compensation for harm as an indispensable condition for the termination of a criminal case on the specified basis were determined. The authors' position on the practice of determining by courts permissible forms of compensation for harm upon termination of a criminal case with the imposition of a court fine in criminal cases of crimes whose object of encroachment is the public interests of society and the state is substantiated.

Discussion and Conclusions: in the conclusion of this article, the authors formulates some proposals for improving law enforcement practice in determining the conditions for the termination of a criminal case with the imposition of a court fine. It is pointed out that it is unacceptable to ignore the public interests of society and the state when determining the method of compensation for the harm caused by the crime, as well as the features of the object of criminal protection, in respect of which a criminal offense was committed.

Keywords: *judicial fine; termination of a criminal case; exemption from criminal liability; compensation or damage; compensation for damage*

© Garipov T.I., Pozdyshev R.S., 2022

For citation: Garipov T.I., Pozdyshev R.S. Issues of Determining the Conditions for the Termination of a Criminal Case in Relation to the Imposition of a Court Fine // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia 2022. T. 13. No 4 (50). С. 71 – 76. DOI: 10.37973/KUI.2022.36.72.010

Введение

В последние десятилетия в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве России произошло значительное количество изменений, совершенствующих основания, условия и порядок освобождения лиц от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела.

Среди подобных изменений наиболее яркий след в следственно-судебной практике оставило введение в 2016 году в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) меры уголовно-правового характера – судебного штрафа. Аналогичные изменения коснулись и Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации (далее – УПК РФ), в котором законодатель предусмотрел процессуальный порядок прекращения уголовного дела по данному основанию.

Подобная новелла была реализована законодателем ввиду необходимости дальнейшей гуманизации уголовной ответственности, разработки альтернатив уголовному преследованию и обеспечения восстановительного правосудия – полного возмещения вреда, причиненного преступлением при рассмотрении уголовного дела.

Данные судебной статистики демонстрируют достаточно большую долю принятых решений о

прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. Так, в 2021 году доля уголовных дел, прекращенных по указанному основанию, составила 9,8%, в 2020 – 18,5%¹. Несмотря на снижение доли принятых решений о назначении судебного штрафа за аналогичный период, с учетом значительного количества иных оснований для прекращения судом уголовного дела, данный институт все равно активно применяется, что свидетельствует о его распространенности на практике.

Обзор литературы

Рассматриваемый нами институт прекращения уголовного дела в назначением судебного штрафа был принят в отечественном законодательстве относительно недавно. В связи с этим научный анализ рассматриваемого института представлен исследованиями, результаты которых опубликованы в отдельных статьях. Публикация П.А. Каматесова [1] заслуживает внимания в части анализа форм заглаживания вреда при прекращении уголовного дела по ст. 25¹ УПК РФ. Так, например, П.С. Яни в своей работе [2] поднимает острые вопросы императивного подхода в определении обязанности суда освобождать от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, а также необходимости учета непосредственного объекта преступления при определении условий прекращения уголовного дела. А.А. Давлетов рассматривает назначение судебного штрафа в качестве единого универсального компромиссного основания для прекращения уголовного дела [3].

Материалы и методы

В качестве эмпирической основы исследования выступили решения Верховного Суда Российской Федерации и иных нижестоящих судебных инстанций, данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Результаты исследования

За прошедшие годы успела сформироваться судебная практика по применению судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера, в которой отразились отношение правоприменителя к рассматриваемому институту и видение условий и порядка его реализации.

В связи с необходимостью разъяснения отдельных аспектов применения различных

оснований для освобождения от уголовной ответственности Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) было принято постановление² (далее – ППВС РФ от 27.06.2013 № 19) в котором впоследствии вскоре после соответствующих изменений в УК РФ был разъяснен порядок применения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа.

В 2019 году Верховным Судом Российской Федерации также был подготовлен обзор судебной практики о применении положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства о судебном штрафе³, в котором ВС РФ дал еще более подробные разъяснения о различных аспектах применения вышеуказанных норм.

Напомним, что, согласно ст. 76² УК РФ и ст. 25¹ УПК РФ, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности и в отношении него может быть прекращено уголовное дело (уголовное преследование) с назначением судебного штрафа при условии, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. При этом ВС РФ обращает внимание, что вред может быть возмещен не только по преступлениям, предусматривающим в объективной стороне наличие общественно опасных последствий (материальным составам), но и по формальным составам преступлений, в которых фактический имущественный, моральный вред или вред здоровью в качестве последствия отсутствуют.

В перечисленных разъяснениях под возмещением ущерба ВС РФ понимает, например, полную или частичную передачу потерпевшему имущества взамен утраченного (поврежденного, уничтоженного), передачу денежных средств в размере соответствующем причиненному ущербу и т.д. При этом в отношении способов возмещения ущерба и заглаживания вреда в п. 2.1 ППВС РФ от 27.06.2013 № 19 отмечается, что они должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. Более подробных разъяснений в указанном постановлении не дается.

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021, 2020 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 12.09.2022).

² О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 №19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.

³ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 12.

Заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом, согласно позиции ВС РФ, может осуществляться путем принесения извинений, проведения ремонтных работ по восстановлению поврежденного в результате преступления имущества, а также путем оказания материальной помощи благотворительным организациям, фондам или иным учреждениям, реализующим социально-полезные функции. Так, в п.2 указанного выше обзора судебной практики приводится пример, согласно которому в отношении К. уголовное дело прекращено с назначением судебного штрафа в размере десяти тысяч рублей. Обоснование решения составляет факт добровольного выполнения общественных работ в «Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних» и пожертвования в данное учреждение денежных средств.

Как свидетельствует правоприменительная практика, такая форма заглаживания вреда наиболее характерна для преступлений с отсутствующим потерпевшим, то есть для преступлений, в которых вред причиняется лишь охраняемым уголовным законом общественным отношениям, а не имуществу или здоровью человека как таковым, то есть преступлениям, посягающим на публичные интересы. К этим преступлениям можно отнести преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и оружия, преступления, связанные с подделкой официальных документов и т.д.

Полагаем, что сложившаяся судебная практика и позиция ВС РФ в части признания допустимым в качестве формы заглаживания вреда как условия для назначения судебного штрафа оказания материальной помощи и поддержки благотворительным организациям и фондам не соответствует духу закона и искажает его предназначение как средства, призванного обеспечить справедливость при отправлении правосудия.

Признание такой помощи в качестве условия для освобождения лица от уголовной ответственности мы считаем необоснованным по следующим причинам.

Во-первых, как можно заглаживать вред, причиненный преступлением, перечислив денежные средства в адрес, как правило, частной некоммерческой организации, которая, несмотря на наличие благотворительных уставных целей своей деятельности, почти не подотчетна государству? Так, законодательством для таких организаций предусмотрены лишь бухгалтерская отчетность

и представление ежегодного отчета в Минюст России¹.

Напомним, что уголовная ответственность за совершение любого преступления предусматривается за посягательство на общественные отношения, охраняемые в первую очередь государством (*курсив автора*). В свою очередь, это может означать, что вред в результате преступления опосредованно причиняется также государственным интересам, которые выражены в необходимости обеспечения надлежащей уголовно-правовой охраны общественных отношений. Поэтому любые условия освобождения от уголовной ответственности должны соотноситься с той мерой удовлетворения государственных интересов, в которой выражена необходимость соблюдения публичных начал в уголовно-правовой охране общественных отношений. Это значит, что интересы государства должны быть учтены и при применении условий освобождения от уголовной ответственности. Учет этих интересов может быть выражен в определении формы заглаживания вреда, причиненного преступлением, той формы, которая необходима государству, в особенности по преступлениям, в которых потерпевшее лицо отсутствует. Может ли, например, быть заглажен вред, причиненный в результате незаконного хранения наркотических средств, путем перечисления определенной суммы денег на счет благотворительной организации? Основным непосредственным объектом такого преступления выступает предусмотренный законом порядок обращения наркотических средств на территории РФ, и именно этим общественным отношениям причиняется в этом случае вред. Как хранение наркотических средств может соотноситься с детскими генетическими заболеваниями или сиротством? Ведущая роль в разрешении указанных проблем лежит на плечах государства. Именно государство обязано обеспечивать надлежащий уровень здравоохранения, образования и создавать условия для гармоничного развития и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Считаем, что, признавая в качестве допустимого условия для прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа факт перечисления денежных средств на счета благотворительных фондов и организаций, государство негласно признает свою беспомощность. Таким образом, форма и способы заглаживания вреда должны соответствовать по своему характеру объекту уголовно-правовой

¹ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.08.1995. № 33. Ст. 3340.

охраны, на который было осуществлено преступное посягательство.

Кроме вопросов, лежащих в материально-правовой плоскости, критикуемая позиция ВС РФ также небезупречна и с уголовно-процессуальной точки зрения. При описанном подходе непонятен порядок определения достаточности материальной помощи благотворительным организациям (фондам). Например, в какой форме эта помощь может быть выражена – в натуральной или в денежной – и каким должен быть ее размер? При этом в своих решениях суды зачастую оставляют без оценки вышеназванные обстоятельства, мотивируя свое решение лишь самим фактом оказания благотворительной помощи, что, на наш взгляд, не соответствует требованиям обоснованности таких решений. Так, определением суда кассационной инстанции решение о назначении в отношении П. судебного штрафа в размере 7000 рублей отменено. В обосновании решения суд указал, что вывод нижестоящего суда о заглаживании причиненного вреда путем перечисления 3000 рублей в детский благотворительный фонд не мотивирован. При этом суд отметил, что факт перечисления денежных средств на счет благотворительной организации не свидетельствует о снижении общественной опасности содеянного и не дает оснований считать, что вред, причиненный интересам общества и государства, полностью заглажен¹.

Аналогичный позиции придерживается Конституционный Суд Российской Федерации, который в одном из своих решений указал на обязанность суда принимать решение об прекращении уголовного дела с учетом данных, характеризующих особенности объекта преступного посягательства, конкретные действия, предпринятые лицом для возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда, которые свидетельствуют о снижении общественной опасности деяния².

В научных кругах также высказываются аналогичные позиции относительно определения формы заглаживания вреда при прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа. Так, П.А. Каматесов обоснованно утверждает, что «благотворительная деятельность должна быть направлена в адрес физических и юридических лиц, деятельность ко-

торых связана с охраняемым уголовным законом объектом посягательства» [1].

В связи с этим мы считаем, что степень заглаживания вреда в форме оказания помощи благотворительным организациям должна оцениваться судом индивидуально с учетом критериев ее достаточности и целесообразности. При этом суд не должен довольствоваться лишь отчетными документами об оказании материальной благотворительной помощи (например, выпиской по банковскому счету, приходным кассовым ордером и т.д.). Для объективной оценки указанного обстоятельства суд также вправе исследовать показания представителей благотворительной организации (фонда) в которых факт оказания подсудимым помощи нашел бы свое отражение. В ином случае нельзя исключать умышленный сговор подсудимого с представителями таких благотворительных организаций с целью получения необходимых формальных документов, подтверждающих факт оказания материальной помощи без ее реального осуществления.

Обсуждение и заключение

В заключение отметим, что в целом процедура прекращения уголовного дела в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа отвечает современным требованиям гуманизма и справедливости при отправлении правосудия по категориям преступлений небольшой и средней тяжести. Однако в результате некорректной интерпретации содержащихся в законе положений относительно условий освобождения лица от уголовной ответственности в части определения форм и содержания возмещения ущерба, причиненного преступлением, правоприменителем принимаются решения, не отвечающие интересам защиты личности, общества и государства от преступных посягательств.

Такая форма заглаживания причиненного преступлением вреда, как оказание помощи благотворительным организациям, может быть допущена в качестве условия прекращения для уголовного дела с назначением судебного штрафа, но только с учетом характера причиненного преступлением вреда (объект уголовно-правовой охраны), а также оценки действий самого лица, которые бы свидетельствовали о снижении общественной опасности его личности и вероятности повторного совершения им преступления. При

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2020 № 88-УДП20-5-К8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.10.2017 № 2257-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

этом нельзя допускать необоснованного освобождения от уголовной ответственности лица, чьи действия по заглаживанию причиненного вреда носят формальный характер и не соотносятся с публичными интересами общества и государства, которым такой вред был причинен.

На наш взгляд, вышеуказанная позиция должна быть разъяснена Верховным Судом Российской Федерации всем нижестоящим судебным инстанциям путем внесения соответствующих изменений в ППВС РФ от 27.06.2013 № 19.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каматесов П.А. Формы заглаживания причиненного вреда при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Адвокатская практика. 2022. № 3. С. 12 - 16.
2. Яни П.С. Назначение судебного штрафа как обязанность суда // Законность. 2021. № 7. С. 27 - 31.
3. Давлетов А.А. Прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа как универсальная форма освобождения лица от уголовной ответственности по компромиссным основаниям // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 29 - 32.

REFERENCES

1. Kamatesov P.A. Formy zaglazhivaniya prichinennogo vreda pri osvobozhdenii ot ugovnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa // Advokatskaya praktika. 2022. № 3. S. 12 - 16.
2. YAni P.S. Naznachenie sudebnogo shtrafa kak obyazannost' suda // Zakonnost'. 2021. № 7. S. 27 - 31.
3. Davletov A.A. Prekrashchenie ugovnogo dela s naznacheniem sudebnogo shtrafa kak universal'naya forma osvobozhdeniya lica ot ugovnoy otvetstvennosti po kompromissnym osnovaniyam // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 4. S. 29 - 32.

Информация об авторах:

Гарипов Тимур Ильгизович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, ti89ga@mail.ru

Поздышев Роман Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Garipov Timur I., Candidate in Law (Research doctorate), Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Pozdyshev Roman S., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Department of Preliminary Investigation of Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Гарипов Тимур Ильгизович – общая концепция, постановка проблемы, сбор и анализ судебной статистики, формулирование выводов в заключении.

Поздышев Роман Сергеевич – анализ следственно-судебной практики, оформление разделов и текста статьи, оформление ссылок и списка литературы.

Статья получена: 15.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.13
DOI: 10.37973/KUI.2022.32.37.017

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Екатерина Павловна Гришина,
Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
Grishina.K.ru@yandex.ru
Сергей Владимирович Тасаков,
Чувашский государственный университет имени Н.И. Ульянова, Чебоксары, Россия,
tasakov@mail.ru

Аннотация

Ведение: в статье излагаются результаты научно-практического и правового анализа современных проблем использования цифровых технологий в правоприменительной деятельности. Обосновывается тезис, согласно которому внедрение электронных сервисов способно существенно модернизировать процесс правосудия на всех без исключения его стадиях, обеспечить возможность беспрепятственного и менее затратного в финансовом и временном планах обращения за защитой нарушенного или оспариваемого права.

Материалы и методы: предметом исследования явились доктринальные положения в области применения цифровых технологий в правосудии по уголовным делам, а также предписания международных нормативных актов и российского законодательства, регламентирующие применение технологий и юнитов искусственного интеллекта в судебной деятельности. Методология исследования представлена следующими методами: диалектика, сравнение, обобщение, историзм, анализ, синтез, индукция, дедукция.

Результаты исследования: цифровизация как явление и правовое состояние представляет собой процесс создания, внедрения в практическую деятельность (в т.ч. судебную) цифровых технологий и информационных систем, оказывающих влияние на реализацию прав, свобод, законных интересов и исполнение обязанностей участниками соответствующих правоотношений.

Обсуждение и заключение: авторы предлагают комплекс выводов и рекомендаций научно-практического плана, направленных на расширение перспектив использования цифровых технологий в судебной деятельности. Уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительная практика в вопросах, касающихся информационных технологий, нуждаются в усовершенствовании посредством дополнения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нормой, предусматривающей право суда принять решение о возможности допроса эксперта путем использования систем видео-конференц-связи, а также разъяснения в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации о допустимости применения веб-конференций в судопроизводстве и при осуществлении правосудия. В целях обеспечения единства правового регулирования и согласованности норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации представляется целесообразным дополнение его ст. 282 частью 4 в следующей редакции: «4. Суд, рассматривающий уголовное дело, при необходимости может вынести решение о проведении допроса эксперта путем использования систем видео-конференц-связи».

Ключевые слова: электронные сервисы правосудия; электронный документ; цифровые технологии; информационная безопасность; правосудие; судебная деятельность; защита прав и свобод граждан и юридических лиц; информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»; электронный документооборот; видео-конференц-связь; электронный документ; веб-конференция; электронная подпись

© Гришина Е.П., Тасаков С.В., 2022

Для цитирования: Гришина Е.П., Тасаков С.В. Цифровые технологии в сфере правосудия по уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 77 – 85. DOI: 10.37973/KUI.2022.32.37.017

Scientific article

UDC 343.13

DOI: 10.37973/KUI.2022.32.37.017

DIGITAL TECHNOLOGIES IN JUSTICE IN CRIMINAL CASES

Ekaterina Pavlovna Grishina,

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, Grishina.K.ru@yandex.ru

Sergey Vladimirovich Tasakov,

N.I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, tasakov@mail.ru

Abstract

Introduction: the authors give an account of the results of the scientific and practical and legal analysis of the current issues of the use of digital technologies in enforcement activities; substantiate the thesis according to which the introduction of electronic services can significantly modernize the justice process at all stages of the process without exception, ensure the possibility of an unhindered and less costly financial and time-consuming application for the protection of a violated or disputed right.

Materials and Methods: the subject of the study was the doctrinal provisions in the use of digital technologies in criminal justice, as well as the prescriptions of international regulations and Russian legislation regulating the use of artificial intelligence technologies and units in judicial activity. In the study, the authors used dialectic, comparison, generalization, historicism, analysis, synthesis, induction, deduction, and historicism.

Results: digitalization as a phenomena and legal status is a process of developing, implementation in practice (including judicial), digital transformation and information systems, affecting the exercise of rights, freedoms, legitimate interests and performance of duties by the participants in the relevant legal relations.

Discussion and Conclusions: the authors suggest scientific and practical conclusions and recommendations aimed at increased prospects of use of digital technologies in courts. Criminal procedural law and law enforcement practice should be improved in the field of digital technologies: it is important to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a norm that provides the right of the court to decide on the possibility of interrogating an expert through the use of videoconferencing systems, as well as clarify in the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation the admissibility of the use of web-conferencing in court proceedings and in the administration of justice. In order to ensure the unity of legal regulation and coherence of norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation it seems appropriate to supplement it Article 282 Part 4 in the following wording: "4. The court considering a criminal case, if necessary, may decide to conduct an examination of an expert through the use of videoconferencing systems".

Keywords: electronic justice services; electronic document; digital technologies; information security; justice; judicial activity; protection of the rights and freedoms of citizens and legal entities; information and telecommunication network "Internet"; electronic document management; video conferencing; electronic document; web conference; electronic signature

© Grishina E.P., Tasakov S.V., 2022

For citation: Grishina E.P., Tasakov S.V. Digital Technologies in Justice in Criminal Cases // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 77 – 85. DOI: 10.37973/KUI.2022.32.37.017

Введение

Глобальные политико-правовые явления современности, как мирового, так и внутригосударственного масштаба, немыслимы без активного задействования прогрессивных и наиболее значимых научных достижений, центральное место среди которых по праву занимают цифровые технологии. При этом следует признать, что востребованность данных технологий в судебной практике уже в течение многих лет позиционируется как бесспорный факт.

Следует также признать, что применение информационных технологий в судопроизводстве (а также адвокатской, нотариальной и иной юридической деятельности) способно обеспечить оказание правовой помощи и правовых услуг в ускоренном варианте, сыграть позитивную роль в деле повышения правовой грамотности граждан, информирования их не только о судебных, но и альтернативных способах защиты прав.

В уголовном судопроизводстве применение информационных технологий способно существенно сократить сроки производства по уголовному делу, обеспечить возмещение потерпевшему причиненного преступлением ущерба, иным образом модернизировать принятие решений по основаниям, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Обзор литературы

Исследование научной литературы по вопросу применения цифровых технологий в правосудии в целом и уголовном судопроизводстве в частности свидетельствует, что подобные научно-методологические и правовые проблемы стали предметом активного обсуждения в начале XXI столетия.

Внедрение электронных сервисов правосудия, как следует из информационно-аналитического исследования «Информационные технологии в правосудии: Состояние и перспективы: Россия и мир» (далее – «Информационные технологии»), проведенного Центром развития современного права, направлено на ускорение процесса судопроизводства, сокращение нагрузки на аппарат суда, повышение уровня открытости судебной системы, обеспечение в оптимальном правовом режиме доступа «граждан и бизнеса к судебной процедуре через сокращение расходов, обусловленных необходимостью физического присутствия сторон и/или привлечения профессионального представителя» [1, с. 4].

Состояние процесса использования цифровых технологий в правосудии исследуется представителями научного сообщества с различных позиций. Например, Е.В. Бурдина, П.М. Морхат, О.В. Брянцева и О.Л. Солдаткина анализируют общие проблемы и частные вопросы использования цифровых технологий в судебной деятельности и правосудии [2, 3, 4, 5]; Ю.А. Свиринов исследует использование искусственного интеллекта при распознавании речи в суде и составлении протокола судебного заседания, т.е. формирования электронной процессуальной формы [6]; С.В. Василькова представляет цифровые обозначенные технологии в качестве тенденции государственно-правового развития информатизации осуществления судебной власти, разработки и обоснования принципов и процедур электронного правосудия [7], а А.И. Цыреторов как форму доступа к правосудию по уголовным делам [8].

Результаты исследования

В XXI столетии цифровизация правосудия выступает как социальное явление и правовое состояние.

Признание судебным сообществом Российской Федерации необходимости расширения использования информационных технологий в правосудии – явление неизбежное.

Пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы в общественные процессы и законодательство большинства государств, и Россия не является исключением. Противодействие распространению коронавируса и попытки минимизации его негативного влияния на население побудили законодателя принять ряд существенных дополнений в действующие нормативные правовые акты.

Авторы «Информационных технологий» отмечают и такую значимую сторону применения информационных технологий в правосудии, как расширение практик досудебного и внесудебного урегулирования, деэскалацию споров на ранней стадии [1, с. 4].

Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ о защите населения от чрезвычайных ситуаций)¹ устанавливает обязанность любой организации планировать и проводить мероприятия по повышению устойчивости функционирования организаций и обеспечению жизнедеятельности работников организаций в

¹ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №35. Ст. 3648.

чрезвычайных ситуациях (п. «б» ч. 1 ст. 14). Подобное законодательное предписание в полной мере распространяется и на судебные органы.

Ссылаясь на положения ФЗ о защите населения от чрезвычайных ситуаций и иных нормативных актов, имеющих своим назначением регламентацию вопросов защиты здоровья населения и организацию судебной деятельности, Президиум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление от 29.04.2020 № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 08.04.2020 № 82»¹, в котором рекомендовал судам при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства проводить судебные заседания по делам с использованием системы видео-конференц-связи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации.

Участие в судебном заседании посредством веб-конференции, согласно рекомендации, содержащейся в упомянутом постановлении, возможно посредством заблаговременной подачи заявления, к которому надлежит приложить документы, удостоверяющие личность (также в электронном виде).

Видео-конференц-связь и веб-конференции в судебной деятельности – и уголовном судопроизводстве за относительно непродолжительный период своего применения продемонстрировали очевидные достоинства:

- экономию материальных ресурсов и оперативность получения информации;
- значительную помощь судье и другим участникам уголовного судопроизводства в улучшении качества их работы, сокращении времени и сил, затраченных на реализацию прав и выполнение обязанностей²;
- автоматизацию функций аппарата суда;
- доступность для ознакомления с размещенными в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» материалами судебной практики (постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации; тематические обобщения практики и статистические данные судов субъек-

тов Российской Федерации; полнотекстовые судебные решения);

- техническую возможность аудиопроколирования судебных процессов (в т.ч. – по уголовным делам);

- возможность удаленного участия в судебном разбирательстве посредством виде-конференц-связи и веб-конференций.

Применение видео-конференц-связи в судебных процессах по уголовным делам позиционируется в решениях Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), принятых до 16.09.2022 (даты окончания участия РФ в European Convention of Human Rights – Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950³) и признанных Российской Федерацией.

В решении от 09.11.2006 по делу «Голубев против Российской Федерации» (жалоба № 26260/2) ЕСПЧ указал на то, что физическое присутствие обвиняемого в зале судебного заседания не является самоцелью (п. 4). ЕСПЧ принял во внимание обстоятельство, что осужденный В.В. Голубев не присутствовал лично на заседании Верховного Суда Российской Федерации, рассматривающего его дело в качестве апелляционной инстанции, но при этом не возражал против рассмотрения его дела с использованием видео-конференц-связи⁴.

ЕСПЧ признает участие в судебном заседании подсудимого посредством использования видео-конференц-связи равнозначным личному участию; и только если участие не обеспечено любым способом, судебное разбирательство является несправедливым. Такая позиция отражена в решении ЕСПЧ от 26.06.2012 по делу «Саид-Ахмед Зубайраев против России» (жалоба № 34654/04)⁵.

В УПК РФ предусмотрен широкий диапазон применения видео-конференц-связи на всех стадиях производства по уголовному делу, например, с ее использованием могут быть допрошены: свидетель и потерпевший (ч. 2 ст. 278¹, ч. 4 ст. 240, 277 УПК РФ); подсудимый, содержащийся под стражей, – по ходатайству любой из сторон

¹ О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 08.04.2020 № 82: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.2020 № 822. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 17.09.2022).

² О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в Риме 04.11.1950 (в ред. от 13.05.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Решение Европейского суда по правам человека от 09.11.2006 по делу «Голубев против Российской Федерации» (жалоба № 26260/2) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 12.

⁵ Решение Европейского суда по правам человека от 26.06.2012 по делу «Саид-Ахмед Зубайраев против России» (жалоба №34654/04) // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: genproc.gov.ru (дата обращения: 17.09.2022).

в исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 205–206, 208, ч. 4 ст. 211, ч. 1 ст. 212, ст. 275, 276, 279 и 281 Уголовного кодекса Российской Федерации¹, обвиняемый – при решении судом вопроса об изменении территориальной подсудности дела (ч. 6 ст. 35 УПК РФ); специалист, поскольку он допрашивается по правилам, установленным для допроса свидетеля, с разъяснением специалисту прав и ответственности, предусмотренных ст. 58 УПК РФ (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»²; подсудимый – при последнем слове (ст. 293 УПК РФ) и др.

Для обеспечения единства правового регулирования и согласованности норм УПК РФ представляется целесообразным дополнение данного кодекса нормами, устанавливающими возможность допроса при использовании видео-конференц-связи и эксперта. Подобного положения можно достичь посредством дополнения ст. 282 УПК РФ частью 4 в следующей редакции: «4. Суд, рассматривающий уголовное дело, при необходимости может вынести решение о проведении допроса эксперта путем использования систем видео-конференц-связи».

Дополнительно в целях устранения возможных разночтений и подходов в анализе судебной практики представляется оправданным принятие специализированного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященного применению информационных технологий в судебной деятельности, содержащего указание о допустимости применения в судебной деятельности и при осуществлении правосудия наряду с видео-конференц-связью веб-конференций.

Таким образом, участие в судебном разбирательстве уголовного дела при использовании видео-конференц-связи не только приемлемая, но и удобная, согласующаяся в оптимальном правовом режиме с принципами гласности, непосредственности и устности, мобильная, технически

несложная, а иногда и незаменимая форма этого участия.

С организационно-правовой точки зрения при применении видео-конференц-связи важно, чтобы оснащенность соответствующими техническими средствами была на должном уровне; обеспечивалась посредством применения IT-технологий конфиденциальность информации, имеющей статус охраняемой законом тайны (в обычном процессе подобное обеспечивается слушанием дела в закрытом режиме); при необходимости участникам процесса своевременно разъяснялись особенности и назначение применения видео-конференц-связи.

Представителями научного сообщества высказываются практические рекомендации и предложения по усовершенствованию процессуальных норм, регламентирующих вопросы использования видео-конференц-связи при осуществлении правосудия. В частности, авторы коллективной монографии «Электронное правосудие» отмечают, что в России ежедневно более 1500 дел рассматривается в режиме видео-конференц-связи, что предполагает законодательное урегулирование значительного числа технологических новаций, позволяющих модернизировать судебный процесс с целью повышения его эффективности. Авторы данной монографии обосновывают целесообразность реализации в рамках видео-конференц-связи технологий распознавая лиц, что позволит сторонам участвовать в процессе не только из суда по месту жительства или пребывания, но или, например, с рабочего места или из дома [10].

Принципиальная значимость вопросов, касающихся обеспечения законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях, а также обеспечения государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере, была обозначена в указе Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы»³.

Особую значимость приобретает порядок использования электронных документов в уголовном процессе.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

² О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51 // Российская газета. 2017. 29 декабря.

³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

Продуктом цифровизации и использования информационных технологий в любой области человеческой деятельности является электронный документ, представляющий собой, согласно п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», документированную информацию, представленную в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах¹.

Электронный документ обладает существенными преимуществами в сравнении с документом на бумажном носителе: он более компактен; удобен в хранении (ему не нужен сейф и архив в общепринятом понимании – помещение для хранения документов); мобилен; доступен (для работников суда) и в то же время экономичен; прост в оформлении.

Порядок использования электронного документа в уголовном судопроизводстве урегулирован в ст. 474¹ УПК РФ и в общих чертах сводится к следующему:

а) процессуальные обращения (заявления, жалобы, представления) могут быть поданы в суд в порядке и сроки, которые установлены УПК РФ, в форме электронного документа.

В настоящее время любое лицо имеет возможность через личный кабинет направить процессуальное обращение и прилагаемые документы в электронном виде и в таком же виде получить ответ либо вынесенный с его участием судебный акт.

Информация о слушании и движении судебных дел и документов размещается в сети Интернет.

В результате цифровая модернизация правосудия способствует его доступности, преодолению волокиты и бюрократизма, затягивания сроков рассмотрения уголовных дел [11, с. 54];

б) электронный документ может быть подписан лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

в) материалы, приложенные к процессуальному обращению, также подаются в форме электронных документов;

г) электронные документы, изготовленные иными лицами, органами, организациями в свободной форме или форме, установленной для этих документов законодательством России, должны быть подписаны ими электронной подписью;

д) судебное решение, за исключением решений, перечисленных в ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ, может быть изготовлено в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью, коллегиальное решение подписывается всеми судьями;

е) при изготовлении судебного решения в форме электронного документа дополнительно изготавливается экземпляр судебного решения на бумажном носителе.

ж) копия судебного решения, изготовленная в форме электронного документа, заверенная усиленной квалифицированной электронной подписью, по просьбе либо с согласия участника уголовного судопроизводства может быть направлена ему с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Обновленный порядок подачи документов в суд не создает никаких трудностей в процессе производства по уголовным делам, поскольку позволяет осуществлять максимальную идентификацию пользователя, а также гарантировать подлинность обрабатываемой информации.

Признавая значимость электронных систем в судопроизводстве и правосудии, не следует забывать, что даже самые совершенные системы, основанные на новейших достижениях науки и техники, не в состоянии полностью заменить «живое» человеческое общение. В уголовном судопроизводстве этот аспект наиболее значим при принятии процессуальных решений. Так, согласно ч. 1 ст. 171 УПК РФ, при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Для оценки фактора достаточности доказательств в подобной ситуации необходимы знания в области права, профессиональный опыт следователя и основанная на них убежденность в правильности, а главное – законности принимаемого решения. Последняя не может быть «просчитана» электронной системой на основе заложенных в ее память информационных данных (доказательств) посредством заданного алгоритма.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ч. I. Ст. 3448.

Аналогичная ситуация складывается, когда речь идет об оценке доказательств. Согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Положения нормативных правовых актов можно заложить в память электронной машины, а вот долг, совесть, ответственность, гуманность – нет, поскольку они представляют собой феномен индивидуального сознания.

Разумно предположить, что создать алгоритм принятия решения техническим способом при включении в программу требования о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, также невозможно.

Не следует забывать об этических аспектах использования цифровых технологий в правосудии по уголовным делам.

Применение искусственного интеллекта и проникновение информационных (цифровых) технологий в различные сферы жизнедеятельности человека, в том числе в область правосудия, обозначили проблему констатации определенных нравственно-этических установок универсального характера – принципов, касающихся использования обозначенного интеллекта.

Европейская комиссия по эффективности правосудия (СЕРЕЖ) Совета Европы утвердила документ, именуемый *«Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающей среде»*, который стал настоящим прорывом в области формирования нормативной основы, методологических и технологических рекомендаций в области применения методов искусственного интеллекта (ИИ) в правосудии.

СЕРЕЖ отметил, что использование ИИ в судебной деятельности призвано повысить эффективность и качество правосудия, а также обозначил следующие принципы обращения с ресурсами и юнитами ИИ:

Принцип уважения основных прав, означающий баланс соответствия и использования инструментов и услуг искусственного интеллекта с основополагающими правами и свободами человека, является стержневой установкой также и Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28.01.1981 № 108¹.

Принцип недискриминации: предотвращение дискриминации между отдельными лицами или группами лиц.

Принцип качества и безопасности, означающий использование для обработки судебных решений сертифицированных источников в безопасной технологической среде с привлечением судей.

Принцип прозрачности, беспристрастности и справедливости, означающий доступность методов обработки данных, а также возможности для властей или независимых экспертов проводить внешние проверки.

Принцип «под контролем пользователя», гарантирующий судье возможность в любое время вернуться к судебным решениям и данным, которые были использованы для получения итогового результата, и иметь возможность их изменить.

Обсуждение и заключение

Применение цифровых технологий в уголовном судопроизводстве и правосудии по уголовным делам олицетворяет собой знаковое правовое и социальное явление, не умаляющее роли человеческого фактора, но при этом обеспечивающее доступность, оперативность, эффективность правоохранительной и судебной деятельности при наименьших затратах.

Цифровое правосудие в условиях информационного общества обеспечивает доступность правосудия как особого вида государственной деятельности на всех стадиях производства по уголовному делу, в том числе на стадии предварительного расследования и после вступления приговора в законную силу.

Применение цифровых технологий в правосудии по уголовным делам должно соответствовать требованию защиты в должном организационно-правовом правовом режиме прав и законных интересов, безопасности участников процесса, особое внимание должно уделяться сохранению конфиденциальности персональных данных.

Инициирование судебного рассмотрения дела с использованием видео-конференц-связи и веб-конференций, посредством подачи соответствующего ходатайства участниками процесса ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться в качестве препятствия принятия судом решения о рассмотрении дела в обычном режиме. Участие в судебном разбирательстве уголовного дела при использовании

¹ Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных. Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 5. Ст. 419.

видео-конференц-связи не только приемлемая, но и удобная, согласующаяся в оптимальном правовом режиме с принципами, гласности, непосредственности и устности мобильная, технически несложная, а иногда и незаменимая форма, особенно когда обеспечено безопасное (исключающее несанкционированное вмешательство извне) устойчивое функционирование сервиса [12].

Перспективным направлением преобразования и дальнейшей модернизации применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве может быть признано повышение уровня технического оснащения следственных и судебных органов, а также внесение необходимых дополнений в законодательство при уточнении их правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашанин А.В., Козырева А.Б., Курносова Н.А., Малов Д.В. Информационные технологии в правосудии: Состояние и перспективы: России мир / ред. Кашанин А.В. Москва: Центр развития современного права, 2020. 80 с.
2. Бурдина Е.В. Научные теории о суде и судебной деятельности как ответ на современные вызовы // Новеллы Конституции о судах и прокуратуре: задачи юридической науки: материалы междунаучно-практ. конф. (Москва, 27 ноября 2020 г.). Москва: РГ-Пресс, 2021. С. 8–18;
3. Бурдина Е.В. Трансформация судебных институтов в цифровую эпоху // Юридическая наука и практика в условиях современных вызовов: материалы междунаучно-практ. конф. (Нижний Новгород, 25 – 26 ноября 2021 г.). Нижний Новгород: Русайнс, 2021. С. 39–50;
4. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 218. 420 с.
5. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник университета им О.Е. Кутафина (МГЮА). № 12. С. 97 – 98.
6. Свиринов Ю.А. Электронное правосудие: теоретико-правовые проблемы // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 1. С. 16–20.
7. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Санкт-Петербург, 2018. 251 с.
8. Цыреторов А.И. Использование цифровых электронных технологий в досудебном уголовном судопроизводстве России // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2021. № 5. С. 92 – 98.
9. Долгополов К.А., Иванов С.А. Цифровизация уголовного правосудия: проблемы и перспективы // International law journal. 2022. Т. 5. № 3. С. 31 – 37.
10. Электронное правосудие / коллектив авторов; под ред. Е.В. Бурдиной, В.С. Зуева. Москва: РГУП, 2021. 344 с.
11. Авраменко А.О. Доступность как принцип правосудия. Цифровая модернизация правосудия // Ученые записки ТОГУ. 2021. № 2. С. 54 – 59.
12. Апостолова Н.Н. Цифровое правосудие // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 130 – 135.

REFERENCES

1. Kashanin A.V., Kozyreva A.B., Kurnosova N.A., Malov D.V. Informacionnye tehnologii v pravosudii: Sostoyanie i perspektivy: Rossii mir / red. Kashanin A.V. Moskva: Centr razvitiya sovremennogo prava, 2020. 80 s.
2. Burdina E.V. Nauchnye teorii o sude i sudebnoj deyatel'nosti kak otvet na sovremennye vyzovy // Novelly Konstitucii o sudah i prokurature: zadachi yuridicheskoy nauki: materialy mezhdun. nauchno-prakt. konf. (Moskva, 27 noyabrya 2020 g.). Moskva: RG-Press, 2021. S. 8–18;
3. Burdina E.V. Transformaciya sudebnyh institutov v cifrovuyu epohu // Yuridicheskaya nauka i praktika v usloviyah sovremennyh vyzovov: materialy mezhd. nauchno-prakt. konf. (Nizhnij Novgorod, 25 – 26 noyabrya 2021 g.). Nizhnij Novgorod: Rusajns, 2021. S. 39–50;
4. Morhat P.M. Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra. yurid. nauk: 12.00.03. Moskva, 218. 420 s.
5. Bryanceva O.V., Soldatkina O.L. Elektronnoe pravosudie v Rossii: problemy i puti resheniya // Vestnik universiteta im O.E. Kutafina (MGYuA). № 12. S. 97 – 98.

6. Svirin Yu.A. Elektronnoe pravosudie: teoretiko-pravovye problemy // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2021. № 1. S. 16–20.
7. Vasilkova S.V. Elektronnoe pravosudie v civilisticheskom processe: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.15. Sankt-Peterburg, 2018. 251 s.
8. Cyretorov A.I. Ispolzovanie cifrovyh elektronnyh tehnologij v dosudebnom ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Vestnik Universiteta prokuratury RF. 2021. № 5. S. 92 – 98.
9. Dolgopolov K.A., Ivanov S.A. Cifrovizaciya ugolovnogo pravosudiya: problemy i perspektivy // International law journal. 2022. T. 5. № 3. S. 31 – 37.
10. Elektronnoe pravosudie / kollektiv avtorov; pod red. E.V. Burdinoj, V.S. Zueva. Moskva: RGUP, 2021. 344 s.
11. Avramenko A.O. Dostupnost kak princip pravosudiya. Cifrovaya modernizaciya pravosudiya // Uchenye zapiski TOGU. 2021. № 2. S. 54 – 59.
12. Apostolova N.N. Cifrovoe pravosudie // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. 2022. № 1. S. 130 – 135.

Информация об авторах:

Гришина Екатерина Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, Grishina.K.ru@yandex.ru

Тасаков Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета имени Н.И. Ульянова, tasakov@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Grishina Ekaterina P., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice, Grishina.K.ru@yandex.ru

Tasakov Sergey V., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of N.I. Ulyanov Chuvash State University, tasakov@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Гришина Екатерина Павловна – проведение концептуально-правового анализа современных проблем перехода правосудия на цифровую платформу, разработка рекомендаций по оптимизации данного процесса.

Тасаков Сергей Владимирович – анализ процесса применения цифровых технологий в правосудии по уголовным делам, обоснование перспектив создания организационно-правового режима защиты прав и законных интересов, обеспечения безопасности участников процесса, а также сохранения конфиденциальности персональных данных.

Статья получена: 19.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.37
DOI: 10.37973/KUI.2022.10.11.011

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Марина Александровна Ефремова,
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Казань, Россия, crimlaw16@gmail.com

Аннотация

Введение: статья посвящена проблемам уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. С 1 января 2018 г. вступила в силу ст. 274¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), которая устанавливает уголовную ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. В это же время вступил в силу Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Проблема реализации положений данных законодательных актов является недостаточно исследованной и все еще нуждается в теоретическом осмыслении.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составила совокупность философских, общенаучных и частнонаучных методов научного познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, формально-логический и структурно-функциональный методы. В качестве материалов исследования выступили нормы уголовного законодательства, нормы иных отраслей права, материалы судебно-следственной практики, а также труды отечественных ученых, посвященные проблемам уголовной ответственности за неправомерное воздействие на объекты критической информационной инфраструктуры.

Результаты исследования: в статье рассматриваются объективные и субъективные признаки неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру. Автор приходит к выводу, что ст. 274¹ УК РФ не лишена ряда серьезных недостатков, которые порождают ряд проблем при ее правоприменении. Обозначенные в статье дефекты законодательной техники нуждаются в исправлении.

Обсуждение и заключение: обосновывается, что неопределенность нормативных предписаний, закрепленных в ст. 274¹ УК РФ, снижает эффективность ее применения.

Ключевые слова: информация; безопасность; информационная безопасность; уголовное право; информационное право; критически важная информационная инфраструктура; объекты критически важной информационной инфраструктуры; борьба с преступностью; отрасль права; уголовный кодекс; информационное общество; преступления против общественной безопасности; криминализация; киберпреступность; кибертерроризм

© Ефремова М.А., 2022

Для цитирования: Ефремова М.А. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 86 – 92. DOI: 10.37973/KUI.2022.10.11.011

Scientific article
UDC 343.37
DOI: 10.37973/KUI.2022.10.11.011

**CRIMINAL LIABILITY FOR UNLAWFUL IMPACT
ON THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Marina Aleksandrovna Efremova,
Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russia,
crimlaw16@gmail.com

Abstract

Introduction: the article is devoted to criminal protection of the critical information infrastructure of the Russian Federation. On January 1, 2018, Article 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation entered into force. This establishes criminal liability for unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation. At the same time, Federal Law No. 187-FZ dated 26.07.2017 "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" began its operation. The challenge of implementation the provisions of these legislative acts is insufficiently researched and still needs theoretical understanding.

Materials and Methods: the author used philosophical, general scientific and specific scientific methods of scientific cognition: analysis and synthesis, induction and deduction, logical and structural-functional methods. The research materials were the norms of criminal legislation, norms of other branches of law, materials of judicial and investigative practice, as well as the works of domestic scientists devoted to the issues of criminal liability for unlawful impact on critical information infrastructure objects.

Results: the article examined objective and subjective signs of undue influence on the critical information infrastructure. The author came to the conclusion that Article 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation has serious flaws that are rise to a number of enforcement challenges. The defects of legislative technique outlined in the article need to be corrected.

Discussion and Conclusions: it is substantiated that the uncertainty of the regulatory requirements enshrined in Article 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation reduces the effectiveness of its application.

Keywords: information; security; information security; criminal law; information law; critical information infrastructure; objects of critical information infrastructure; fight against crime; branch of law; criminal code; information society; crimes against public security; criminalization; cybercrime; cyberterrorism

© Efremova M.A., 2022

For citation: Efremova M.A. Criminal Liability for Unlawful Impact on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 86 – 92. DOI: 10.37973/KUI.2022.10.11.011

Введение

В условиях перехода к цифровой экономике существенное влияние на развитие различных отраслей отказывают информационные технологии. Их внедрение позволяет минимизировать затраты при производстве, одновременно увеличив его объем. Вместе с тем большинство таких технологий, внедренных в отрасли российской экономики, основано на зарубежных разработках, что позволяет говорить об их уязвимости. Особую обеспокоенность вызывает их использование на объектах критической информационной инфраструктуры (далее по тексту – КИИ). В целях обе-

спечения устойчивого функционирования КИИ законодателем был предпринят целый ряд мер.

Для обеспечения устойчивого функционирования КИИ и противодействия компьютерным атакам в отношении нее 26.07.2017 был принят Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹. Закон раскрывает понятие КИИ и определяет ее как «объекты КИИ, а также сетей электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов». Таким образом, законодательно КИИ определяется через объекты: «информационные систе-

1 О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ // Российская газета. 2017. 31 июля.

мы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов КИИ». Подобные объекты активно используются в различных сферах: здравоохранении, науке, транспорте, связи, кредитно-финансовой сфере, области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности. Особая значимость объектов КИИ заключается в том, что в случае нарушения их устойчивого и бесперебойного функционирования могут наступить тяжкие последствия. Как отмечается в пояснительной записке к законопроекту «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹, компьютерная атака способна полностью парализовать КИИ государства и вызвать социальную, финансовую и (или) экологическую катастрофу.

Для противодействия таким противоправным деяниям Федеральным законом от 26.07.2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»² Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 274¹ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации». Анализируемая статья была включена в главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Несмотря на то, что с момента включения в УК РФ ст. 274¹ прошло уже несколько лет и начала формироваться судебная практика, ее применение вызывает некоторые сложности, а соответствующие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации пока отсутствуют. Указанные обстоятельства обусловили выбор тематики исследования.

Обзор литературы

Исследованием проблем уголовной ответственности за неправомерное воздействие на КИИ занимались И.Р. Бегишев, И.И. Бикеев, С.Д. Бражник, Р.И. Дремлюга, К.Н. Евдокимов, Е.А. Рускевич, Ю.В. Трунцевский, И.Г. Чекунов. Ученые солидарны во мнении, что законодательная конструкция ст. 274¹ имеет ряд существенных недостатков.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составила совокупность философских, общенаучных и частнонаучных методов научного познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, формально-логический и структурно-функциональный методы. Выбор приведенной методологической базы позволил всесторонне изучить вопросы, относящиеся к предмету исследования и сформулировать авторские выводы и предложения. В качестве материалов исследования выступили нормы уголовного законодательства, нормы иных отраслей права, материалы судебно-следственной практики, а также труды отечественных ученых, посвященные проблемам уголовной ответственности за неправомерное воздействие на КИИ.

Результаты исследования

Конструкция ст. 274¹ УК РФ имеет сложную структуру, так как объединяет «несколько составов преступлений, уже известных уголовному закону», зачастую такой прием законодательной техники присущ «способу описания квалифицирующих признаков, но не самостоятельной норме» [1, с. 157]. В статье предусмотрена уголовная ответственность за три противоправные формы посягательства на объекты КИИ: неправомерный доступ; создание и распространение вредоносного программного обеспечения; нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. Как отмечает Е.А. Рускевич, такой подход к конструированию ст. 274¹ УК РФ «противоречит отечественным традициям криминализации и использования юридической техники при описании уголовно-правовых норм» [2, с. 139].

Если непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 272-274 УК РФ, являются общественные отношения по поводу обеспечения целостности и сохранности компьютерной информации, а также безопасного функционирования и использования информационных технологий, то непосредственный объект анализируемого преступления будет иным. В связи с тем, что объекты КИИ функционируют в различных сферах, в научной литературе высказываются различные подходы к определению непосредственного объекта данного посягательства. В частности, К.Н. Евдокимов под таковым понимает «охраняемые законом права и интересы собственников (владельцев) компьютерной

¹ Пояснительная записка к законопроекту «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47571-7> (дата обращения 21.10.2022).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ // Российская газета. 2017. 31 июля.

информации» в сфере ее безопасного обращения, а также безопасного функционирования соответствующих технических устройств, относящихся к КИИ РФ [3, с. 306-307]. По мнению Р.И. Дремлюги, объектом преступления, предусмотренного ст. 274¹ УК РФ, являются «общественные отношения в сфере цифровой экономики и информационного общества по поводу безопасности объектов информационной инфраструктуры, имеющих критическое значение» [4, с. 136]. Представляется, что объектом анализируемого преступления выступают отношения, обеспечивающие безопасность КИИ как совокупности объектов, имеющих особую значимость. Такое понимание объекта данного преступления вытекает из положений Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», где предусмотрено категорирование объектов КИИ в зависимости от их значимости и определен порядок их учета. Хотя и значимость того или иного объекта КИИ не указана в ст. 274¹ УК РФ в качестве квалифицирующего признака, она может быть учтена при оценке последствий, причиненных преступлением.

Предметом рассматриваемого преступления могут выступать как компьютерная информация, содержащаяся в КИИ, так и средства хранения, обработки или передачи такой информации, информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, сети электросвязи, если они отнесены к КИИ РФ.

Ч. 1 ст. 274¹ УК РФ предусматривает ответственность за создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на КИИ РФ. Указание законодателя на заведомое предназначение таких программ порождает вопрос о квалификации использования уже существующей вредоносной программы, предназначенной для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации при воздействии на КИИ. Законодатель не уточняет, в чем заключается принципиальное отличие таких программ. Однако, как свидетельствует анализ немногочисленной судебной практики, виновные используют вредоносное программное обеспечение, которое создано

для иных неправомерных целей, но используют его для воздействия на объекты КИИ. Так как состав по конструкции формальный, то преступление следует считать оконченным с момента создания, распространения и (или) использования таких программ, независимо от наступивших последствий.

Ч. 2 ст. 274¹ УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в КИИ РФ, если это деяние повлекло наступление последствий в виде причинения вреда. Таким образом, состав сконструирован как материальный. Ю.В. Трунцевский справедливо замечает, что отсутствие указание на размер тяжести причиненного вреда позволяет судам трактовать его довольно широко [5, с. 103]. Как указал Верховный Суд Российской Федерации в официальном отзыве на проект Федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 15.05.2015 № 3-ВС-2996/15¹, вызывает некоторые опасения, что в диспозиции для определения общественно опасных последствий используются признаки только субъектно-оценочного характера. Результаты изучения материалов судебной практики дают основание утверждать, что такие опасения не напрасны. Иногда суды и вовсе игнорируют упоминание характера причиненного вреда, ограничиваясь в приговоре лишь общими формулировками. Такая широкая трактовка вреда позволяет любой акт неправомерного доступа к информации, содержащейся в КИИ, рассматривать как противоправный. Представляется, что применительно к анализируемой норме необходимо вести речь о вреде материальном, так как причинение критической информационной инфраструктуре вреда физического должно квалифицироваться по нормам главы 21 УК РФ «Преступления против собственности».

С субъективной стороны преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 274¹ УК РФ, характеризуется только прямым умыслом, а субъективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 274¹ УК РФ, может составлять не только прямой, но и косвенный умысел.

Субъект данных преступлений – общий, то есть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

¹ Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект Федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 15.05.2015 № 3-ВС-2996/15. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.10.2022).

В ч. 3 ст. 274¹ УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в ней, или информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления, сетей электросвязи, относящихся к КИИ РФ, если таковое повлекло причинение вреда КИИ РФ. В Федеральном законе от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» данные правила не содержатся. Вместо этого законодатель использует термин «требования по обеспечению безопасности значимых объектов КИИ», полномочия по установлению которых возложены на Федеральную службу по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК). Приказ ФСТЭК России от 21.12.2017 № 235 «Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования»¹ определяет требования и к организационно-распорядительным документам по безопасности значимых объектов. Эти документы должны содержать: цели и задачи обеспечения безопасности значимых объектов КИИ, перечень основных организационно-технических мероприятий, сведения о системе безопасности, а также правила работы работников субъекта КИИ на значимых объектах КИИ, действия работников субъекта КИИ при возникновении компьютерных инцидентов и иных нештатных ситуаций. Организационно-распорядительные документы по безопасности значимых объектов утверждаются руководителем субъекта КИИ и доводятся до сведения соответствующих работников.

Таким образом, в Федеральном законе говорится об «обязанности соблюдать требования», а уголовная ответственность устанавливается за «нарушение правил», которые устанавливаются субъектом КИИ с учетом особенностей его деятельности. Следовательно, каждый субъект КИИ разработает такой документ, который может существенно отличаться от аналогичного документа другого субъекта КИИ по целому ряду оснований, например, из-за того, что в одном случае субъектом КИИ выступает государственный орган, а в другом – индивидуальный предприниматель. Правоприменителю каждый раз необ-

ходимо обращаться к такому документу, чтобы установить правовые основания по соблюдению этих правил у конкретного лица.

Дискуссионным в настоящее время является вопрос относительно субъективных признаков преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 274¹ УК РФ. Так, характеризуя субъективную сторону данного преступления, Ю.В. Трунцевский отмечает, что она может быть выражена как форме умысла, так и неосторожности [5, с. 105]. Схожую позицию занимает и Р.И. Дремлюга [4, с. 143]. По мнению Р.Р. Гайфутдинова, использование признака «нарушение правил» присуще для законодательного описания деяний с неосторожной формой вины [6, с. 124], следовательно, субъективная сторона деяния, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 274¹ УК РФ, может характеризоваться исключительно неосторожной формой вины. Действительно, конструкция состава анализируемого преступления предполагает неосторожную форму вины, поэтому законодателю следовало бы указать форму вины непосредственно в диспозиции. Дискуссия относительно формы вины во многом обусловила споры об определении субъекта данного преступления. Есть мнение, что он может быть как общим, так и специальным [2, с. 143]. Р.Р. Гайфутдинов полагает, что субъект преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 274¹ УК РФ, только специальный – «лицо, обладающее знаниями определенных правил эксплуатации и правил доступа» [6, с. 129]. Соглашаясь с приведенной позицией, отметим, что лицо не просто должно обладать соответствующими знаниями, на него должна быть возложена обязанность по соблюдению таких правил.

К числу квалифицирующих признаков неправомерного воздействия на КИИ законодатель относит совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения (ч. 4 ст. 274¹ УК РФ), наступление тяжких последствий (ч. 5 ст. 274¹ УК РФ).

Как мы уже отмечали ранее, эти последствия могут наступить в любой сфере, так как и сами объекты КИИ делятся на категории, исходя из их значимости для той или иной сферы. В пояснительной записке к законопроекту «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» отмечается, что эти последствия могут быть «катастрофическими». С учетом того что КИИ

¹ Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования: приказ ФСТЭК России от 21.12.2017 № 235. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.10.2022).

является связующим звеном между другими секторами национальной инфраструктуры, причинение вреда ей нанесет ущерб и этим секторам. Таким образом, тяжкие последствия могут выражаться в выходе из строя объектов жизнеобеспечения, объектов оборонного комплекса, что, в свою очередь, может вызвать причинение существенного имущественного ущерба, массовую гибель людей.

До включения в УК РФ ст. 274¹ в специальной литературе отмечалось, что при совершении преступления в сфере компьютерной информации, посягающего на безопасность КИИ страны, действия злоумышленника должны квалифицироваться по совокупности с террористическим актом [7, с. 82]. По мнению И.Р. Бегишева, атаки на критически важные объекты информационной инфраструктуры Российской Федерации являются проявлением кибертерроризма [8, с. 9]. Следует поддержать Е.А. Русскевича и И.Г. Чекунова в том, что неправомерное воздействие на информа-

ционные ресурсы объектов транспорта, оборонной, атомной, ракетно-космической, химической промышленности и др. в зависимости от обстоятельств дела должно быть дополнительно квалифицировано по ст. 205, 281, 275 и другим статьям УК РФ [9, с. 34].

Обсуждение и заключение

Подводя итоги исследованию, следует отметить, что ст. 274¹ УК РФ является специальной по отношению к ст. 272-274 УК РФ. Представляется, что дифференцировать ответственность за посягательства в отношении объектов КИИ можно было бы и в рамках этих статей путем включения в них соответствующих квалифицирующих признаков. Однако законодатель пошел по иному пути. Проведенный анализ позволил нам выявить ряд упущений законодателя при конструировании ст. 274¹ УК РФ, которые могут привести к ошибкам в правоприменительной деятельности. Полагаем, что законодателю следовало бы провести «работу над ошибками» для их устранения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комаров А.А. Отдельное мнение относительно законопроекта «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 3. С. 155-156.
2. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. Москва: ИНФРА-М, 2019. 300 с.
3. Евдокимов К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2021. 557 с.
4. Дремлюга Р.И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение. Москва: Юрилитинформ, 2022. 328 с.
5. Трунцевский Ю.В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельцев и эксплуатантов // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 99-106.
6. Гайфутдинов Р.Р. Квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации. Москва: Юрилитинформ, 2019. 200 с.
7. Противодействие киберпреступности в аспекте обеспечения национальной безопасности: монография / [П.В. Агапов и др.]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. Москва, 2014. 136 с.
8. Бегишев И.Р. Проблемы противодействия преступным посягательствам на информационные системы критически важных и потенциально опасных объектов // Информационная безопасность регионов. 2010. № 1. С. 9-13.
9. Русскевич Е.А., Чекунов И.Г. Квалификация неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Уголовное право. 2022. № 5. С. 26-35.

REFERENCES

1. Komarov A.A. Otdel'noe mnenie otnositel'no zakonoproekta «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O bezopasnosti kriticheskoy informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii» // Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta. 2017. № 3. S. 155-156.
2. Russkevich E.A. Ugolovnoe pravo i «cifrovaya prestupnost'»: problemy i resheniya. Moskva: INFRA-M, 2019. 300 s.

3. Evdokimov K.N. Protivodejstvie komp'yuternoj prestupnosti: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2021. 557 s.
4. Dremlyuga R.I. Ugolovno-pravovaya ohrana cifrovoj ekonomiki i informacionnogo obshchestva ot kiberprestupnyh posyagatel'stv: doktrina, zakon, pravoprimenenie. Moskva: YUrlitinform, 2022. 328 s.
5. Truncevskij YU.V. Nepravomernoe vozdejstvie na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu: ugolovnaya otvetstvennost' ee vladel'cev i ekspluatantov // ZHurnal rossijskogo prava. 2019. № 5. С. 99-106.
6. Gajfutdinov R.R. Kvalifikaciya prestuplenij protiv bezopasnosti komp'yuternoj informacii. Moskva: YUrlitinform, 2019. 200 s.
7. Protivodejstvie kiberprestupnosti v aspekte obespecheniya nacional'noj bezopasnosti: monografiya / [P.V. Agapov i dr.]; Akad. Gen. prokuratury Ros. Federacii. Moskva, 2014. 136 s.
8. Begishev I.R. Problemy protivodejstviya prestupnym posyagatel'stvam na informacionnye sistemy kriticheski vazhnyh i potencial'no opasnyh ob"ektov // Informacionnaya bezopasnost' regionov. 2010. № 1. S. 9-13.
9. Russkevich E.A., CHEkunov I.G. Kvalifikaciya nepravomernogo vozdejstviya na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu Rossijskoj Federacii // Ugolovnoe pravo. 2022. № 5. S. 26-35.

Информация об авторе:

Ефремова Марина Александровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, crimlaw16@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Efremova Marina A., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines Kazan Branch of the Russian State University of Justice, crimlaw16@gmail.com

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 15.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

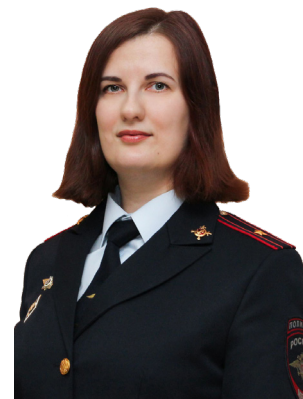
Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2022.55.63.012

**ПРЕТЕКСТИНГ КАК ПРИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ ТЕЛЕФОННЫМИ МОШЕННИКАМИ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ**

Елена Владимировна Зотина,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
ezotina@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются криминологические особенности использования преступниками, совершающими мошеннические действия с использованием средств сотовой связи, претекстинга как приема социальной инженерии.

Материалы и методы: эмпирическую основу исследования составили «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 – 2024 годов», современные научные публикации по проблемам социальной инженерии, официальные сведения МВД по Республике Татарстан о фактах совершения телефонного мошенничества в 2022 году, а также данные проведенного автором социологического опроса. Методология исследования представлена совокупностью общенаучных, частнонаучных и специальных юридических методов, среди которых системно-структурный, логический, конкретно-социологический, лингвистический методы.

Результаты исследования: рассмотрены криминологические аспекты претекстинга, причины, условия его использования, приведены типичные схемы реализации претекстинга в результате совершения телефонного мошенничества, некоторые особенности криминологической характеристики личности преступника. Особое внимание уделено необходимости виктимологической профилактики претекстинга в отношении лиц пенсионного возраста как социально незащищенных граждан и наиболее уязвимой категории населения.

Обсуждение и заключение: автор статьи приходит к выводу, что претекстинг как прием социальной инженерии нуждается в комплексном криминологическом описании с позиций криминологии, социологии, психологии, коммуникативной лингвистики; предлагает возможные направления виктимологической профилактики телефонного мошенничества, совершаемого посредством претекстинга.

Ключевые слова: претекстинг; социальная инженерия; телефонный мошенник; криминологические особенности; виктимологическая профилактика телефонного мошенничества

© Зотина Е.В., 2022

Для цитирования: Зотина Е.В. Претекстинг как прием социальной инженерии, используемый телефонными мошенниками: криминологический взгляд на проблему // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 93 – 99. DOI: 10.37973/KUI.2022.55.63.012

Scientific article
UDC 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2022.55.63.012

**PRETEXTING AS A SOCIAL ENGINEERING TECHNIQUE
USED BY TELEPHONE SCAMMERS: A CRIMINOLOGICAL VIEW OF THE PROBLEM**

Yelena Vladimirovna Zotina,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia, ezotina@mail.ru

Abstract

Introduction: the article discusses the criminological features of the use of pretexting as a social engineering technique by criminals who commit fraudulent actions using cellular communications.

Materials and Methods: the empirical basis of the study were "The main directions of development of the financial market of the Russian Federation for 2022 and the period 2023-2024", modern scientific publications on social engineering, official information of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan on the facts of telephone fraud in 2022, as well as data from a sociological survey conducted by the author. The research methodology was represented by a set of general scientific, special scientific and special legal research methods, including system-structural, logical, concrete sociological, linguistic methods.

Results: the criminological aspects of pretexting, the reasons, the conditions of its use were considered, typical schemes for the implementation of pretexting as a result of telephone fraud, some features of the criminological characteristics of the criminal's personality were given. Special attention was paid to the need for victimological prevention of pretexting in relation to persons of retirement age as socially unprotected citizens and the most vulnerable category of the population.

Discussion and Conclusions: the author of the article comes to the conclusion that pretexting as a technique of social engineering needs a comprehensive criminological description from the standpoint of criminology, sociology, psychology, communicative linguistics; suggests measures of victimological prevention of telephone fraud committed through pretexting.

Keywords: pretexting; social engineering; telephone fraudster; criminological features; victimological prevention of telephone fraud

© Zotina E.V., 2022

For citation: Zotina E.V. Pretexting as a Social Engineering Technique Used by Telephone Scammers: a Criminological View of the Problem // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 93 – 99. DOI: 10.37973/KUI.2022.55.63.012

Введение

В настоящее время увеличивается количество мошенничеств, совершаемых посредством использования средств сотовой связи. Мошенничество по телефону становится одним из наиболее простых способов получения несанкционированного доступа к банковской информации граждан.

Согласно данным социологического опроса, проведенного ВЦИОМ России, в первом полугодии 2022 года с телефонным мошенничеством сталкивались большинство россиян – 83% (+7 п.п. к 2021 г.), из них 63% (+6 п.п. к 2021 г.) указали, что им поступали звонки, а 20% получили СМС-сообщения¹. В 2021 году Россия, по

оценке Сбербанка, оказалась в лидерах по телефонному мошенничеству, и ситуация приобрела характер национального бедствия. Станислав Кузнецов, заместитель председателя Сбербанка России, пояснил, что кибермошенники совершают около ста тысяч звонков в день. Девять из десяти владельцев мобильных телефонов сталкивались с мошенниками, а каждый десятый звонок российскому абоненту поступает от преступников². По оценке МВД России, ущерб от телефонного мошенничества в 2021 году составил 45 млрд рублей³.

В большинстве случаев при совершении преступных посягательств телефонные мошенники

¹ Аналитический обзор ВЦИОМ России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshenichestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (дата обращения: 01.12.2022).

² Эксперт назвал телефонное мошенничество национальным бедствием // Российская газета. 2021. 7 июля.

³ Ущерб от телефонного мошенничества с начала года в России составил 45 млрд рублей. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13194049> (дата обращения: 02.12.2022).

используют такой прием социальной инженерии, как претекстинг, то есть действия по заранее подготовленному сценарию (претексту).

Несмотря на серьезные меры, направленные на повышение информационной грамотности граждан в области противодействия телефонному мошенничеству и предпринимаемые государственными, общественными, финансово-кредитными организациями, проблема продолжает оставаться крайне серьезной и требует дальнейшего научно-теоретического криминологического изучения и выработки действенных мер виктимологической профилактики, способствующих минимизации данного негативного явления.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили стратегический документ, подготовленный Банком России во взаимодействии с Правительством Российской Федерации «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 – 2024 годов», современные научные публикации по проблемам социальной инженерии, официальные сведения МВД по Республике Татарстан о фактах совершения телефонного мошенничества в 2022 году, а также данные проведенного автором социологического опроса лиц, пострадавших от мошеннических действий по телефону. Методология исследования представлена совокупностью общенаучных, частнонаучных и специальных юридических методов исследования, среди которых системно-структурный, логический, конкретно-социологический, лингвистический методы.

Обзор литературы

Понятие социальной инженерии раскрыто в «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 – 2024 годов». Это введение в заблуждение путем обмана или злоупотребления доверием для получения несанкционированного доступа к информации, электронным средствам платежа или побуждения владельцев совершить перевод денежных средств с целью их хищения¹.

В ходе исследования изучены труды отечественных юристов, криминологов, психологов О.П. Грибунова, М.В. Старчикова, М.В. Кузнецова [1, 2], отдельные криминологические аспекты социальной инженерии рассмотрены в коллективной монографии «Проблемы социальной инженерии, информационной и кибер-

безопасности» (Москва, 2021) [3]. В новейших публикациях по проблемам использования социальной инженерии в рамках совершения дистанционных мошенничеств преимущественно рассматриваются криминалистические особенности, механизм расследования киберпреступлений [4, 5, 6]. Деструктивное влияние мошеннических схем на экономическую безопасность описано в исследовании Л.В. Саниной и др. [7]. Виктимологическим аспектам профилактики кибермошенничества посвящена статья С.А. Стяжиной [8]. Отсутствие значительного количества фундаментальных монографических исследований, раскрывающих криминологические особенности использования методов и приемов социальной инженерии, в частности претекстинга, свидетельствует о недостаточной научной проработанности проблемы. Кроме того, сами наименования основных приемов социальной инженерии (претекстинг, фишинг (вишинг), «квид про кво», «Троянский конь», «дорожное яблоко») являются весьма условными и сленговыми, требуют легального закрепления и устоявшегося употребления, в том числе и в следственно-судебной практике, на что обращают внимание А.Ю. Головин, Е.В. Головина: «Изучение материалов уголовных дел показывает, что следственная практика нуждается в единой терминологии для описания используемых преступниками приемов социальной инженерии. По факту такие примеры называются в следственно-судебной практике по-разному, например, в процессуальных документах встречается формулировка «психологические приемы и методы наступательной тактики общения»» [4, с. 6].

Результаты исследования

Претекстинг – это мошенническая схема, основанная на методах социальной инженерии². Иными словами, это вид мошеннических действий, совершаемых, как правило, посредством средств сотовой связи, когда преступник обрабатывает заранее подготовленный текст (сценарий), целью которого является совершение потенциальной жертвой определенных действий либо получение конфиденциальной информации, необходимых для хищения денежных средств гражданина. Существует также термин «вишинг» (от английского vishing, Voice phishing). Это еще одна устная разновидность мошенничества, при которой преступники, используя телефонную коммуникацию, стимулируют людей к выдаче

¹ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 – 2024 годов. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.12.2022).

² Энциклопедия Касперского. URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/pretexting/> (дата обращения: 02.12.2022).

конфиденциальной информации или совершению определенных действий. В ряде случаев претекстинг и вишинг используются как синонимы или претекстинг считают разновидностью вишинга. Объединяющим признаком является совершение мошеннических действий посредством телефонной связи, однако претекстинг предполагает более изощренную схему манипулятивного воздействия на жертву, включающую проработку заранее продуманного плана-сценария действий и направленную на установление доверительного эмоционального контакта.

Претекстинг требует от преступника тщательной подготовки к осуществлению личного контакта с жертвой, ему необходимы сведения о ее персональных данных (фамилии, имени, отчестве), личном окружении, семье, потребительских предпочтениях, месте работы (учебы и т.п.). Подобную информацию можно получить в интернет-пространстве в результате изучения профилей жертвы в социальных сетях, онлайн-чатах, а также использования специальных программ, предназначенных для сбора конфиденциальных сведений и поиска личной информации в Интернете. Изучив имеющиеся сведения, преступник может представиться коллегой по работе, работником банковской организации, в которой у гражданина имеется счет, сотрудником правоохранительных органов и т.п. Он может уверенно назвать фамилию, имя, отчество жертвы, осведомлен о ее родственных и дружеских связях, что выступает маркером установления идентичности «свой – чужой» и служит налаживанию доверительного психологического контакта.

Большинство мошеннических атак по телефону совершаются именно посредством претекстинга, что актуализирует необходимость криминологического изучения его детерминант, социальных причин и условий реализации, нравственно-психологических и социально-демографических характеристик личности преступника.

Одной из детерминант рассматриваемого явления являются современные процессы информационной глобализации, активное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечившие возможность поиска и обнаружения персональной информации о потенциальных жертвах, а также технические возможности VPN-сервисов, IP-телефонии, позволяющие осуществлять телефонные звонки от имени официальных организаций, например, финансово-кредитных учреждений. Открытые профили пользователей в социальных сетях, онлайн-чаты предоставляют преступникам

практически безграничные возможности поиска идентифицирующей информации о предполагаемой жертве.

Но одних только технических средств недостаточно. Основной причиной достаточно успешного использования претекстинга в качестве приема социальной инженерии являются психологические механизмы человека, когнитивный базис принятия решений. Несмотря на прогрессивное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, а также внедрение инновационных криптографических средств защиты информации, человек был и остается основной мишенью. Психологическое манипулирование, выведение человека из состояния душевного равновесия и спокойствия, погружение его в атмосферу стресса, требующего принятия краткосрочных и не контролируемых сознанием мер реагирования, – вот основные задачи телефонного мошенника, использующего претекстинг.

Рассмотрим несколько типичных схем реализации претекстинга. Преступник звонит потенциальной жертве, называя ее фамилию, имя, отчество, представляясь сотрудником банка. При этом он может верно указать наименование банка, в котором у гражданина действительно имеется счет. Далее «сотрудник банка» вежливо просит уделить ему пару минут для уточнения сведений о счете и проверке финансовой безопасности. В результате у жертвы запускается когнитивный механизм, продуцирующий защитные поведенческие реакции. «Сотрудник банка» утверждает, что со счета гражданина неизвестный злоумышленник пытается осуществить несанкционированный перевод денежных средств, и просит уточнить цифровое наименование счета; кроме того, он может даже назвать первые несколько цифр сам. После этого обеспокоенная жертва обозначает оставшиеся цифры самостоятельно, а далее «сотрудник банка», в целях предотвращения нежелательной транзакции и блокировки счета, настоятельно рекомендует передать ему трехзначный CVV-код, указанный на обороте пластиковой карты. В результате он получает полный доступ к денежному счету жертвы. Иногда от жертвы требуется самостоятельно ввести определенную комбинацию цифр или совершить перевод на указанный «сотрудником банка» счет в целях безопасности. *Пример: в начале декабря в полицию обратилась 46-летняя жительница Казани с сообщением о преступлении. Днем на мобильный телефон потерпевшей позвонил неизвестный мужчина. Представившись со-*

трудником одного из банков, он сообщил, что в отношении нее совершаются мошеннические действия и несанкционированные переводы. Звонивший убедил потерпевшую оформить кредит на 350 тысяч рублей и перевести денежные средства на неизвестные счета. После этого потерпевшая прервала еще один финансовый перевод в размере 94 тысяч рублей и обратилась в полицию. В настоящее время по данному факту возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2. ст.159 Уголовного кодекса Российской Федерации «Мошенничество»¹.

Другая схема телефонного мошенничества с использованием претекстинга. Гражданину, как правило, пенсионного возраста звонит неизвестный, представляясь сотрудником правоохранительных органов. Он сообщает, что его близкий родственник (сын, дочь, внук) попал в ДТП и, в целях уклонения от уголовной ответственности и оказания помощи близкому человеку, необходимо передать «сотруднику» денежные средства. Как правило, последующая передача денежных средств курьеру осуществляется прямо в подъезде дома, где проживает гражданин. Затем курьер переводит денежные средства инициатору мошенничества. Пример: 3 ноября 2022 года в дежурную часть ОМВД России по Зеленодольскому району Республики Татарстан обратились четыре местных жителя с заявлениями по фактам мошенничества под предлогом «Родственник попал в беду». Установлено, что пенсионерам звонил неизвестный и, представившись сотрудником правоохранительных органов, сообщал о том, что их дочь стала виновницей ДТП, а для оказания медицинской помощи пострадавшему и урегулирования вопросов, связанных с возбуждением уголовного дела, необходимо передать определенную сумму денег. В результате две женщины, 1932 и 1938 года рождения, передали курьерам по 200 тысяч рублей, еще одна 75-летняя пенсионерка и мужчина 1939 года рождения – по 110 тысяч рублей².

На основании изложенного очевидно, что претекстинг предполагает использование преступниками специальных психологических приемов манипулирования, при этом сам преступник обязательно должен иметь соответствующую профессиональную подготовку в области психологии общения, так как сценарий беседы, все коммуни-

кативные стратегии и тактики, используемые при общении, могут быть подготовлены заранее другим лицом.

Кроме того, обратимся к такой важной составляющей криминологического портрета преступника, использующего претекстинг, как речевая подготовка. Проведенный нами социологический опрос лиц, подвергшихся телефонным мошенническим атакам, подтверждает, что крайне важное значение в установлении доверительного контакта имеют просодические характеристики голоса (интонация, тембр, сила голоса), а также высокий уровень речевой (языковой) грамотности преступника – использование им установленных форм речевого этикета, грамотных, полных предложений, терминологической лексики из сферы финансово-кредитных отношений.

В связи с этим полагаем, что, помимо традиционных для криминологической науки социально-демографических и нравственно-психологических признаков криминологической характеристики личности телефонного мошенника, следует дополнительно рассматривать его языковые (речевые) признаки. Это обусловлено спецификой основного канала общения преступника и жертвы – устного общения по телефону. В данном случае в механизм реализации преступного поведения включаются паралингвистические и экстралингвистические средства общения, используемые субъектом преступления сознательно, с манипулятивной целью и направленные на достижение результата – завладение денежными средствами граждан при помощи обмана.

Приведенный выше пример реализации мошеннической схемы «Оказание помощи родственнику, попавшему в ДТП» наглядно демонстрирует, насколько уязвимыми оказываются перед телефонными мошенниками лица пенсионного возраста. В связи с этим обратимся к такой важной криминологической категории, как предупреждение телефонного мошенничества в отношении пенсионеров.

Согласно статистическим данным о состоянии преступности в стране за первые 7 месяцев 2021 года, опубликованным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, в 39 200 случаях от действий киберпреступников пострадали российские пенсионеры³. С.А. Стяжкина справедливо отмечает, что «самыми незащищенными группами по-прежнему остаются пенсионеры и

¹ Официальный сайт МВД по Республике Татарстан. URL: <https://16.мвд.рф/> (дата обращения: 09.12.2022).

² Там же.

³ О состоянии преступности в России за январь-июль 2021 года: сборник Генпрокуратуры России. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 02.12.2022).

пожилые люди. Современные реалии заставляют их использовать информационные ресурсы, но, к сожалению, у большинства пожилых людей отсутствуют даже самые элементарные навыки работы с компьютерами и информационными системами» [8, с. 550]. И это действительно так. Уровень информационной грамотности пенсионеров, степень их правового информирования, способность защитить персональную информацию в Интернете и оказывать эффективное противодействие дистанционным мошенникам оказываются недостаточными, при этом цифровые следы, оставляемые лицами пенсионного возраста при посещении сайтов интернет-магазинов, использование незащищенного протокола передачи данных, открытая информация в социальных сетях предоставляют телефонным мошенникам существенный криминогенный потенциал для сбора информации и выявления действенных рычагов психологического воздействия. В связи с этим полагаем, что общая и специальная криминологическая профилактика телефонного мошенничества в отношении лиц пенсионного возраста должна быть направлена в первую очередь на повышение уровня их информационной грамотности, информирование о возможных мошеннических схемах.

Обсуждение и заключение

Вышеизложенное позволяет сформулировать ряд выводов.

Информационная глобализация, внедрение цифровых систем во многие сферы жизнедеятельности человека обусловили возникновение и развитие разных видов дистанционных мошеннических действий с использованием приемов и методов социальной инженерии. Претекстинг как вид мошеннических действий с использованием средств сотовой связи имеет ряд специфических криминологических особенностей, к числу ко-

торых следует отнести особо тщательную подготовку, направленную на сбор персональной информации о жертве с целью установления доверительных отношений, использование специальных психологических манипулятивных приемов, элементов экстралингвистического и паралингвистического воздействия на жертву. На основании этого при исследовании причин, условий, механизма формирования преступного поведения, описании криминологической характеристики личности мошенника необходимо использовать междисциплинарные научные связи в области криминологии, психологии, социологии и лингвистической науки.

Виктимологическая профилактика телефонного мошенничества, совершаемого посредством претекстинга, прежде всего, должна осуществляться в отношении лиц пенсионного возраста как социально незащищенной и наиболее уязвимой категории населения и реализовываться комплексно всеми субъектами общей и специальной криминологической профилактики: федеральными органами исполнительной власти, в том числе МВД России, органами прокуратуры, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, государственными, общественными и частными структурами, содействующими выполнению правоохранительных задач. Основная цель – повышение уровня информационной (цифровой) грамотности населения, информирование о существующих мошеннических схемах, обучение навыкам психологической устойчивости к техникам манипулирования. При этом отметим, что при реализации профилактических мер необходимо учитывать геронтологические особенности лиц пенсионного возраста; передаваемая им информация должна быть соответствующим образом подготовлена и адаптирована.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибунов О.П., Старчиков М.В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий. Москва: ДГСК МВД России, 2017. 159 с.
2. Кузнецов М.В. Социальная инженерия и социальные хакеры. Санкт-Петербург: БХВ-ресурс, 2007. 368 с.
3. Нарциссова С.Ю., Куликова С.В., Воронкова Т.Н., Фомина А.С., Архипова М.Ю., Сиротин В.П. Проблемы социальной инженерии, информационной и кибербезопасности: монография. Москва: Инфра-М, 2021. 328 с.
4. Головин А.Ю., Головина Е.В. Социальная инженерия в механизме преступной деятельности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 3 – 13.
5. Старостенко Н.И. Социальная инженерия как объект криминалистического изучения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 109-114. DOI: 10.37973/KUI.2021.45.18.017.

6. Янгаева М.О. Социальная инженерия как способ совершения киберпреступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1 (42). С. 133-138.
7. Санина Л.В., Чепинога О.А., Ржепка Э.А., Палкин О.Ю. Деструктивная социальная инженерия как угроза экономической безопасности: масштабы явления и меры предотвращения // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(2).14
8. Стяжкина С.А. Виктимологическая профилактика кибермошенничества // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32, № 3. С. 546 – 552.

REFERENCES

1. Gribunov O.P., Starchikov M.V. Rassledovanie prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii i vysokih tekhnologij. Moskva: DGSK MVD Rossii, 2017. 159 s.
2. Kuznecov M.V. Social'naya inzheneriya i social'nye hakery. Sankt-Peterburg: BHV-resurs, 2007. 368 s.
3. Narcissova S.YU., Kulikova S.V., Voronkova T.N., Fomina A.S., Arhipova M.YU., Sirotin V.P. Problemy social'noj inzhenerii, informacionnoj i kiberbezopasnosti: monografiya. Moskva: Infra-M, 2021. 328 s.
4. Golovin A.YU., Golovina E.V. Social'naya inzheneriya v mekhanizme prestupnoj deyatel'nosti v sfere informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2021. № 2. S. 3 – 13.
5. Starostenko N.I. Social'naya inzheneriya kak ob'ekt kriminalisticheskogo izucheniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. Т. 12, № 1. S. 109-114. DOI: 10.37973/KUI.2021.45.18.017.
6. YAngaeva M.O. Social'naya inzheneriya kak sposob soversheniya kiberprestuplenij // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 1 (42). S.133-138.
7. Sanina L.V., CHepinoga O.A., Rzhepka E.A., Palkin O.YU. Destruktivnaya social'naya inzheneriya kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti: masshtaby yavleniya i mery predotvrashcheniya // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(2).14
8. Styazhkina S.A. Viktimologicheskaya profilaktika kibermoshennichestva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». 2022. Т. 32, № 3. S. 546 – 552.

Информация об авторе:

Зотина Елена Владимировна, начальник редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России, ezotina@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Zotina Yelena Vladimirovna, head of the Editorial and Publishing Department of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, ezotina@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

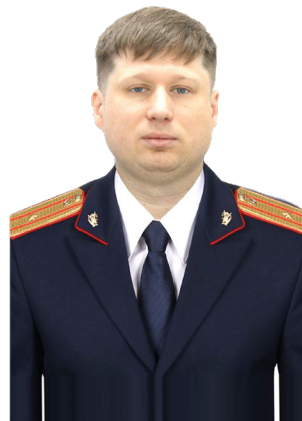
Статья получена: 11.11.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.573
DOI: 10.37973/KUI.2022.80.37.013

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Роман Сергеевич Куликов,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
roman.kulikov@mail.ru

Михаил Андреевич Ефимов,
Верхнеуслонский межрайонный следственный отдел
Следственного управления Следственного комитета России по Республике Татарстан,
Верхний Услон, Россия, efimov.mihail@gmail.com

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются подходы к типологизации и определению преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции.

Материалы и методы: в работе использовались логический, системно-структурный и статистический методы. Материалами исследования послужили нормы уголовного законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, положения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, научная литература.

Результаты исследования: в статье сформулировано понятие преступлений в области незаконного оборота алкогольной продукции.

Обсуждение и заключение: обосновывается необходимость систематизации норм уголовного законодательства, предлагается сочетание отраслевого критерия и объективных признаков данных преступлений при их типологизации.

© Куликов Р.С., Ефимов М.А., 2022

Ключевые слова: незаконный оборот алкогольной продукции; преступление; виды преступлений; уголовная ответственность; алкогольная продукция; незаконное изготовление алкогольной продукции; классификация преступлений

Для цитирования: Куликов Р.С., Ефимов М.А. Понятие и система преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 100 – 105. DOI: 10.37973/KUI.2022.80.37.013

Scientific article

UDC 343.573

DOI: 10.37973/KUI.2022.80.37.013

**CONCEPT AND SYSTEM OF CRIMES
RELATED TO ILLEGAL CIRCULATION OF ALCOHOLIC BEVERAGES**

Roman Sergeevich Kulikov,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan, Russia, roman.kulikov@mail.ru;
Mikhail Andreevich Efimov,
Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Verkhneuslonsky",
Verhny Uslon, Russia, efimov.mihail@gmail.com

Abstract

Introduction: the author discusses approaches to typologization and definition of crimes related to illicit trafficking in alcoholic beverages. Violation of the rule of law in this area of economic relations is accompanied by various legal sanctions designed not only to suppress illegal activities, but also to prevent the occurrence of larger negative consequences, including life and health of citizens. However, the complication of criminal legislation in terms of expanding the corpus delicti accompanying the illegal turnover of alcoholic beverages has exposed the need for scientific rethinking of the concept of such acts and their classification taking into account criminal law innovations.

Materials and Methods: logical, system and structural, statistical methods were used in the work. The materials of the study were the norms of the criminal legislation of the Russian Federation and foreign countries, the provisions of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, scientific literature.

Results: the concept of crimes in illicit trafficking in alcoholic products is formulated in the article.

Discussion and Conclusions: the necessity of systematization of the norms of criminal legislation is substantiated, a combination of the industry criterion and objective signs of these crimes in their typology is proposed.

Keywords: illegal circulation of alcoholic products; crime; types of crimes; criminal liability; alcoholic products; illegal production of alcoholic products; classification of crimes

© Kulikov R.S., Efimov M.A., 2022

For citation: Kulikov R.S., Efimov M.A. The Concept and System of Crimes Related to Illegal Circulation of Alcoholic Beverages // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2022. V. 13. No. 4 (50). P. 100 – 105. DOI: 10.37973/KUI.2022.80.37.013

Введение

В теории уголовного права не сложилось единого подхода к определению преступлений, сопровождающих оборот алкогольной продукции. Полемика среди исследователей ведётся относительно системы таких преступных актов, в которую включаются те или иные составы [1, 2]. Исходя из того, что именно необходимо считать преступлением, связанным с незаконными рыночными отношениями в отношении алкогольной продукции, учёные приходят к выводу о собирательном понятии данной группы уголовно наказуемых деяний [3]. Подобные виды товаров на современном этапе развития мировой экономики являются объектом государственных интересов во многих странах, в законодательстве которых

содержится комплекс правовых норм, регламентирующих вопросы изготовления и реализации соответствующих видов товаров.

Нарушение правопорядка в данной области экономических отношений сопровождается различными юридическими санкциями, призванными не только пресечь незаконную деятельность, но и предупредить наступление более масштабных негативных последствий, включая жизнь и здоровье граждан. Однако усложнение уголовного законодательства в части расширения составов преступлений, сопровождающих нелегальный оборот алкогольной продукции, обнажило потребность в научном переосмыслении понятия подобных деяний и их классификации с учётом уголовно-правовых новаций.

Обзор литературы и результаты исследования

По мнению одних авторов, преступления в области незаконного оборота алкогольной продукции необходимо рассматривать в широком спектре, включающем не только составы, непосредственно связанные с производством и реализацией данных товаров, но и иные сопредельные преступные деяния, к числу которых следует относить, например, нарушение требований о маркировке, хранении, качестве соответствующих единиц продукции [4]. Такой обширный подход позволил сформулировать понятие системы преступлений, совершаемых на рынке алкогольной продукции, под которой подразумевается группа уголовно-наказуемых правонарушений, обладающих повышенной общественной опасностью в особой сфере экономических отношений и направленных на полный цикл движения товаров, изготавливаемых из алкоголя [5].

Собственно, система таких преступлений складывается из тех составов, которые прямым или косвенным образом могут проследиваться в поведении субъектов алкогольного рынка. Последние рассматриваются как в плоскости действующего законодательства (т.е. в качестве легальных участников данных экономических отношений), так и в части лиц, занимающихся схожей незаконной деятельностью (т.е. в качестве субъектов противоправных действий) [6].

С критикой обозначенного подхода в науке уголовного права выступают исследователи, которые трактуют преступления в сфере незаконного оборота алкогольной продукции в узком смысле [7]. Они сводят данную систему преступных актов к формально-юридическим критериям, заложенным в нормах уголовного законодательства [8]. В общем виде Особенная часть действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) содержит 5 статей, в диспозиции которых в качестве предмета преступного деяния прямо упоминается алкогольная продукция. В частности, это:

- ч. 5 ст. 171¹ УК РФ (оборот немаркированной алкогольной продукции);
- ст. 171³ УК РФ (незаконное производство алкогольной продукции);
- 171⁴ УК РФ (незаконная розничная продажа алкогольной продукции);
- 200² УК РФ (контрабанда алкогольной продукции);

- ч. 3, 4 и 5 ст. 327¹ УК РФ (изготовление и использование акцизных марок на алкогольную продукцию).

Впрочем, внутри второго подхода к пониманию преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции также не наблюдается единства мнений. Так, отдельные авторы скептически относятся к формализации предмета данных преступных действий и предлагают рассматривать в качестве объединяющего критерия не предмет, а объективную сторону [9].

В силу этого в систему преступлений, связанных с нарушением правопорядка по обороту алкогольной продукции, включают ст. 238 УК РФ (оборот товаров, не отвечающих требованиям безопасности) [10]. Также некоторые исследователи полагают целесообразным выделять ст. 327 УК РФ, поскольку оборот алкогольной продукции сопряжен с получением особой разрешительной документации, выдаваемой государственными органами [11]. Аналогичным образом ряд учёных предлагают отнести к рассматриваемой группе преступлений ч. 3 ст. 325 УК РФ (похищение акцизных марок) [12].

Как следует из приведённых подходов, критерии классификации преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции затрагивают преимущественно объективные признаки составов, включаемых в систему данных преступных действий. Вместе с тем в уголовно-правовой доктрине проследиваются альтернативные точки зрения на закреплённую российским уголовным законодательством группу преступных актов, опосредующих теневые экономические процессы с участием алкогольной продукции.

В частности, в сравнительно-правовой плоскости отдельные авторы предлагают провести т.н. «конвергенцию» уголовно-правовых норм в части систематизации преступлений, совершаемых с целью нелегального оборота алкогольной продукции [13]. Подобный инструмент объединения диспозиций статей внутри одного закона (УК РФ) направлен на упорядочение объективных и субъективных признаков составов преступных деяний и, как следствие, на минимизацию ошибок в их квалификации [14]. Последний негативный тренд наглядно наблюдается в российской правоприменительной практике на фоне разрастания теневого сегмента алкогольного рынка и сокращения числа легальных производителей и распространителей алкогольной продукции.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2021. № 1 (часть I). Ст. 82.

Например, Союз производителей алкогольной продукции Российской Федерации оценивает размер нелегального алкогольного оборота в 30%, что выражается в 35 млн декалитров спиртных напитков против 87 млн декалитров законной продукции¹. По данным Росстата, проведённым лишь за первый квартал (январь-апрель) 2020 г., объём нарушений в области производства алкогольных товаров составил 87,6% от общего числа². Подавляющее большинство из выявленных патологий оборота алкогольной продукции приходится на производство и торговлю, что выразилось в 1,1 тыс. уголовных дел. В отношении административных производств, возбуждённых по итогам специальных проверок за тот же период, статистика выглядит более негативной: 23 тыс. протоколов, 30 нелегальных производителей³.

Наблюдаемые в Российской Федерации обороты нелегальной алкогольной продукции свидетельствуют о противоречивости подхода в правовой регламентации отношений, опосредующих экономическое движение подобных товаров как в отдельно взятых субъектах федерации (преимущественно в регионах Центрального и Приволжского федеральных округов), так и в масштабах всей страны. В результате расширение или сужение системы преступлений, совершаемых на рынке алкогольной продукции, является исключительно теоретической проблемой, которая с меньшей эффективностью проецируется на правоприменительную практику.

В то же время динамика привлечения виновных лиц к уголовной ответственности по разным составам преступлений, так или иначе связанных с оборотом алкогольной продукции, обосновывает научную дискуссию о возможно-

сти выделения общих и специальных видов преступного поведения в исследуемой сфере.

Например, некоторые авторы отмечают прямую взаимосвязь между отраслевыми правовыми нормами [15]. Увеличение составов преступлений в уголовном законодательстве вызвано преимущественно усложнением порядка правового регулирования оборота алкогольной продукции в соответствующих специальных нормативно-правовых актах (законодательного и подзаконного характера) [16]. В силу этого диспозиции уголовно-правовых норм, описывающих признаки подобных преступных деяний, всецело подчинены особенностям правотворческой политики, проводимой государством относительно алкогольного рынка.

Взяв за основу отраслевой критерий и сложившиеся в уголовном законодательстве объективные признаки составов преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции, можно классифицировать их на:

- деяния, которые непосредственно нарушают порядок производства и распространения данных товаров (ст. 171³, ч. 5 171¹, 171⁴, 200², 327¹ УК РФ);

- деяния, опосредованным образом способствующие незаконному обороту алкогольной продукции (ст. 238, 325, 327 УК РФ).

Обсуждение и заключение

На основании вышеизложенной типологии предлагаем сформулировать понятие преступлений в области незаконного оборота алкогольной продукции в качестве комплекса уголовно-наказуемых деяний, направленных на нарушение порядка производства и распространения товаров, содержащих алкоголь, а также создающих условия для нелегального экономического движения данной продукции внутри страны и за её пределами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шайдуллина Э.Д. Незаконное производство и оборот алкогольной продукции (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. Нижний Новгород, 2011. 281 с.
2. Бахтеев С.С. Эффективность борьбы с незаконным оборотом алкогольной продукции // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. № 1 (1). С. 32-35.
3. Ходенко С.В. Предупреждение преступлений, совершаемых при незаконном производстве и обороте этилового спирта и алкогольной продукции: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2003. 187 с.
4. Черненко И.С. Незаконное производство и оборот подакцизной алкогольной продукции (уголовно-правовые аспекты): дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2005. 199 с.

¹ Проверки выявили 87% нелегального алкоголя. <https://iz.ru/1021583/ekaterina-vinogradova/pit-iz-pod-poly-proverki-vyjavili-87-nelegalnogo-alkogolia-v-magazinakh> (доступ – свободный) (дата обращения: 16.02.2021).

² Росалкогольрегулирование обнаружил 30 подпольных фабрик алкоголя. <https://www.retail.ru/news/rosalkogolregulirovanie-obnaruzhil-30-podpolnykh-fabrik-alkogolya-15-iyunya-2020-195123/> (доступ – свободный) (дата обращения: 16.02.2021).

³ Полицейские пресекли производство поддельного алкоголя в Подмоскowie. <https://rg.ru/2020/11/03/reg-cfo/policejskie-presekli-proizvodstvo-poddel'nogo-alkogolia-v-podmoskove.html> (доступ – свободный) (дата обращения: 16.02.2021).

5. Рагозина И.Г. Вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции // Вестник управления внутренних дел Ханты-Мансийского автономного округа. 2002. № 4. С. 79-86.
6. Алборов Р.Д. К вопросу криминализации незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции в России // Бюллетень Владикавказского института управления. 2018. № 56. С. 97-103.
7. Лебедев Н.Ю. Теоретические проблемы и практика расследования незаконного производства спиртосодержащей алкогольной продукции: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. Барнаул, 2004. 197 с.
8. Потапов Д.Ю. О некоторых актуальных способах совершения преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2017. № 3. С. 195-199.
9. Белецкий И.А. Незаконный оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: характеристика объективной стороны // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 61-67.
10. Резвых Р.С. Реализация алкогольной продукции, не отвечающей требованиям безопасности для жизни и здоровья граждан: правовые и правоприменительные аспекты // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 5 (8). С. 67-73.
11. Вакорина П.И., Туктамышева С.В., Падин А.Э. Правовая характеристика объективных признаков преступления, предусмотренного статьей 327 УК РФ // Colloquium-journal. 2020. № 3-9 (55). С. 54-55.
12. Нудель С.Л. Проблемы уголовной ответственности за похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия, защищенных от подделок // Вестник ВЭГУ. 2009. № 5 (43). С. 71-81.
13. Анимоков И.К. Проблемные особенности выявления преступлений, связанных с незаконным производством и оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 120-123.
14. Третьякова О.Д. Ограничения в праве и юридическая конвергенция // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 73-76.
15. Захарян С.Ю. Критерии общественной опасности незаконного оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 3 (78). С. 22-26.
16. Жилкин М.Г. Установление отраслевой противоправности в незаконном производстве и (или) обороте этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 39. С. 110-112.

REFERENCES

1. Shaydullina E.D. Illegal production and turnover of alcoholic products (criminal and criminological aspects): dis... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Nizhny Novgorod, 2011. 281 p.
2. Bakhteev S.S. The effectiveness of the fight against illegal circulation of alcoholic products // Law order: history, theory, practice. 2013. No. 1 (1). pp. 32-35.
3. Khodenko S.V. Prevention of crimes committed in the illegal production and circulation of ethyl alcohol and alcoholic products: dis... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Moscow, 2003. 187 p.
4. Chernenko I.S. Illegal production and turnover of excisable alcoholic products (criminal legal aspects): dis... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Rostov-on-Don, 2005. 199 p.
5. Ragozina I.G. Issues of qualifying crimes related to illegal circulation of alcoholic products // Bulletin of the Department of Internal Affairs of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug. 2002. No. 4. S. 79-86.
6. Alborov R.D. On the issue of criminalization of illegal circulation of alcoholic and alcohol-containing products in Russia // Bulletin of the Vladikavkaz Institute of Management. 2018. No. 56. P. 97-103.
7. Lebedev N.Yu. Theoretical problems and practice of investigating the illegal production of alcohol-containing alcoholic products: dis... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Barnaul, 2004. 197 p.
8. Potapov D.Yu. On some topical methods of committing crimes in the sphere of illicit trafficking in alcoholic products // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2017. No. 3. S. 195-199.
9. Beletsky I.A. Illegal circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products: characteristics of the objective side // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2019. No. 2 (48). pp. 61-67.

10. Rezvykh R.S. Sale of alcoholic products that do not meet safety requirements for the life and health of citizens: legal and law enforcement aspects // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 5 (8). pp. 67-73.
11. Vakorina P.I., Tuktamysheva S.V., Padin A.E. Legal characteristics of the objective signs of a crime under article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation // Colloquium-journal. 2020. No. 3-9 (55). S. 54.
12. Nudel S.L. Problems of criminal responsibility for the theft of excise duty stamps, special stamps or conformity marks protected from counterfeiting // Bulletin of VEGU. 2009. No. 5 (43). pp. 71-81.
13. Animokov I.K. Problematic features of detecting crimes related to illegal production and circulation of alcoholic and alcohol-containing products // Gaps in Russian legislation. 2020. No. 2. P. 120-123.
14. Tretyakova O.D. Restrictions in law and legal convergence // Legal technique. 2018. No. 12. S. 73-76.
15. Zakharyan S.Yu. Criteria for the public danger of illicit trafficking in ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. V. 26. No. 3 (78). P. 22-26.
16. Zhilkin M.G. Establishment of branch illegality in illegal production and (or) turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. 2019. No. 39. P. 110-112.

Информация об авторах:

Куликов Роман Сергеевич, кандидат педагогических наук, начальник кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, roman.kulikov@mail.ru

Ефимов Михаил Андреевич, старший следователь Верхнеуслонского межрайонного следственного отдела Следственного управления Следственного комитета России по Республике Татарстан, efimov.mihail@gmail.com

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Kulikov Roman S., Candidate of Pedagogy (Research doctorate), Head of Criminal Law Department of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, roman.kulikov@mail.ru

Efimov Mikhail A., Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Verkhneuslonsky", Kazan, Russia, efimov.mihail@gmail.com

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Куликов Роман Сергеевич – обобщение эмпирических данных, анализ научной литературы по проблеме исследования, доработка текста исследования, разработка концептуальных подходов исследования, формулирование выводов и практических рекомендаций.

Ефимов Михаил Андреевич – подготовка первоначального варианта текста, сбор и анализ эмпирических данных, поиск аналитических и статистических материалов в научных и справочных источниках.

Статья получена: 28.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.7
DOI: 10.37973/KUI.2022.33.61.014

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЯМ 174 И 174¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аделя Фаридовна Муксинова,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
delish_ne@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются вопросы целесообразности включения в состав преступления, закрепленного в ст. 174 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), специальной нормы об освобождении от уголовной ответственности.

Материалы и методы: материалом исследования явились уголовно-правовые нормы, приговоры судов Российской Федерации по ст. 174 и 174¹ УК РФ, научные труды по уголовному праву по вопросам освобождения от уголовной ответственности в целом и уголовной ответственности за легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем, в частности. При подготовке исследования применялись системно-структурный, нормативно-логический и статистические методы.

Результаты исследования: анализ уголовно-правовых норм, судебной практики и научных изысканий по вопросам уголовной ответственности за легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем, позволил прийти к выводу о необходимости закрепления в ст. 174 УК РФ поощрительной нормы о специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности.

Обсуждение и заключение: предложена авторская редакция примечания к статье 174 УК РФ о специальном виде освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; поощрительная норма; деятельное раскаяние; возмещение ущерба; легализация преступных доходов; отмывание денег

© Муксинова А.Ф., 2022

Для цитирования: Муксинова А.Ф. К вопросу о целесообразности освобождения от уголовной ответственности по статьям 174 и 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 106 – 112. DOI: 10.37973/KUI.2022.33.61.014

Scientific article
UDC 343.7
DOI: 10.37973/KUI.2022.33.61.014

ON THE QUESTION OF EXPEDIENCY OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY UNDER ARTICLES 174 AND 174¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Adelya Faridovna Muksinova,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan' Russia,
delish_ne@mail.ru

Abstract

Introduction: the author discusses whether it makes sense to include a special provision on exemption from criminal liability in the crime of criminal money laundering established by Article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and Methods: the study materials were criminal norms, sentences of the courts of the Russian Federation under Articles 174 and 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, works on criminal

law on issues of exemption from criminal liability and criminal liability for the money laundering. System and structural, normative and logical and statistical methods were used in the study.

Results: the analysis of criminal norms, judicial practice and scientific study on criminal liability for the money laundering allowed us to come to the conclusion that it was necessary to consolidate in Article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation the incentive norm on special grounds for exemption from criminal liability.

Discussion and Conclusions: the author presents her own note to Article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation on special form of the grounds for exemption from punishment.

Keywords: exemption from criminal liability; incentive norm; active repentance; compensation for damages; legalization of criminal proceeds; money laundering

© Muksinova A.F., 2022

For citation: Muksinova A.F. On the Question of Expediency of Exemption from Criminal Liability under Articles 174 and 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 106 – 112. DOI: 10.37973/KUI.2022.33.61.014

Введение

Институт освобождения от уголовной ответственности регулярно подвергается обсуждению со стороны научного сообщества, изучаются его понятие, содержание и виды, предлагаются пути реформирования и критикуются вносимые в УК РФ поправки.

Такой научный интерес связан, прежде всего, с началом формирования в 2010 году уголовной политики в связи с преступлениями в сфере экономической деятельности, начавшейся с символической фразы исполняющего обязанности Президента РФ Д.А. Медведева летом 2008 г. о том, что необходимо прекратить «кошмарить» бизнес¹. В мае 2022 г. он же заявил, что озвученный им в 2008 г. призыв до сих пор актуален².

Второй причиной повышенного интереса к институту освобождения от уголовной ответственности явилось принятие в 2010 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, а затем в 2016 г. – Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017 – 2025 годы)»³. Обе Концепции, по замыслу законодателей, должны уменьшить количество лиц, которым назначаются наказания, связанные с лишением свободы, особенно за не тяжкие преступления.

Обзор литературы

В юридической литературе проблемам уголовного противодействия преступлениям, связанным с легализацией (отмыванием) доходов, приобретенных преступным путем, посвящены труды

В.М. Алиева, Б.В. Волженкина, Р.В. Жубрина, Н.А. Лопашенко, А.А. Подушкина, Э.Л. Сидоренко, Б.В. Сидорова, М.В. Талан, О.Ю. Якимова, П.С. Яни и других.

Материалы и методы

Методологическую основу проведенного исследования составил комплекс философских, общенаучных и частнонаучных методов познания, среди которых системно-структурный, нормативно-логический и статистические методы.

Результаты исследования

Либерализация и гуманизация уголовной и уголовно-исполнительной политики приводит к необходимости поиска дополнительных мер уголовно-правового регулирования отношений, возникающих в связи с совершением преступлений в сфере экономической деятельности. Существующий в российском уголовном праве институт освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ) и совокупность специальных норм освобождения от уголовной ответственности (например, примечания к ст. 126, 198, 222, 228, 322² УК РФ) могут стать такими дополнительными мерами гуманизации уголовной политики.

Целесообразность введения специальной нормы об освобождении от уголовной ответственности по ст. 174 УК РФ отмечается многими учеными-правоведами. Так, М.В. Талан, подчеркивая необходимость соответствующего примечания к ст. 174 УК РФ, пишет, что «на протяжении последних лет неоднократно поднимались вопросы об осуществлении экономической амнистии в отношении капиталов, вывезенных в начале

¹ Медведев: Бизнесмены должны прекратить коррумпировать правоохранительные органы и чиновников. URL: <https://rg.ru/2008/08/07/biznes.html> (дата обращения: 10.09.2022).

² Медведев признал, что его призыв не «кошмарить» бизнес не услышан до сих пор. URL: https://tass.ru/ekonomika/14741655?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 10.09.2022).

³ Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017 – 2025 годы)»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.12.2016 № 2808-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 2 (Часть II). Ст. 413.

90-х годов из России. Проблему возвращения таких капиталов могла бы решить не финансовая амнистия, а уголовно-правовая норма, содержащая условия освобождения от уголовной ответственности за легализацию преступно добытых средств» [1, с. 56].

Другой специалист по изучению проблем легализации (отмывания) преступных доходов А.А. Подушкин, перечисляя основные недостатки статей 174 и 174¹ УК РФ, приходит к выводу, что для «беловоротничковых» преступлений включение поощрительной нормы, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, «послужило бы во многих случаях поводом для отказа от их совершения, а также способствовало бы эффективному раскрытию уже совершенных преступлений» [2, с. 138-139].

Также о специальном основании освобождения от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов пишут В.С. Давыдов [3], Д.Р. Кузахметов [4], О.В. Хомич [5], Н.В. Юсупов [6], О.Ю. Якимов [7] и др.

Мы полностью поддерживаем точку зрения перечисленных ученых и предлагаем закрепить в примечании к ст. 174 УК РФ поощрительную норму об освобождении от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов, в случае если лицо впервые совершило данное преступление, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб, и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Основанием освобождения лица от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов предлагаем рассматривать позитивное посткриминальное поведение виновного лица (способствование раскрытию и расследованию данного преступления, возмещение ущерба, причиненного преступлением), а условиями – совершение легализации (отмывания) преступных доходов впервые, отпадение общественной опасности виновного лица, отсутствие в его действиях иного состава преступления.

Предложенный нами специальный вид освобождения от уголовной ответственности по основаниям и условиям напоминает общий вид освобождения, закрепленный в ст. 75 УК РФ, – освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Однако ст. 75 УК РФ может применяться лишь за впервые со-

вершенные преступления небольшой и средней тяжести, мы же предлагаем распространить норму об освобождении от уголовной ответственности полностью на все части обеих статей о легализации (ст. 174 и 174¹ УК РФ). Второе отличие заключается в том, что условия освобождения от уголовной ответственности по ст. 75 УК РФ носят диспозитивный характер, мы предлагаем сформулировать императивную норму, такую, чтобы ее применение не зависело от правоприменительных органов.

Далее отдельно рассмотрим предложенные основание и условия освобождения от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов.

Условиями освобождения должны стать: 1) совершение легализации (отмывания) преступных доходов впервые, 2) отпадение общественной опасности виновного лица, 3) отсутствие в его действиях иного состава преступления.

Определение лица, впервые совершившего преступление, формулируется в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»¹.

Вторым условием является «Отпадение общественной опасности виновного лица». Соответствие данного условия можно установить только лишь при изучении личности преступника. Так, следственными и судебными органами должно быть установлено, что лицо, совершившее легализацию (отмывание) преступных доходов, перестало быть общественно опасным.

Третьим условием освобождения от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов должно стать отсутствие в действиях лица иного состава преступления. Согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 применение данного условия «допускается и в случае совершения лицом совокупности преступлений». Из данного положения следует, что если лицо активно способствовало раскрытию и (или) расследованию совершенной им легализации (отмывания) преступных доходов, возместило причиненный этим преступлением ущерб, при этом преступление было совершено впервые, то оно в обязательном порядке будет освобождаться от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов, однако будет

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 // Российская газета. 2013. 5 июля.

привлекаться к уголовной ответственности за иные преступления (например, мошенничество, незаконный сбыт наркотических средств, участие в преступном сообществе и т.д.).

Основанием освобождения лица от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов является позитивное посткриминальное поведение виновного. К такому поведению, на наш взгляд, следует отнести способствование раскрытию и расследованию как основного (предикатного) преступления, так и легализации (отмывания) преступных доходов, избличение соучастников преступления, а также выдачу предметов незаконного оборота наркотиков и возмещение материального ущерба, причиненного данным преступлением.

Совершение этого ряда действий виновным лицом позволит говорить об утрате данным лицом общественной опасности. О.Н. Кузьмина

дает определение способствования раскрытия и расследования преступления как «поведение лица, помогающее установлению всех имеющих значение обстоятельств совершения преступления (время и место, способ, средства и орудия совершения преступления и т.д.), избличению иных соучастников преступления, розыску имущества, добытого преступным путем, средств и орудий преступления. Лицо может указать органам предварительного расследования на причины совершения преступления и условия, ему способствовавшие» [8, с. 74].

В рамках написания данной статьи нами изучено 145 приговоров, вынесенных судами Российской Федерации с 2014 по 2021 год по делам о легализации (отмывании) доходов, приобретенных в результате незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (*Таблица*).

1. Сведения о квалификации преступления:

а) ст. 174 УК РФ	1 %
б) ч. 1 ст. 174.1 УК РФ	49 %
в) ч. 2 ст. 174.1 УК РФ	10 %
г) п. «а» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ	17 %
д) п. «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ	0
е) п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ	12 %
ж) п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ	4 %
з) п. «а, б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ	7 %

2. Сведения о судебном решении по уголовному делу:

а) решение суда о виновности подсудимого	77 %
б) решение суда о невиновности подсудимого	23 %

3. Сведения о признании подсудимым вины:

а) признание вины	85 %
- из них: заключено досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке гл. 40.1 УПК РФ	- из них: 56 %
б) непризнание вины	15 %

Таблица. Сведения, полученные в результате изучения судебных приговоров
Table. Information obtained as a result of the study of court sentences

Анализ приговоров судов Российской Федерации дает основание утверждать, что по большей части уголовных дел – 123 приговора (85%) – виновные лица признают свою вину. Среди них по 69 уголовным делам (56%) подозреваемыми или обвиняемыми по делу заключается досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке гл. 40¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

При рассмотрении дела в особом порядке проведения судебного заседания, в соответствии с гл. 40¹ УПК РФ, в приговоре обязательно указывается, в чем именно заключалось сотрудничество подозреваемого или обвиняемого с

органами предварительного расследования. Так, например, в приговоре Судогодского районного суда Владимирской области от 9 ноября 2020 г. указано, что подсудимая К. «соблюдала и продолжает выполнять условия заключенного с ней соглашения, осуществила добровольную выдачу документа, признанного в дальнейшем вещественным доказательством; неоднократно допрошенная в качестве подозреваемой и обвиняемой, а также в ходе проводимых с ее участием протоколов проверки показаний на месте, давала подробные показания о деятельности организованной преступной группы, об обстоятельствах совершенных преступлений, в том

числе избличающих преступную деятельность X. и Y., из уголовного дела, по обвинению которых в дальнейшем было выделено в отдельное производство рассматриваемое соединенное уголовное дело. Кроме того, свои показания подсудимая К. подтвердила в судебном заседании при рассмотрении по существу уголовного дела в отношении X. и Y., избличив их в преступной деятельности»¹.

Таким образом, признание лицом своей вины, в том числе и по обвинению в легализации (отмывании) преступных доходов, избличение соучастников преступления, о которых не было известно правоохранительным органам, дачу правдивых и полных показаний, участие в оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действиях, проводимых в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве, в полной мере можно отнести к позитивному посткриминальному поведению виновного лица.

Однако этого, на наш взгляд, недостаточно. К позитивному посткриминальному поведению виновного необходимо отнести и вторую его форму – возмещение ущерба, причиненного данным преступлением.

В настоящее время в уголовном законодательстве закреплена ст. 76¹ УК РФ, которая предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Введение данной нормы в УК РФ вызвало множество комментариев, в том числе и критических [9, 10]. Не вдаваясь в рассуждения о сущности, недостатках и целесообразности существования освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, отметим лишь, что ст. 76¹ УК РФ распространяется на исчерпывающий перечень преступлений, закрепленный самой статьей. В этом перечне отсутствуют преступления, связанные с легализацией (отмыванием) преступных доходов (ст. 174 и 174¹ УК РФ). Так как сама норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба вызывает больше критики, нежели положительных откликов. В связи с тем, что высказываются мнения о необходимости ее исключения из УК РФ, считаем разумным не рассматривать возможность дополнения ч. 2 ст. 76¹ УК РФ статьями 174 и 174¹ УК РФ, а предусмотреть действия по возмещению вреда и заглаживанию ущерба в качестве основания специального освобождения от уголовной ответственности в применении ст. 174 УК РФ.

Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует, что по ст. 174 и 174¹ УК РФ за последние пять лет (с 2017 по 2021 год) от уголовной ответственности был освобожден лишь один человек (в 2018 г. по ст. 174 УК РФ в связи с деятельным раскаянием)². Таким образом, анализ статистических данных свидетельствует, что поощрительные нормы об освобождении от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов в настоящее время являются нерабочими. При этом, как мы отметили, по 85% рассмотренных в судах уголовных дел за легализацию наркодоходов виновные лица признают вину, заключают досудебное соглашение о сотрудничестве, активно способствуют раскрытию и расследованию преступлений. Отсутствует лишь одна форма позитивного посткриминального поведения – возмещение ущерба, причиненного преступлением.

По нашему мнению, государство и пострадавшая от преступлений экономическая система получают большую выгоду, если виновный в целях освобождения от уголовной ответственности проявит позитивное посткриминальное поведение и будет способствовать раскрытию и расследованию данного преступления, а самое главное – возместит причиненный преступлением ущерб.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Современная уголовная политика либерализации наказаний за экономические преступления, реформирование пенитенциарной системы России позволяют утверждать о необходимости введения в уголовное законодательство дополнительных мер уголовно-правового регулирования преступлений в сфере экономической деятельности. Одной из таких мер должны стать специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

2. Основанием освобождения лица от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов должно являться позитивное посткриминальное поведение виновного лица (способствование раскрытию и расследованию данного преступления, возмещение ущерба, причиненного преступлением), а условиями – совершение легализации (отмывания) преступных доходов впервые, отпадение общественной опасности виновного лица, отсутствие в его действиях иного состава преступления.

¹ Приговор Судогодского районного суда Владимирской области от 9.11.2020 по делу № 1-744/2019. URL: https://sudogodsky-wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения: 10.09.2022).

² Судебный Департамент Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php> (дата обращения: 10.09.2022).

3. Предлагаем изложить примечание к статье 174 УК РФ следующим образом:

«Примечание. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, а также статьей 174¹ настоящего Кодекса, освобо-

ждается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию и (или) расследованию этого преступления, возместило ущерб, причиненный этим преступлением, и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Талан М.В. Совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за легализацию преступных доходов с учетом законодательных поправок 2010-2011 гг. // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 3 (21). С. 50-59.

2. Подушкин А.А. Легализация (отмывание) преступных доходов (криминологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2007. 201 с.

3. Давыдов В.С. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2006. 185 с.

4. Кузахметов Д.Р. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2006. 221 с.

5. Хомич О.В. Легализация (отмывание) преступных доходов: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2019. 150 с.

6. Юсупов Н.В. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) имущества, полученного от преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2011. 177 с.

7. Якимов О.Ю. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и уголовно-политические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2004. 208 с.

8. Кузьмина О.Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2020. 210 с.

9. Благов Е.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 118-127.

10. Ткачев И.О. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76¹ УК РФ) // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 30-35.

REFERENCES

1. Talan M.V. Sovershenstvovanie ugovolno-pravovykh norm ob otvetstvennosti za legalizatsiyu prestupnykh dohodov s uchetom zakonodatel'nykh popravok 2010-2011 gg. // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2012. № 3 (21). S. 50-59.

2. Podushkin A.A. Legalizatsiya (otmyvanie) prestupnykh dohodov (kriminologicheskij aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2007. 201 s.

3. Davydov V.S. Ugolovnaya otvetstvennost' za legalizatsiyu (otmyvanie) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennykh prestupnym putem: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Sankt-Peterburg, 2006. 185 s.

4. Kuzahmetov D.R. Legalizatsiya (otmyvanie) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennykh prestupnym putem: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Kazan', 2006. 221 s.

5. Homich O.V. Legalizatsiya (otmyvanie) prestupnykh dohodov: ugovolno-pravovoe i sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.08. Moskva, 2019. 150 s.

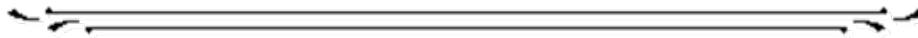
6. YUsupov N.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za legalizatsiyu (otmyvanie) imushchestva, poluchennogo ot prestuplenij v sfere nezakonnoogo oborota narkoticheskikh sredstv, psihotropnykh veshchestv ili ih analogov: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2011. 177 s.

7. YAKimov O.YU. Legalizatsiya (otmyvanie) dohodov, priobretennykh prestupnym putem: ugovolno-pravovye i ugovolno-politicheskie problemy: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Saratov, 2004. 208 s.

8. Kuz'mina O.N. Institut osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti: genезis formirovaniya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy optimizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Krasnodar, 2020. 210 s.

9. Blagov E.V. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti v svyazi s vozmeshcheniem ushcherba // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 8 (105). S. 118-127.

10. Tkachev I.O. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti v svyazi s vozmeshcheniem ushcherba (st. 761 UK RF) // Ugolovnaya yusticiya. 2019. № 14. S. 30-35.

Информация об авторе:

Муksiнова Аделя Фаридовна, преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, delish_ne@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Muksinova Adelya F., Lecturer, Criminal Law Department of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, delish_ne@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 28.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.37973/KUI.2022.67.92.015

**КОНФИСКАЦИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Константин Дмитриевич Муратов,
Российский государственный университет правосудия
(Крымский филиал), Москва, Россия, muratow666@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье с позиций исторических аспектов обосновывается значение правовых последствий конфискации орудий и средств совершения преступления; затрагиваются проблемы конфискации денег, ценностей и иного имущества, разрешение вопросов о которых может быть определено в судебных решениях в условиях межотраслевых связей уголовного судопроизводства, так как спор о принадлежности вещественных доказательств разрешается в порядке гражданского судопроизводства (п. 6 ч. 3 ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Материалы и методы: методологическая основа исследования представлена совокупностью диалектико-материалистических (философских), общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция и др.), а также частнонаучных методов. Эмпирическую основу исследования составили ответы следователей, прокуроров судей на авторские вопросы анкеты по теме исследования; кроме того, изучены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также международные договоры России о взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Обзор литературы: проведен анализ мнений ученых по исследуемым проблемам, который позволил автору обосновать предложения по дальнейшему совершенствованию законодательной модели конфискации вещественных доказательств с позиций назначения уголовного судопроизводства.

Результаты исследования: автор предлагает придать ряду предметов, документов и имущества, изъятых на основании применения ряда международных договоров, статуса «международных» вещественных доказательств с целью обеспечения их сохранности, эффективного раскрытия преступления и восстановления нарушенных прав.

Обсуждение и заключение: предлагается научно обоснованное мнение о совершенствовании изъятия и конфискации электронных носителей информации и электронной информации в условиях неправомерного использования правонарушителями информационных компьютерных технологий.

Ключевые слова: конфискация вещественных доказательств; безопасность государства; международное сотрудничество; изъятие электронных носителей информации; эффективное раскрытие преступления; конфискация орудий преступления

© Муратов К.Д., 2022

Для цитирования: Муратов К.Д. Конфискация вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве: современные правоприменительные проблемы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 113 – 119. DOI: 10.37973/KUI.2022.67.92.015

Scientific article
UDC 343.1
DOI: 10.37973/KUI.2022.67.92.015

CONFISCATION OF PHYSICAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: MODERN LAW ENFORCEMENT ISSUES

Konstantin Dmitrievich Muratov,
the Russian State University of Justice (Crimean Branch), Moscow, Russia, muratow666@mail.ru

Abstract

Introduction: in the study, from the standpoint of historical aspects, the significance of the legal consequences of the confiscation of tools and means of committing a crime is substantiated, as well as the issues of confiscation of money, valuables and other property, the fate of which is resolved on the basis of the norms of criminal and criminal procedural law from the standpoint of the appointment of criminal proceedings and protection of rights (paragraph 6 of part 3 of Article 81 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).

Materials and Methods: methodological basis of the study is represented by a set of dialectical-materialistic (philosophical), general scientific methods of knowledge (analysis, synthesis, induction, deduction, etc.), as well as specific scientific methods. The empirical basis of the study consisted of answers of investigators, prosecutors of judges to the author's questionnaire on the topic of research; in addition, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as international treaties of Russia on mutual legal assistance in criminal matters were studied.

Relevance: the author conducted the analysis of the opinions of scientists on the issues under study that allowed him substantiate proposals for further improvement of the legislative model of confiscation of physical evidence from the perspective of the purpose of criminal proceedings.

Results: the author suggests to give to a number of items, documents and property confiscated on the basis of a number of international treaties the status of “international” material evidence in order to ensure their safety, effectively solve crimes and restore violated rights.

Discussion and Conclusions: a scientifically based opinion is offered on improving the seizure and confiscation of electronic media and electronic information in the context of the misuse of transnational information technologies by offenders.

Key words: *confiscation of material evidence; state security; international cooperation; seizure of electronic media; effective detection of a crime; confiscation of crime instruments*

© Muratov K.D., 2022

For citation: Muratov K.D. Confiscation of physical evidence in criminal proceedings: modern law enforcement problems // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 113 – 119. DOI: 10.37973/KUI.2022.67.92.015

Введение

Генезис института конфискации в отечественном уголовном праве и уголовном процессе обеспечивает понимание современной законодательной модели конфискации имущества и вещественных доказательств. В Русской Правде упоминаются хорошо известные в истории древние процедуры уголовного процесса: «поток и разграбление», «заглаживание обиды», «деятельное покаяние» [1, с. 271; 287-288], ставшие историческими прообразами современных процедур изъятия и конфискации имущества с целью восстановления прав потерпевшего. В Псковской Судной грамоте закреплялись следующие про-

цессуальные процедуры: «выемка поличного», «обыска хранилища», «опознания краденного», «хранение имущества», «потери иска», «возврата имущества», а также представлены конфискация (штраф – «продажа») и установление ответственности за «возмещение долга самовольно» «на истца виновного в самоуправстве» [2, с. 10-12]. Известные общероссийские законы XV-XVI вв. (Судебник 1497 года Великого князя Ивана III (Княжеский Судебник) и Судебник 1550 года Царя Ивана IV (Царский Судебник)) вводили новую форму процесса – сыск, следственный, инквизиционный и розыскной процесс. Розыскные процедуры совершенствовались с течением

времени: правовым основанием розыска выступал древний документ – «жалобница»; «распрос пойманных о сообщниках»; «допрос «лихого» человека». Начали свое формирование новые имущественные виды наказаний: пеня, продажа, конфискация. Как писал М.Ф. Владимирский-Буданов: «Поличное» – непосредственная улика в виде украденных вещей, найденных у похитителя под замком. А поличное то, что выимут из клетки из-за замка; а найдут что во дворе, или в пустой хормине, а не за замком, ино то не поличное» [3]. Продолжением развития форм розыскного процесса явились многие известные исторические письменные памятники русского права – Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (1715), инструкция 1756 г. «Определенному для сыска и искоренения воров и разбойников Главному сыщику», положение «О порядке сыска и деятельности и о взаимодействии при этом с другими органами», «Свод законов Российской империи» 1832 г., 1842 г., 1857 г. Судопроизводство делилось на три части: следствие, суд и исполнение. В 1775 г. в каждой губернии создан штат чинов прокурорского надзора (губернский прокурор с двумя помощниками – «стряпчими» по уголовным и казенным делам) [4]. Только с 1860 года появились особые судебные следователи в составе судебного ведомства. На предварительном следствии надлежало выяснить «*corpus delicti*» (существо дела), для чего производились допросы, осмотры, выемки, обыски. Как отмечал И.Я. Фойницкий, на стадии формального следствия должны были быть окончательно установлены все обстоятельства дела, чтобы суд не встретил «ни малейшего затруднения или сомнения для постановления по делу приговора» [5].

Исторические нормативные акты сформировали прообразы современных процедур хранения, ареста и конфискации изъятого имущества, а также правые последствия судьбы вещественных доказательств. Таким образом, в современном уголовном судопроизводстве, следуя историческим традициям уголовного права и уголовно-процессуального права, необходимо различать: а) *арест и возможную конфискацию имущества* как иную меру принуждения (ст. 115 – 116 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)) и меру уголовно-правового характера (глава 15¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)) с целью возмещения вреда государству и обществу, а также потерпевшим; б) *арест и возможную конфискацию вещественных доказательств* с целью воспрепятствования преступной деятельности и

восстановления прав законных владельцев вещественных доказательств и социальной справедливости с позиций целей наказания (п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, п.п. 4, 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ). Конфискация вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, должна исследоваться с позиций а) *уголовно-процессуального права* (арест и конфискация вещественных доказательств), б) *уголовного права* (арест и конфискация имущества); в) *межотраслевых позиций* (гражданско-правовые правоотношения при конфискации имущества – вещественных доказательств – с целью противодействия коррупции, возмещения ущерба потерпевшим и международного сотрудничества).

Материалы и методы

Методологическая основа исследования представлена совокупностью диалектико-материалистических (философских), общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция и др.), а также частных методов исследования, среди которых исторический, сравнительно-правовой, социологический, системно-логический, формально-юридический и др. методы. Диалектический метод научного познания позволил определить исторические, сравнительно-правовые социологические приемы в выявлении и исследовании проблем. Теоретическая основа исследования основана на трудах ученых в области уголовно-процессуального, уголовного, конституционного и международного права, криминалистики. Использованы монографические работы, написанные в различные периоды развития истории права и государства. Полученным выводам способствовал анализ выступлений современных авторов по исследуемой проблематике. Нормативную основу исследования составило уголовное и уголовно-процессуальное законодательство и законодательство зарубежных стран. Изучены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также международные договоры России о взаимной правовой помощи по уголовным делам. Эмпирическую основу исследования составили ответы следователей, прокуроров судей на авторские вопросы анкеты по теме исследования.

Обзор литературы

В исследованиях авторы подчеркивают значение соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Так, В.А. Азаров пришел к выводу о необходимости «производить опись и налагать арест на имущество и устранит пробел и двойственное толкова-

ние закона, а для органов дознания – препятствия в реальном обеспечении материальных интересов граждан, потерпевших от преступлений» [6, с. 125-126]. Проблемы, возникающие при аресте имущества, и ошибки, допускаемые органами следствия и суда, были предметом исследования К.Б. Калиновского, прокомментировавшего постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.01.2011 № 1-П, направленное на предотвращение злоупотреблений, ограничивающих право собственности, а также попыток в рамках уголовного процесса решить вопросы, отнесенные к компетенции гражданского судопроизводства [7, с. 9, 34]. Наложение ареста на имущество З.З. Зинатуллин определял как процессуальное действие, заключающееся в описании имущества и запрещении пользоваться им лицу, в чьем владении оно находится, и не относил его к следственным действиям [8, с. 63]. Ф.Н. Багаутдинов высказал мнение, что судебный порядок получения решения о наложении ареста на имущество снижает ценность принципа процессуальной самостоятельности следователя. В остальных случаях судебное решение необходимо [9, с. 107, 194]. Б.Б. Булатов считает принципиальным вопрос о свойствах судебного решения при наложении ареста на имущества и предлагает ввести запрет на кассационное обжалование данного судебного решения, что, по его мнению, обеспечит немедленное вступление в законную силу судебного решения после его оглашения в судебном заседании [10, с. 208-209]. В связи с этим Н.Г. Муратова отмечает, что следующим шагом законодателя должно быть продолжение перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, но уже с позиций антикоррупционного законодательства, принятого в стране и мире. Необходимо внести в ст. 73 УПК РФ пункт 9 следующего содержания: «Обстоятельства, подтверждающие, торговлю влиянием, утаивание имущества-доходов, представление и получение выгоды в виде

материальных благ, любых преимуществ физическими и юридическими лицами, вопреки законным интересам общества и государства» [11, с. 20-21].

Кроме того, представляют интерес мнения ученых об электронных доказательствах. С.В. Зуев перечисляет виды электронных сведений (электронная почта, текстовые файлы и с изображениями, а также записи, хранящиеся сетевым и интернет-провайдерами)¹. Применяются термины из сферы цифровых технологий: цифровая (электронная) валюта, криптовалюта, фиатная валюта, майнинг, блокчейн, хеш, хеширования, облачные вычисления, игровой (технологический) автомат, робототехника, электронная почта, компьютеризации производства, обеспечение финансовой безопасности, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», служба мгновенных сообщений, хищение персональных данных, «виртуальный криминал» [12, с. 10-15].

Действительно, уголовно-процессуальное законодательство содержит систему норм о правовом регулировании электронных носителей информации и электронной информации, а также о процессуальных гарантиях обеспечения прав владельца электронных носителей информации и обладателя содержащейся на них информации (ч. 1 и ч. 4 ст. 81¹ УПК РФ и ч. 2.1 82 УПК РФ). В связи с этим авторское исследование данных проблем позволило выявить мнение практических работников о необходимости внесения в уголовно-процессуальное законодательство понятия «электронные вещественные доказательства»: положительно на этот вопрос ответили следователи Следственного комитета России и следователи МВД России (292) – 23%,² прокуроры (221) – 22%,³ судьи (79) – 19%⁴.

Результаты исследования

Совершенствование законодательного регулирования правового механизма конфискации имущества и конфискации вещественных

¹ Зуев С.В. Электронные доказательства, используемые в уголовном процессе. 4-я видеолекция // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: <https://www.iaaj.net/node/226> (дата обращения: 03.07.2022).

² Сопроводительные письма в адрес автора данного исследования руководителей подразделений Следственного комитета России и МВД России с ответами на вопросы анкет следователей из регионов России: Республик Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Ульяновской, Тюменской, Свердловской, Самарской, Нижегородской областей от 27.08.2022 № 3/225210588760, от 06.09.2022 № 3/226606046185, от 10.08.2022 № 3/225210315977, от 19.08.2022 № 3/226605697272, от 24.08.2022 № 3/225210450630, от 25.08.2022 № 3/225210507778 (МВД России); от 26.08.2022 № 218-130-22, от 19.08.2022 № ОТСК-213-81351-22, от 10.08.2022 № 213-22-22, от 18.08.2022 № 218/3-1367-22/сл).

³ Сопроводительные письма в адрес автора данного исследования руководителей органов Прокуратуры Российской Федерации с ответами на вопросы анкет прокуроров из регионов России: Республик Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Чувашской Республики, Ульяновской, Тюменской, Свердловской, Самарской, Нижегородской областей от 01.09.2022 № 6-58-22, от 31.08.2022 № 16-85-2022, от 30.08.2022 № ГСП-10 603105, от 24.08.2022 № 6-40/От10-22/13474, от 25.08.2022 № 22/1-16-2022/6853-22-20360001, от 11.08.2022 № 06-17-2022/От42-22, от 21.08.2022 № 15-351-2022/Он2836-22, от 19.08.2022 № 06-48-2022/От87-22/6449, от 23.08.2022 № 6-1695-2022.

⁴ Сопроводительные письма в адрес автора данного исследования руководителей судебных органов Российской Федерации с ответами на вопросы анкет судей из регионов России: Республик Башкортостан, Татарстан, Ульяновской, Свердловской, Самарской, Нижегородской областей от 12.09.2022 № 22-15/308, от 30.08.2022 № 3480/0110, от 18.08.2022 № 1ж-1075, от 12.08.2022 № 01/02-04 6028, от 25.08.2022 № УОС-02-17, от 05.08.2022 № 01/3449.

доказательств происходило последовательно и поэтапно.

Материально-правовая законодательная модель конфискации – это, прежде всего, изменение уголовного законодательства. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹ была признана утратившей силу ст. 52 УК РФ, которая устанавливала в качестве одного из дополнительных видов наказания конфискацию имущества. Затем Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ² законодатель вернул в УК РФ конфискацию имущества со статусом «иная мера уголовно-правового характера» (гл. 15¹ УК РФ). Далее УК РФ предлагает законодательную модель совместимости процессуальных процедур конфискации: Федеральный закон от 10 июля 2012 г. № 107-ФЗ³ регламентировал правило замены конфискации предмета или имущества, если это невозможно, конфискацией денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета в судебном решении (ч. 1 ст. 104² УК РФ) или сопоставимого имущества в порядке гражданского процессуального законодательства (ч. 2 ст. 104² УК РФ).

Процессуально-правовая законодательная модель конфискации – это изменение уголовно-процессуального законодательства. Возможность конфискации имущества в виде вещественных доказательств изначально предусматривалась в УПК РФ: в тех случаях, когда речь идет об орудиях преступления, принадлежащих обвиняемому при вынесении приговора или определения, а также постановления о прекращении уголовного дела (п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ). Затем в УПК РФ внесён пункт о конфискации денег, ценностей и иного имущества, указанных в «а», «б», «в», «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ (п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ). Кроме того, вещественные доказательства в виде денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления и доходов

от этого имущества, обнаруженных при производстве следственных действий, подлежат аресту как имущество с целью возможной конфискации имущества (п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Обсуждение и заключение

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации относительно конфискации имущества, по нашему мнению, четко определили и понятийный ряд видов конфискуемого имущества, и содержательный ряд процессуальных процедур, и правовые последствия конфискации имущества⁴. При передаче предметов, документов, имущества и конфискации вещественных доказательств в рамках международного сотрудничества необходимо применять правила международных договоров, если они не противоречат Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 1 УПК РФ). Уголовно-процессуальный закон претерпел изменения: ушло в прошлое одно из новых обстоятельств возобновления производства по уголовному делу, установленное Европейским судом по правам человека: нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (утратило силу п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ в соответствии с Федеральным законом от 11.06.2022. № 180-ФЗ)⁵ [21]. В настоящее время в УПК РФ осуществлено правовое регулирование производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем. Федеральным законом от 05.12.2017 № 387-ФЗ в УПК РФ была введена глава 55¹ «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419069/ (дата обращения: 03.07.2022).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма: Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ; О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 21.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419069/ (дата обращения: 03.07.2022).

³ О внесении изменений в ст. 104.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 10.07.2012 № 107-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419069/ (дата обращения: 14.08.2022).

⁴ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 14.08.2022).

⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419069/ (дата обращения: 03.07.2022).

преступным путем»¹. В связи с этим авторское исследование о возможных новых видах вещественных доказательств было продолжено. На вопрос о необходимости внесения в уголовно-процессуальное законодательство понятия «международное» вещественное доказательство практические работники ответили следующим образом: положительно ответили следователи Следственного комитета России и следователи МВД России (292) – 4%, прокуроры (221) – 6%, судьи (81) – 4%. На основании этого резюмируем, что проблема существует и имеет явные научные перспективы. Полагаем, что «международные» вещественные доказательства – это предметы, документы, электронная информация на электронных носителях информации, содержащие сведения, на основании которых суд прокурор следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значения для дела при производстве отдельных процессуальных действиях за пределами территории

Российской Федерации по правилам ч. 3 ст. 2 УПК РФ и ч. 1.1. ст. 3 УПК РФ и в соответствии с международным сотрудничеством в сфере уголовного судопроизводства (часть пятая УПК РФ).

Резюмируем вышеизложенное: а) сформировавшиеся исторические традиции о конфискации вещественных доказательств и имущества имели явно выраженный, прежде всего, материально-правовой характер, а затем трансформировались в уголовно-процессуальные процедуры; б) конфискация вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве должна исследоваться с позиций уголовно-процессуального права (арест и конфискация вещественных доказательств), уголовного права (арест и конфискация имущества) и межотраслевых позиций (гражданско-правовые правоотношения при конфискации имущества – вещественных доказательств – с целью противодействия коррупции, возмещения ущерба потерпевшим и международного сотрудничества).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, её значение / под ред. О.И. Чистякова. Москва: ИКД «Зерцало-М», 2002. 379 с.
2. Муратов К.Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 248 с.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на Дону: Феникс, 1995. 639 с.
4. Халиуллина Л.Г. Эволюция системы предварительного расследования в России в X – второй половине XX века. В 3-х кн. Кн.3. Казань: Фолиантъ, 2008. 272 с.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства (печатается по третьему изданию, СПб, 1910). В 2 т. Т.1. / общ. ред., послесл., прим.: Смирнова А.В. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 552 с.
6. Азаров В.А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Омск: Изд-во Ом. ВШМ МВД России, 1995. 188 с.
7. Калиновский К.Б. Ограничены пределы применения ареста имущества по уголовному делу // Уголовный процесс. 2011. № 2. С.9.
8. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 136 с.
9. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступлений: монография. Москва: Юрлитинформ, 2002. 277 с.
10. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск: Ом. акад. МВД России, 2003. 320 с.
11. Муратова Н.Г. Пределы уголовно-процессуального доказывания коррупционных фактических обстоятельств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. №12. С.18-21.
12. Ищенко Е.П. Виртуальный криминал. Москва: Проспект, 2015. 232 с.

REFERENCES

1. YUshkov S.V. Russkaya Pravda. Proiskhozhdenie, istochniki, eyo znachenie / pod red. O.I. CHistyakova. Moskva: IKD «Zercalo-M», 2002. 379 s.
2. Muratov K.D. Sushchnost', znachenie i pravovye posledstviya vyemki po ugovolnym delam: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2013. 248 s.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 05.12.2017 № 387-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419069/ (дата обращения 03.07.2022).

3. Vladimirskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. Rostov-na Donu: Feniks, 1995. 639 s.
4. Haliullina L.G. Evolyuciya sistemy predvaritel'nogo rassledovaniya v Rossii v H - vtoroj polovine HKH veka. V 3-h kn. Kn.3. Kazan': Foliant", 2008. 272 s.
5. Fojnickij I.YA. Kurs ugolovnogogo sudoproizvodstva (pechataetsya po tret'emu izdaniyu, SPb, 1910). V 2 t. T.1. / obshch. red., poslesl., prim.: Smirnova A.V. Sankt-Peterburg: Al'fa, 1996. 552 s.
6. Azarov V.A. Problemy teorii i praktiki ohrany imushchestvennyh interesov lichnosti v ugolovnom sudoproizvodstve. Omsk: Izd-vo Om. VSHM MVD Rossii, 1995. 188 s.
7. Kalinovskij K.B. Ogranicheny predely primeneniya aresta imushchestva po ugolovnomu delu // Ugolovnyj process. 2011. № 2. S.9.
8. Zinatullin Z.Z. Ugolovno-processual'noe prinuzhdenie i ego effektivnost' (voprosy teorii i praktiki). Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1981. 136 s.
9. Bagautdinov F.N. Obespechenie imushchestvennyh prav lichnosti pri rassledovanii prestuplenij: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2002. 277 s.
10. Bulatov B.B. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya. – Omsk: Om. akad. MVD Rossii, 2003. 320 s.
11. Muratova N.G. Predely ugolovno-processual'nogo dokazyvaniya korrupcionnyh fakticheskikh obstoyatel'stv // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2009. № 12. S. 18-21.
12. Ishchenko E.P. Virtual'nyj kriminal. Moskva: Prospekt, 2015. 232 s.

Информация об авторе:

Муратов Константин Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), muratow666@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Muratov Konstantin D., Candidate in Law (Research Doctorate), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of Russian State University of Justice (Crimean Branch), muratow666@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 14.10.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.132.5
DOI: 10.37973/KUI.2022.93.51.016

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 89 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Михаил Владимирович Назаров,
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
mnazarov22@mvd.ru

Аннотация:

Введение: статья посвящена анализу состояния института использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в уголовном процессе. Рассматривается действующая редакция статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Особое внимание уделено положениям смежных нормативных правовых актов, регулирующих использование результатов ОРД при расследовании уголовных дел, их рассмотрении судом по существу. Установлены обстоятельства, указывающие на необходимость приведения к единым формулировкам норм уголовно-процессуального закона с иными нормативными источниками, к которым в практической деятельности обращаются следователь (дознатель), сотрудники органа дознания.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили диалектический метод научного познания, логический, сравнительно-правовой методы, а также наблюдение и другие частные методы исследования правовых явлений. Материалами исследования послужили доктринальные источники, а также отечественное законодательство.

Результаты исследования: автор выделяет нормы, требующие симметричного изложения в УПК РФ, а также Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Отмечается, что нормативно-правовое регулирование исключительно процессуальной процедуры имплементации результатов ОРД в уголовной процесс осуществляется непрофильным источником.

Обсуждение и заключение: на основании проведенного исследования автор предлагает внесение изменений в статьи 89, 140 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовный процесс; доказательства; результаты оперативно-розыскной деятельности; орган дознания; статья 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; предоставление результатов оперативно-розыскной деятельности; оперативный уполномоченный; направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности; следствие; дознание; суд

© Назаров М.В., 2022

Для цитирования: Назаров М.В. Изменение положений статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как необходимый этап развития института уголовно-процессуального использования результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № . С. 120 – 127. DOI: 10.37973/KUI.2022.93.51.016

Scientific article

UDC: 343.132.5

DOI: 10.37973/KUI.2022.93.51.016

CHANGING THE PROVISIONS OF ARTICLE 89 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A NECESSARY STAGE IN THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL PROCEDURE USE OF THE RESULTS OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Mikhail Vladimirovich Nazarov,
the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Yekaterinburg, Russia,
mnazarov22@mvd.ru

Abstract:

Introduction: the author analyses the use of the results of investigation activity in criminal proceedings: considers Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author pays special attention to acts regulating the use of the results of the activity in the investigation of criminal cases and their consideration by the court on the merits. Identified circumstances indicating the need to bring to a single wording of the norms of criminal procedural law with other normative sources which in practice the investigator (inquirer), employees of the body of inquiry refer to.

Materials and Methods: methodology of the study were dialectical method of scientific cognition, logical, and comparative legal methods, observation and other specific study methods. Materials of the study were doctrinal recourses, and Russian legislation.

Results: the author identifies norms that require symmetrical presentation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the Federal Law "On investigative activity". It is noted that the legal regulation of the solely procedural procedure for implementation of the results of the investigative activity in the criminal process is carried out by non-core source.

Discussion and Conclusions: on the basis of the study, the author proposes amendments to Articles 89, 140 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal process; proof of; results of investigation activities; body of inquiry; providing the results of the ORD; operational officer; directions of use; consequence; inquiry; court

© Nazarov M.V., 2022

For citation: Nazarov M.V. Changing the Provisions of Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a Necessary Stage in the Development of the Institute of Criminal Procedure Use of the Results of Investigative Activities // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (50). P. 120 – 127. DOI: 10.37973/KUI.2022.93.51.016

Введение

Использование носителей информации, не имеющих процессуального статуса, в рамках уголовного судопроизводства всегда являлось предметом научных дискуссий. Причиной тому послужило отсутствие надлежащего порядка их получения, гарантий соблюдения прав изобличаемых лиц, методов подтверждения объективности собранного и т.д. Указанные взгляды господствуют в науке уголовного процесса на протяжении многих десятилетий. Еще Н.А. Якубович утверждала: «Непроцессуальные формы познания не содержат столь надежных гарантий достоверности, и потому сведения, полученные из таких источников, всегда рассматриваются как предварительные, ориентирующие. Они не входят в до-

казательственный материал и не могут служить основанием для юридически значимых решений по делу, за исключением начала производства по делу (п. 6 ст. 108 УПК РСФСР) и производства отдельных следственных действий (ч. 2 ст. 1225, ст. 1686 и др. УПК РСФСР)» [7, с. 290]. Изложенное касается ряда категорий, в число которых входят вещественные доказательства, иные документы, результаты ОРД. Их вовлечение в сферу уголовно-процессуальных правоотношений происходит путем приведения в действие правового механизма, включающего следующие элементы: «субъект уголовно-процессуальной деятельности» – «установленный законом способ получения, истребования» – «итоговый процессуальный результат». К первому элементу относятся лица, производящие

расследование по уголовному делу либо его рассмотрение (следователь, дознаватель, суд). Ко второму – конкретное процессуальное действие (их совокупность), посредством которого законодатель допускает возможность определения процессуального положения материального либо иного носителя информации, например, составление протокола, вынесение постановления. Третий элемент описываемого механизма подразумевает конечную цель совершаемой процедуры, например: установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, наложение ареста на имущество, возмещение причиненного вреда и т.д.

В фокусе нашего исследования находится институт уголовно-процессуального использования результатов ОРД ввиду высокой актуальности их применения в правоприменительной деятельности. Это обусловлено характером современной преступности. Эффективное противодействие ей невозможно сугубо уголовно-процессуальными средствами. Так, в России за период с января по май 2022 г. зарегистрировано 822,4 тысячи преступлений, из них 204 821 совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, 74773 – связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ¹. Очевидно, что раскрытие указанных преступлений, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, осуществление правосудия возможно путем качественного взаимодействия оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Обзор литературы

Изучение необходимости изменения положений статьи 89 УПК РФ в фокусе развития института уголовно-процессуального использования результатов ОРД потребовало обращения к доктринальным точкам зрения, сформулированным учеными-процессуалистами советского и последующего периода: Н.А. Якубовичем, А.А. Давлетовым, В.К. Зникиным. Также проанализированы позиции ученых, продолжающих исследование данного вопроса: В.Ю. Стельмаха, Ю.Н. Соколова, А.Е. Выговтова, А.Ю. Олимпиева.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования выступили нормы отечественного уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, использованы статистические сведения об актуальном состоянии преступности в Российской Федерации за январь – май 2022 года², научные изыскания по

вопросам обозначенной и смежной проблематики, важной составляющей стали материалы судебной практики Читинского районного суда Забайкальского края за 2021 год. Методологическая основа статьи представлена диалектическим методом научного познания, логическим, сравнительно-правовым методами, наблюдением, иными частными методами исследования правовых явлений.

Результаты исследования

Несомненно, оконченное преступление, равно как приготовление, покушение на его совершение, образует в объективной действительности множество новой информации. Ее получение и фиксация установленными законом способами есть проявление познавательной активности участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения либо суда, обращенное к минувшему времени. А.А. Давлетов считает, что специфика ретроспективного познания заключается в том, что оно осуществляется на основе двойного отражения. Первое отражение, возникающее в момент совершения преступления на окружающих его явлениях и вещах, носит объективный характер. Второе же отражение, возникающее в сознании субъектов процессуального познания (доказывания), является субъективным [2, с. 28]. Соглашаясь с приведенным мнением, также полагаем, что уголовно-процессуальное познание не ограничивается доказыванием. В среде исследователей-процессуалистов вектор научных интересов смещен именно к данному вопросу. Лишь немногие ученые обращают свой взор на то, что при проверке по сообщению о преступлении, расследовании уголовного дела, рассмотрении его судом правоприменитель обращается к имеющимся материалам не только с целью оценки их доказательственной составляющей. Значительное количество информации выступает стимулом к принятию процессуальных решений, например, об определении местонахождения изъятых предметов (камера хранения либо возврат на ответственное хранение), возможности предоставления свидания родственникам с уголовно-преследуемым лицом, находящимся под стражей и т.д. Немногие осознают обширность данного направления в науке уголовного процесса. В этом контексте отметим позицию Ю.Н. Соколова: «Формы использования процессуальной информации наиболее широки. Она, как и непроцессуальная информация, может служить для ориентации следователя при выборе оптимальных

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – май 2022 года: официальный интернет-ресурс МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/30967346/> (дата обращения: 09.09.2022).

² Там же.

и организационных решений, может быть положена в основу принятия планируемых мер процессуального принуждения по уголовному делу, использована при производстве следственных действий в тактических целях (например, путем предъявления доказательств при допросе), а также в качестве сведений, на основании которых могут быть сформированы доказательства» [5, с. 91]. В связи с изложенным средства получения данной информации становятся основным «инструментом» в руках государственно-властных участников уголовного судопроизводства. Разумеется, к способам получения процессуально-значимой информации законом и практикой выдвинуты 2 требования: 1) нормативное закрепление в уголовно-процессуальном законе, 2) соответствие его же требованиям, включая соблюдение процессуальной формы сбора, использования. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации подразумевает следующие способы получения сведений, имеющих значение для расследования, рассмотрения уголовного дела по существу:

- производство следственных действий (ст. 176 – 207 УПК РФ);

- производство процессуальных действий, таких как направление запроса и т.д. (ч. 4 ст. 20, ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

- разрешение ходатайств, в ходе которых заявившее лицо может предоставить документ, предмет для его оценки на предмет значимости для целей уголовного судопроизводства (ст. 119 – 122 УПК РФ);

- процессуальное действие, по своей правовой природе являющееся частным случаем заявления ходатайств, – приобщение к материалам уголовного дела документов, представленных суду (ст. 286 УПК РФ);

- использование в доказывании результатов ОРД (ст. 89 УПК РФ)¹.

Последний способ является уникальным в силу ряда обстоятельств. Во-первых, сбор и закрепление искомым сведений, имеющих перспективное уголовно-процессуальное значение, происходит в рамках иной отрасли права. Во-вторых, субъектами, которые зачастую на момент осуществления ОРД вовсе могут быть не вовлечены в орбиту уголовно-процессуальных отношений. Должностные лица оперативных подразделений являются органом дознания в силу закона, но до предоставления

соответствующих материалов следователю (дознавателю), в суд фактически не реализуют собственный процессуальный статус. В-третьих, сбор, фиксация и надлежащее оформление полученной информации осуществляются посредством принципиально иных средств, т.е. оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Процесс имплементации результатов ОРД в сферу уголовного судопроизводства осуществляется посредством осуществления ряда инициативных действий сотрудников органов дознания, которые таким образом реализуют уголовно-процессуальные правомочия. Ряд из них корреспондирует обязанности следователя по сбору, проверке и оценке доказательств. Однако, как мы указывали ранее, познавательные возможности процессуально-значимой информации шире, чем вопросы доказывания. Примечательно, что институт использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве сравнительно «молод» и, на наш взгляд, далек от своей зрелости. Его становление в привычном для нас состоянии произошло благодаря двум событиям: 1) принятию публичных нормативных правовых актов, регулирующих гласные аспекты ОРД, в числе которых использование их результатов в уголовном судопроизводстве, 2) принятию действующего УПК РФ, допускающего использование результатов ОРД. Ранее, т.е. до 1992 года, использование результатов ОРД в уголовном процессе выступало некой правовой абстракцией, основанной на правоприменительной практике в конкретной местности и не имеющей единообразия. Убедителен довод В.Ю. Стельмаха: «Немаловажное значение имел и тот факт, что законодательного акта, регламентирующего ОРД, до 1992 г. не имелось, и она регулировалась исключительно ведомственными нормативными актами, к тому же имеющими гриф секретности» [6, с. 30]. Принятие действующего Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», содержащего упомянутую статью 11², не только создало нормативные предпосылки к использованию результатов изначально непроцессуальных мероприятий в уголовном судопроизводстве, но и породило ряд проблем теоретического характера. Они лишь приумножились с вступлением в силу УПК РФ. Дело в том, что направления использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве представляют собой нормы

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2022).

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 10.09.2022).

уголовно-процессуального характера, но регулируются не профильным нормативным источником, а смежным Федеральным законом, посвященным иному виду правоохранительной деятельности. Наряду с этим, сомнительной является и формулировка статьи 89 УПК РФ, начиная от ее названия «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности», заканчивая диспозицией: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». В то же время статья 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», по нашему мнению, имеющая более удачное наименование «Использование результатов ОРД», предусматривает следующие направления применения в уголовном процессе: 1) результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; 2) для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, подлежащего конфискации; 3) результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, 4) использоваться в доказывании по уголовным делам. Очевидно, что УПК РФ вновь обращается лишь к доказательственным возможностям ОРД, необоснованно исключая остальные. При этом достаточное количество оперативно-служебных документов, предоставляемых следователю (дознавателю) в рамках результатов ОРД, служит цели подготовки процессуальных действий, решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Их использование не только для целей доказывания, но и подготовки иных следственных действий, приводящих к изобличению лица в совершении преступления, находит отражение и судебной практике. Так, описательно-мотивировочная часть одного из обвинительных приговоров Читинского районного суда Забайкальского края содержит следующий пример: суд находит неубедительными доводы стороны защиты о том, что по делу не добыто каких-либо доказательств личной заинтересованности Л. в получении взаимной услуги, а результаты ОРМ не доказывают о связи Л. с П. Однако, согласно информации, представленной ОАО «Мегафон» по детализации соединений по абонентскому номеру Л. и

абонентским номером П. за период с 01.01.2018 по 29.06.2018, подтверждается систематическое общение подсудимого Л. с П. в исследуемый судом период в различное время суток. Представленные на СД-диске материалы осмотрены, признаны вещественным доказательством, приобщены к материалам дела¹. В результате ранее предоставленных результатов ОРД в виде детализации телефонных соединений подготовлено и произведено следственное действие «Осмотр», по результатам которого предметы признаны вещественными доказательствами. Подобных примеров не счесть.

Подготовка к производству следственных и судебных действий представляет собой важный этап познавательной деятельности участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и разрешения дела, в связи с этим необходимо создать условия процессуального обеспечения обозначенной процедуры посредством нормы уголовно-процессуального закона. Аналогичное положение дел сложилось с использованием результатов ОРД для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Между тем известно, что предоставленные результаты ОРД не образуют собой самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела. В практической деятельности, как и в теории уголовного процесса, их принято рассматривать как сообщение о преступлении, полученное из иных источников. Законодатель планировал предусмотреть универсальное решение, позволяющее с учетом стремительно меняющихся общественных отношений должным образом реагировать на информацию о противоправных деяниях, поступающую в адрес процессуально правомочных лиц. Например, сегодня сообщить о преступлении возможно посредством направления электронного письма в адрес подразделения МВД, СК России и т.д. Считаем, что нормативно-установленный порядок сбора, проверки, представления результатов ОРД отличает их от любых других сообщений о преступлении. Изложенный факт подтверждает необходимость придания особого положения результатам ОРД среди поводов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. По нашему мнению, УПК РФ должен учитывать данное обстоятельство.

В настоящее время нормативно-правовое регулирование порядка использования результатов ОРД в уголовном процессе в большей мере регулируется Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», а также Ин-

¹ Дело № 1-381/2021 от 24.11.2021 по обвинению Липаева Л.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 Уголовного Кодекса Российской Федерации: Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qBJTK8nwS1NO/> (дата обращения: 15.09.2022).

струкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд¹, чем УПК РФ. Именно в указанных источниках содержатся ключевые аспекты имплементации результатов ОРД в уголовно-процессуальную сферу. После вынесения рапортов, постановлений, сообщений, т.е. соблюдения порядка ввода результатов ОРД в материал проверки по сообщению о преступлении либо уголовное дело происходит изменение статуса передаваемых документов с оперативно-розыскных на уголовно-процессуальные. Подчеркнем, что последовательность действий, круг компетентных субъектов, их права, обязанности регламентированы не УПК РФ, а иными источниками, что само по себе парадоксально. Кроме необоснованного сужения направлений использования результатов ОРД в уголовном процессе, представляется спорным само изложение статьи 89 УПК РФ в следующей редакции: «В процессе доказывания запрещается...», «если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Двойное отрицание приводит в замешательство. Как отметил А.Ю. Олимпиев: «Наименование поименованной статьи однозначно указывает на допустимость, во всяком случае, использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов ОРД. А вот содержание этой же статьи фактически представляет запрет на использование результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании, ибо результаты ОРД являются следствием оперативно-розыскных мероприятий, а не уголовно-процессуальных действий» [4, с. 247].

С учетом вышеизложенного считаем, что в настоящее время существует объективная необходимость в установлении тождества норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК РФ, регулирующих направления использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Статья 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» представляет собой емкую, содержательную норму, исчерпывающим образом определяющую направления использования результатов ОРД в уголовном процессе. Полагаем необходимым изменить положение статьи 89 УПК РФ, унифицировав ее со статьей 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», исключив из содержания последней несвойственные уго-

ловному судопроизводству направления. Предлагаем изложить статью 89 УПК РФ в следующей редакции:

«УПК РФ Статья 89. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве

1. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы:

1) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

2) результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями настоящего Кодекса, регламентирующими соби- рание, проверку и оценку доказательств;

3) результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, подлежащего конфискации».

Облечение статьи 89 УПК РФ в предлагаемую нами редакцию – есть ни что иное, как нормативно-пригодная форма, регламентирующая надлежащее использование результатов ОРД в уголовном процессе. Подчеркнем, что указанная статья находится в 3 разделе УПК РФ (Доказательства в уголовном судопроизводстве). Так как каждое из вышеприведенных направлений использования результатов ОРД служит цели установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, каких-либо обстоятельств, препятствующих их включению в состав статьи 89 УПК РФ, не существует. Аналогичной позиции придерживаются и отдельные ученые-процессуалисты. В частности, В.К. Зникин в диссертационном исследовании на тему научных основ оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений предлагает изложить статью 89 УПК РФ следующим образом: «Результаты оперативно-розыскной деятельности при соблюдении законных процедур могут быть использованы в доказывании по уголовным делам, для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, служить поводом и основанием для возбуждения уголовных дел» [3]. На наш взгляд, за пределы статьи 89 и раздела доказы-

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России от 27.09.2013 № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.09.2022).

вания УПК РФ необходимо вынести положения о возможности возбуждения уголовного дела на основании предоставленных результатов ОРД. Полагаем, что целесообразно дополнить часть 1 статью 140 УПК РФ пунктом 5:

«УПК РФ Статья 140. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела

1. Поводами для возбуждения уголовного дела служат:

«5) предоставленные в установленном законом порядке результаты оперативно-розыскной деятельности».

Обсуждение и заключение

Не разрешенные до настоящего времени противоречия между традиционно признаваемой ценностью и высоким правовым значением уголовно-процессуальной формы, с одной стороны, и реальными потребностями следственной и судебной практики в части использования в доказывании результатов ОРД, с другой – обу-

словливают осторожность и нерешительность законодателя в отношении данных вопросов [1]. Законодательные изменения послужат должной правовой регламентации использования результатов ОРД в уголовном процессе, устроят необоснованно узкое представление в среде теоретиков относительно уголовно-процессуальных ресурсов данного вида правоохранительной практики. Все это является необходимым этапом генезиса института уголовно-процессуального использования результатов ОРД. Любой вид человеческой деятельности, в том числе и нормотворческая, не может быть идеальным изначально. Вместе с тем устранение пробелов и законодательных формулировок, предполагающих неоднозначную интерпретацию в регулировании общественных отношений, должно быть своевременным. Сегодня сформированы объективные причины корректировки положений ст. 89, 140 УПК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вытовтов А.Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск: Омская академия МВД России, 2020. 24 с.
2. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997. 190 с.
3. Зникин В.К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.09 // Электронная библиотека диссертаций «Dissercat»: URL: <https://www.dissercat.com/content/nauchnye-osnovy-operativnorozysknogo-obespecheniyaobespecheniya-raskrytiya-i-rassledovaniya-prestuplenii> (дата обращения: 17.09.2022).
4. Олимпиев А.Ю. О противоречивости положений ст. 89 УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 246 – 248.
5. Соколов Ю.Н. Процессуальная и непроцессуальная информация (формы использования в уголовном судопроизводстве) // Евразийский юридический журнал. 2010. № 4 (23). С. 90 – 91.
6. Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности как доказательств по уголовным делам // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 3 (74). С. 29 – 36.
7. Якубович Н.А. Понятие и содержание процесса доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин.-изд. 2-е испр. и доп. Москва, 1973. 736 с.

REFERENCES

1. Vytovtov A.E. Rezul'taty operativno-rozysknoj deyatel'nosti kak sredstva dokazyvaniya v ugovolnom sudoproizvodstve (po materialam ugovolnyh del ekonomicheskoy napravlenosti): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2020. 24 s.
2. Davletov A.A. Osnovy ugovolno-processual'nogo poznaniya. Ekaterinburg, 1997. 190 s.
3. Znikin V.K. Nauchnye osnovy operativno-rozysknogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: avtoref. dis.... d-ra jurid. nauk: 12.00.09 // Elektronnyaya biblioteka dissertacij «Dissercat»: URL: <https://www.dissercat.com/content/nauchnye-osnovy-operativnorozysknogo-obespecheniyaobespecheniya-raskrytiya-i-rassledovaniya-prestuplenii> (data obrashcheniya: 17.09.2022).
4. Olimp'ev A.YU. O protivorechivosti polozhenij st. 89 UPK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. № 6. S. 246 – 248.
5. Sokolov YU.N. Processual'naya i neprocessual'naya informaciya (formy ispol'zovaniya v ugovolnom sudoproizvodstve) // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2010. № 4 (23). S. 90 – 91.

6. Stel'mah V.YU. Nekotorye problemy dopustimosti rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti kak dokazatel'stv po ugovolnym delam // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 3 (74). S. 29 – 36.

7. YAkubovich N.A. Ponyatie i sodержanie processa dokazyvaniya // Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe / otv. red. N.V. ZHogin.-izd. 2-e ispr. i dop. Moskva, 1973. 736 s.

Информация об авторе:

Назаров Михаил Владимирович, адъюнкт Уральского юридического института МВД России, mnazarov22@mvd.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Nazarov Mikhail V., adjunct of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, mnazarov22@mvd.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 18.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.235
DOI: 10.37973/KUI.2022.72.57.018

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Сергей Николаевич Титов,
Ульяновский государственный педагогический университет
имени И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия,
s.n.titov@yandex.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена вопросам квалификации преступлений против интеллектуальной собственности с использованием виновным своего служебного положения, а также проблеме законодательного закрепления указанного квалифицирующего признака.

Материалы и методы: использован метод системного анализа, а также изучения и обобщения судебной практики, послужившей эмпирической основой исследования.

Результаты исследования: автор приходит к выводу, что использование служебного положения применительно к рассматриваемой проблеме – это совершение преступных действий в отношении объектов интеллектуальной собственности не только с использованием должностных полномочий либо прав, но и возможностей, обусловленных служебным положением виновного.

В круг специальных субъектов, которым может быть вменен данный признак, входят не только должностные лица, государственные и муниципальные служащие и руководители коммерческих организаций, но и лица, выполнение трудовых функций которых связано с объектами интеллектуальной собственности.

Представляется обоснованным предусмотреть квалифицирующий признак совершения преступления с использованием служебного положения для всех составов преступления против интеллектуальной собственности.

Обсуждение и заключение: автор предлагает к обсуждению изменения в действующее уголовное законодательство и разъясняющие документы высшей судебной инстанции, учитывающие полученные результаты исследования в отношении круга специальных субъектов и круга составов преступления, в которых учтен этот признак.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; авторские права; коммерческая тайна; патентные права; использование служебного положения; квалифицированные составы; преступление против интеллектуальной собственности; должностное преступление

© Титов С.Н., 2022

Для цитирования: Титов С.Н. Использование служебного положения как квалифицирующий признак преступлений против интеллектуальной собственности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 128 – 135. DOI: 10.37973/KUI.2022.72.57.018

Scientific article
UDC 343.235
DOI: 10.37973/KUI.2022.72.57.018

USE OF OFFICIAL POSITION AS A QUALIFYING SIGN OF CRIMES
AGAINST INTELLECTUAL PROPERTY

Sergey Nikolaevich Titov,
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanova, Ulyanovsk, Russia,
s.n.titov@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article is devoted to the issues of qualification of crimes against intellectual property using the perpetrators of their official position, as well as the issue of legislative consolidation of the specified qualifying feature.

Materials and Methods: the author, in the study of these problematic issues, primarily used the method of system analysis, as well as the study and generalization of judicial practice.

Results: the author came to several significant conclusions. The use of one's official position in the commission of crimes against intellectual property is the commission of criminal acts against objects of intellectual property not only using official powers or rights, but also the opportunities due to the official position of the perpetrator.

The circle of special subjects who can be imputed to this attribute includes not only officials, state and municipal employees and heads of commercial organizations, but also persons whose performance of labor functions is related to working with intellectual property objects.

It seems reasonable to provide for a qualifying sign of committing a crime using one's official position for all elements of a crime against intellectual property.

Discussion and Conclusions: the author proposes for discussion changes to the current criminal legislation and explanatory documents of the highest judicial instance, taking into account the results of the study in relation to the range of special subjects and the range of offenses that take into account this feature.

Keywords: *intellectual property, copyright, trade secret, patent rights, abuse of office, qualified compositions, crime against intellectual property, malfeasance*

© Titov S.N., 2022

For citation: Titov S.N. Use of Official Position as a Qualifying Sign of Crimes Against Intellectual Property // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 128 – 135. DOI: 10.37973/KUI.2022.72.57.018

Введение

Использование виновным своего служебного положения при совершении преступления в уголовном праве имеет тройное значение.

Во-первых, оно является обязательным признаком основного состава некоторых преступлений, совершаемых специальным субъектом, например, нарушения равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)), воспрепятствования проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149 УК РФ) и др.

Во-вторых, совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора, в соответствии с п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ, признается отягчающим обстоятельством.

В-третьих, использование лицом своего служебного положения выступает квалифицирующим признаком для отдельных составов преступлений. Число таких составов с течением времени увеличивается. Если на момент принятия УК РФ таковых было менее тридцати, то в настоящее время их более шестидесяти. Предметом исследования статьи является использование служебного положения именно в этом аспекте применительно к преступлениям против интеллектуальной собственности.

Обзор литературы

В юридической литературе проблеме учета использования виновным служебного положения при совершении преступлений посвящены труды М.А. Ефремовой, Л.В. Иногамовой-Хегай, Н.А. Лопашенко, Н.В. Мирошниченко, Е.А. Рускевича, А.В. Шнитенкова и др.

Материалы и методы

Методологическую основу данного исследования составил диалектический метод познания. Дополнительно были использованы различные общие и частные научные методы, в первую очередь анализ и синтез, системно-структурный и формально-логический методы, исследование и обобщение судебной практики.

Материалами исследования послужили нормы уголовного законодательства Российской Федерации, материалы судебной и правоприменительной практики, научная литература.

Результаты исследования

Основной вопрос, который требует разрешения в рамках рассматриваемой проблемы, это определение трех взаимосвязанных понятий: служебное положение, использование служебного положения и лицо, использующее служебное положение.

В действующей редакции статей о преступлениях против интеллектуальной собственности признак использования виновным своего служебного положения предусмотрен п. «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ и ч. 2 ст. 183 УК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 27 постановления от 26.04.2007¹ к этой группе субъектов применительно к нарушению авторских и смежных прав относит три группы лиц.

Во-первых, это должностное лицо, обладающее признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ. Во-вторых, это государственный или муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом. В-третьих, это иное лицо, отвечающее требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ (например, руководитель предприятия любой формы собственности, поручающий своим подчиненным незаконно использовать авторские или смежные права).

В отношении первых двух категорий не возникает никаких сомнений. Следует лишь подчеркнуть важность для квалификации исследования документов о должностных полномочиях соответствующего субъекта [1, с. 34]. Вопрос о тре-

тью категории заслуживает более детального рассмотрения.

Примером такой трактовки является следующее уголовное дело: подсудимый на своем компьютере незаконно использовал программные продукты в крупном размере. Делал он это как в личных, так и в служебных целях. Судом он был признан виновным по п. «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ. Однако апелляционный суд признал неверным вменение подсудимому совершение преступления с использованием служебного положения и переквалифицировал деяние на ч. 2 ст. 146 УК РФ².

Интересным в данном определении является трактовка признака использования служебного положения. Для констатации данного признака суд считает необходимым два условия: лицо должно быть руководителем организации и использовать свои служебные полномочия для совершения преступления. Примеров подобной трактовки признака использования служебного положения в судебной практике предостаточно³.

Следует подчеркнуть, что одного занятия руководящего положения виновным для вменения признака использования служебного положения недостаточно. Подлежит доказыванию именно использование возможностей такого положения для совершения преступления. Это обстоятельство является причиной ошибок в квалификации.

Директор коммерческого общества незаконно использовал программный продукт «AutoCAD 2015», причинив вред крупный вред правообладателю. Органами предварительного следствия его действия квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ.

Между тем по делу не было установлено, что виновный использовал для совершения преступления полномочия директора либо использовал полномочия, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в организации.

В связи с этим судом из квалификации был исключен признак совершения преступления с использованием служебного положения⁴.

Таким образом, в соответствии с этим подходом, если субъект не занимает руководящего

¹ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 // Российская газета. 2007. 5 мая.

² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26.03.2019 по делу № 22-2366/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2022).

³ Постановление Президиума Краснодарского краевого суда от 02.03.2011 по делу № 44у-147/2011 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»); апелляционное определение Свердловского областного суда от 09.09.2021 по делу № 33-13120/2021 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»); апелляционное определение Свердловского областного суда от 27.08.2021 по делу № 22-5763/2021; апелляционное определение Свердловского областного суда от 02.07.2021 по делу № 22-4250/2021; кассационное определение Новосибирского областного суда от 11.05.2011 № 22-1980/2011.

⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Томска от 18.05.2016 по делу № 1-30/16 . URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 21.07.2022).

положения в организации, то вменение этого признака недопустимо. Такая позиция представляется спорной. Дискуссия по этому вопросу идет среди ученых, как в отношении отдельных категорий преступлений, так и признака использования служебного положения в целом. Имеющиеся в литературе суждения на эту тему в целом можно разделить на две группы.

Первая позиция соответствует описанному выше подходу судов. Для вменения виновному признака совершения преступления с использованием служебного положения необходимо занятие им руководящего положения в организации. А.В. Шнитенков, например, пишет, что совершение преступления рядовыми служащими не говорит о повышении общественной опасности содеянного, а противоположный подход необоснованно уравнивает положение руководителей и рядовых сотрудников [2, с. 333]. Н.А. Лопашенко указывает, что круг лиц, использующих свое служебное положение, нельзя расширять до бесконечности [3, с. 502]. В целом ряде работ обосновывается, что повысить общественную опасность деяния способны лишь властные полномочия виновного [4, с. 307; 5, с. 290 – 295].

В то же время предложения о расширении трактовки данного признака звучат все чаще. Например, в отношении преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ, М.А. Ефремова оценивает в качестве неверной позицию, согласно которой подобными субъектами могут быть лишь руководители [6, с. 207]. Е.А. Русскевич предлагает относить к лицам, использующим служебное положение (в т.ч. на законных основаниях), менеджеров, программистов и т.п. [7, с. 38].

Иногамова-Хегай Л., Череведов С. пишут, что, даже оставаясь рядовым служащим, последний, находясь в системе служебной иерархии, имеет, как правило, возможность оказать содействие, повлиять, принять решение [8, с. 29].

Далеко не каждое совершенное работающим или служащим лицом преступление связано с его профессиональной деятельностью, хотя практически любое преступление может быть совершено лицом при исполнении профессиональных обязанностей [9, с. 198]. В связи с этим предлагается, например, шире применять признак совершения деяния с использованием своего служебного положения в составах хищений [10, с. 17]. В значительном числе научных работ по этой тематике специальный субъект тракту-

ется максимально широко и включает в себя не только должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, но и сотрудников некоммерческих организаций, не располагающих распорядительными полномочиями [11, с. 173; 3, с. 502; 12, с. 19–22].

Последнюю из названных точек зрения следует признать заслуживающей внимания. Повышенная общественная опасность деяний, совершаемых с использованием служебных положений, обусловлена теми возможностями, используемыми виновным, которые облегчают совершение преступления и, соответственно, увеличивают разрушительную силу воздействия преступника на общественные отношения. Не согласимся с позицией, согласно которой при совершении преступления с использованием служебного положения всегда страдает дополнительный объект в виде интересов организации [13, с. 10]. Например, в приведенных выше делах вред интересам организаций, в которых состоялись нарушения авторских прав, далеко не очевиден.

Данные дополнительные возможности, очевидно, могут основываться не только на распорядительных полномочиях лица в рамках организации, но и на доступе к сведениям, материальным ценностям, оборудованию и т.д.

Увеличение общественной опасности при рассматриваемом признаке преступления основывается на том, что служебное положение облегчает совершение преступления ввиду имеющихся у лица полномочий, информации или доступа к ней, доверия со стороны тех или иных граждан и т.д. Облегчение совершения преступления повышает разрушительные, деструктивные возможности виновного. В связи с этим не представляет большой разницы возможности должностного лица и работника, не обладающего властными полномочиями.

Соответствующий подход можно проследить в правоприменительной практике по делам о различных категориях преступлений.

На основании методических рекомендаций Генпрокуратуры Российской Федерации к субъектам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 272 УК РФ, отнесены все лица, на законных основаниях использующие информацию, в том числе администраторы баз данных и программисты¹.

Существуют разъяснения Верховной судебной инстанции относительно этого квалифицирующего признака для иных преступлений. Приме-

¹ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генпрокуратурой России). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2022).

нительно к преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков указывалось, что под исполняющим свое служебное положение лицом (пункт «в» части 2 статьи 229 УК РФ) следует и лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами¹.

Применительно к преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия, признак совершения преступления с использованием служебного положения в ст. 226 УК РФ трактуется как хищение соответствующих предметов лицом, которое наделено служебными полномочиями, связанными с оборотом оружия, без привязки к его распорядительным полномочиям².

В судебной практике по делам о преступлениях против интеллектуальной собственности также встречаются случаи вменения рассматриваемого признака, когда способ совершения преступления прямо не связан с распоряжениями подчиненным со стороны руководителя.

Являясь первым заместителем директора коммерческого общества и лицом, ответственным за техническое обслуживание компьютерной техники, А. решил незаконно использовать программные продукты.

Для этого А. указал индивидуальному предпринимателю, обслуживающему компьютерную технику, на необходимость установки на компьютеры бухгалтеров общества программных продуктов с имеющегося у А. накопителя.

После этого сотрудники бухгалтерии общества, не осведомленные о преступном умысле А., использовали контрафактные программные продукты для ведения финансово-хозяйственной деятельности общества³.

Во-первых, А. не является руководителем организации. Во-вторых, требование об установке контрафактного программного продукта обращено к лицу, не находящемуся с виновным в служебной зависимости. В-третьих, прямое указание на использование контрафактных продуктов сотрудниками бухгалтерии отсутствует.

Еще больше распространен такой подход при рассмотрении судами дел по ч. 2 ст. 183 УК РФ.

Д., являясь специалистом в офисе продаж коммерческой организации, в соответствии с должностной инструкцией был обязан обеспечивать сохранность информации, составляющей коммерческую тайну. Находясь на своем рабочем месте, он, используя предоставленные ему полномочия, скопировал информацию о виде оказываемой услуги, фактической и тарифной длительности соединения, стоимости оказываемой услуги, которые, в соответствии с приказом генерального директора общества, являются коммерческой тайной. После чего, используя в личных целях полученные вышеуказанные сведения, незаконно разгласил их, передав данные сведения третьим лицам⁴.

Представляется верной более широкая трактовка признака использования своего служебного положения, с включением в нее сотрудников некоммерческой организации, не занимающих руководящего положения.

Поскольку толкование данного признака уже осуществлено высшей судебной инстанцией, причем неоднозначно, представляется изменить трактование этого признака в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 с указанием того, что под лицом, использующим при совершении преступления свое служебное положение, следует понимать также иное лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с объектами интеллектуальной собственности.

Рассмотрим содержание использования служебного положения с объективной стороны. В науке наиболее распространен подход, согласно которому под использованием служебного положения принято понимать как действия, входящие в должностные полномочия виновного, так и не входящие, но возможные благодаря занятию определенной должности [14, с. 38–39; 15, с. 327; 16, с. 2].

В судебной практике по делам о преступлениях против интеллектуальной собственности чаще всего встречаем примеры первой категории.

К., являясь директором общества, действуя от его имени и осуществляя руководство техни-

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 // Российская газета. 2006. 28 июня.

² О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 // Российская газета. 2002. 19 марта.

³ Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 02.12.2016 по делу № 1-428/2016. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 22.07.2022).

⁴ Приговор Кировского районного суда г. Астрахани от 22.06.2017 по делу № 1-320/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EqfO5m9uLkVE/?page=5®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=%D1%87+2+%D1%81%D1%82.+183+%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4&_id=1658479706241®ular-judge=&snippet_pos=128#snippet (дата обращения: 21.07.2022).

ческой деятельностью предприятия, умышленно незаконно использовал объекты авторского права на двух персональных компьютерах. Действия К. квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ, ему назначено наказание в виде двух лет лишения свободы условно¹.

Между тем распространены случаи и другой трактовки. Примером этого может быть описанное выше дело по ч. 2 ст. 183 УК РФ. Для дел данной категории это часто встречающаяся практика. Служащий, имеющий доступ к коммерческой тайне, передавая ее третьим лицам, разумеется, не выполняет порученной работы. В подобных случаях виновный лишь использует те возможности, которые дает ему занимаемая должность, например доступ к информации.

Таким образом, использование служебного положения можно определить как совершение преступных действий с использованием должностных полномочий либо прав и возможностей, обусловленных служебным положением виновного.

Далее рассмотрим вопрос о наличии такого признака в нормах о преступлениях против интеллектуальной собственности. Следует отметить, что здесь имеет место недостаток системности. Дело в том, что в статье 146 УК РФ соответствующий квалифицированный состав представлен, а в статье 147 УК РФ нет. Конечно, это не означает, что использование служебного положения при нарушении патентных прав не может быть учтено. Какотягчающее обстоятельство, оно подлежит оценке на основании ст. 63 УК РФ. По нашему мнению, было бы более корректным включить данный признак во все составы преступлений против интеллектуальной собственности. Данное предложение уже неоднократно высказывалось в литературе [13, с. 10–11] и заслуживает поддержки. Это позволит соблюсти принцип системности регулирования ответственности за преступления против интеллектуальной собственности и более адекватно отразить в законодательстве признак использования служебного положения.

С точки зрения признаков состава этот квалифицирующий признак следует представить следующим образом. Использование служебного положения может сопровождаться причинением вреда факультативному объекту в виде интересов службы в организации. К признакам

объективной стороны в этом случае прибавляется способ – преступление совершается с применением тех возможностей, которые предоставлены виновному по службе. С субъективной стороны преступление совершается с прямым умыслом, поскольку виновный осознает совершение преступления с использованием служебного положения и желает этого. Также этот квалифицирующий признак предполагает наличие специального субъекта как представителя одной из категорий субъектов, которые описаны выше.

Обсуждение и заключение

Подводя итог, можно сформулировать основные выводы.

1. Использование служебного положения при совершении преступлений против интеллектуальной собственности – это совершение преступных действий в отношении объектов интеллектуальной собственности с использованием должностных полномочий либо прав и возможностей, обусловленных служебным положением виновного.

2. Под лицом, совершающим преступление против интеллектуальной собственности с использованием своего служебного положения, следует понимать, во-первых, должностное лицо, обладающее признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, во-вторых, государственного или муниципального служащего, не являющегося должностным лицом, в-третьих, лицо, отвечающее требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ, в-четвертых, иное лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с объектами интеллектуальной собственности. Для формирования единообразной судебной практики по данному вопросу представляется целесообразным внесение соответствующих дополнений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака».

3. Представляется обоснованным предусмотреть квалифицирующий признак совершения преступления с использованием служебного положения для всех составов преступлений против интеллектуальной собственности.

¹ Приговор Сысертского районного суда Свердловской области от 25.01.2017 по делу № 1-3/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 21.07.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гостькова Д.Ж., Штефан А.В. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых при исполнении должностных полномочий служащими органов внутренних дел // Российский следователь. 2022. № 1. С. 33–37.
2. Шнитенков А.В. Использование служебного положения как квалифицирующий признак состава преступлений // Материалы Российского конгресса уголовного права 29–30 мая 2008 г / отв. редактор В.С. Комиссаров. Москва, 2008. 736 с.
3. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. Москва: Норма: Инфра-М, 2012. 528 с.
4. Кочои С.М. Уголовное право: Общая и Особенная части: краткий курс. Москва: КОНТРАКТ; Волтерс Клувер, 2010. 416 с.
5. Плохова В.И. Субъект присвоения и растраты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». 2000. № 1. С. 290–295;
6. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности. Москва: ЮРЛИТИН-ФОРМ, 2018. 312 с.
7. Рускевич Е.А. О квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых с использованием служебного положения // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 35–41.
8. Иногамова-Хегай Л., Черобедов С. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием служебного положения // Уголовное право. 2008. № 4. С. 25–30
9. Мирошниченко Н.В. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: проблемы уголовно-правовой теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2015. 480 с.
10. Кучерук В.И. Проблемы совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за кражу. Ставрополь, 2004. 120с.
11. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 176 с.
12. Егорова Н.А. Ответственность за «служебные» мошенничества: необходимость новых правовых подходов // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 19–22.
13. Рясов А.В. Признак «использование служебного положения» и его уголовно-правовая оценка по уголовному законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2009. 27 с.
14. Волженкин В.Б. Служебные преступления. Москва: Юристь, 2000. 368 с.
15. Утевский Б.С. Общее учение о должностных преступлениях. Москва: Юр. издат-во Министерства юстиции СССР, 1948. 439 с.
16. Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. 2000. № 6. С. 2–6.

REFERENCES

1. Gost'kova D.ZH., SHtefan A.V. Problemy kvalifikacii prestuplenij, sovershaemyh pri ispolnenii dolzhnostnyh polnomochij sluzhashchimi organov vnutrennih del // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 1. S. 33–37.
2. SHnitenkov A.V. Ispol'zovanie sluzhebnoego polozheniya kak kvalificiruyushchij priznak sostava prestuplenij // Materialy Rossijskogo kongressa ugovolnogo prava 29–30 maya 2008 g / otv. redaktor V.S. Komissarov. Moskva, 2008. 736 s.
3. Lopashenko N.A. Posyagatel'stva na sobstvennost'. Moskva: Norma: Infra-M, 2012. 528 s.
4. Kochoi S.M. Ugolovnoe pravo: Obshchaya i Osobennaya chasti: kratkij kurs. Moskva: KONTRAKT; Volters Kluver, 2010. 416 s.
5. Plohova V.I. Sub"ekt prisvoeniya i rastraty // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Pravo». 2000. № 1. S. 290–295;
6. Efremova M.A. Ugolovno-pravovaya ohrana informacionnoj bezopasnosti. Moskva: YURLITINFORM, 2018. 312 s.
7. Russkevich E.A. O kvalifikacii prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii, sovershaemyh s ispol'zovaniem sluzhebnoego polozheniya // Rossijskoe pravosudie. 2019. № 2. S. 35–41.
8. Inogamova-Hegaj L., SHerebedov S. Kvalifikaciya prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem sluzhebnoego polozheniya // Ugolovnoe pravo. 2008. № 4. S. 25–30
9. Miroshnichenko N.V. Prestupleniya, svyazannye s narusheniem professional'nyh funkcij: problemy ugovolno-pravovoj teorii i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk:12.00.08. Moskva, 2015. 480 s.

10. Kucheruk V.I. Problemy sovershenstvovaniya ugovolno-pravovyh norm ob otvetstvennosti za krazhu. Stavropol', 2004. 120s.
11. Eliseev S.A. Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii (voprosy teorii). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1999. 176 s.
12. Egorova N.A. Otvetstvennost' za «sluzhebnye» moshennichestva: neobkhodimost' novyh pravovyh podhodov // Rossijskaya yusticiya. 2014. № 8. S. 19–22.
13. Ryasov A.V. Priznak «ispol'zovanie sluzhebного polozeniya» i ego ugovolno-pravovaya ocenka po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Rostov-na-Donu, 2009. 27 s.
14. Volzhenkin V.B. Sluzhebnye prestupleniya. Moskva: YUrist', 2000. 368 s.
15. Utevskij B.S. Obsheee uchenie o dolzhnostnyh prestupleniyah. Moskva: YUr. izdat-vo Ministerstva yusticii SSSR, 1948. 439 s.
16. Gauhman L. Korrupciya i korrupcionnoe prestuplenie // Zakonnost'. 2000. № 6. S. 2–6.

Информация об авторе:

Титов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, s.n.titov@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Titov Sergey N., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanova, Ulyanovsk, Russia, s.n.titov@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 23.07.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.85
DOI: 10.37973/KUI.2022.82.26.019

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ФОРМЫ АУТОДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Альбина Мансуровна Хафизова¹, Ильнур Азатович Музафаров²,
^{1,2} Казанский юридический институт МВД России,
¹ amxfizova@gmail.com, ² ilnurmuzaf@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена криминологическому анализу вовлечения несовершеннолетних в формы аутодеструктивного поведения в условиях информационной глобализации, обуславливающей появление новых видов данного поведения и способов вовлечения, требующих совершенствования мер предупредительного воздействия.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: системно-структурный анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, диалектический метод, тематический контент-анализ СМИ, аналитическое и статистическое исследование. Эмпирической основой исследования послужили исследованные авторами материалы правоприменительной практики (с 2018 года по настоящее время), а также данные проведенного социологического опроса.

Результаты исследования: предложена системная, многоуровневая программа эффективно предупредительного воздействия вовлечения несовершеннолетних в формы аутодеструктивного поведения.

Обсуждение и заключение: сформулированы выводы о необходимости дальнейшего совершенствования мер предупреждения рассматриваемого явления.

Ключевые слова: предупреждение; вовлечение несовершеннолетних; деструктивная деятельность; аутодеструктивное поведение; деятельность; доведение до суицида

© Хафизова А.М., Музафаров И.А., 2022

Для цитирования: Хафизова А.М., Музафаров И.А. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в формы аутодеструктивного поведения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 136 – 143. DOI: 10.37973/KUI.2022.82.26.019

Scientific article

UDC 343.85

DOI: 10.37973/KUI.2022.82.26.019

**PREVENTION OF INVOLVEMENT OF MINORS
IN FORMS OF AUTODESTRUCTIVE BEHAVIOR**

Al'bina Mansurovna Hafizova¹, Il'nur Azatovich Muzafarov²,
^{1,2} the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan' Russia,
¹ amxafizova@gmail.com, ² ilnurmuzaf@mail.ru

Abstract

Introduction: the article is devoted to the criminological analysis of juvenile involvement in self-destructive behavior in conditions of information globalization that determines the appearance of new types of this behavior and ways of involvement, requiring improvement of preventive measures at the present stage of society development.

Materials and Methods: the methodological basis of the study consisted of general scientific and special scientific methods of knowledge: system-structural analysis, synthesis, comparative legal method, dialectical method, thematic content-media analysis, analytical and statistical research.

Results: the conclusion was substantiated, according to which, a systemic, multilevel program of effective preventive impact of juvenile involvement in self-destructive behavior was proposed.

Discussion and Conclusions: the conclusions about the necessity of further improvement of preventive measures of the considered phenomenon are formulated.

Keywords: prevention; juvenile involvement; destructive activity; self-destructive behavior; activity; leading to suicide

© Hafizova A.M., Muzafarov I.A., 2022

For citation: Hafizova A.M., Muzafarov I.A. Prevention of Involvement of Minors in Forms of Autodestructive Behavior // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 136 – 143. DOI: 10.37973/KUI.2022.82.26.019

Введение

Аутодеструктивное поведение представляет собой отклоняющееся от медицинских и психологических норм поведение, угрожающее целостности и развитию самой личности, включающее суицидальное поведение, пищевую и химическую зависимость, членовредительство, деятельность с выраженным риском для жизни [1, с. 113]. Кроме того, оно связано с разными формами саморазрушений: от высокорискованных действий, нацеленных на поиск ощущений, до самоповреждений и суицидальных актов. Проявления у несовершеннолетнего подобного поведения могут стать источником повышенной опасности как для него самого, так и для его близких, окружающих и общества в целом. Игнорирование или несвоевременное выявление признаков аутодеструктивного поведения у ребенка нередко приводит к причинению им физического вреда самому себе, окружающим, суицидальным поступкам, появлению зависимостей (токсикомания, алкоголизм, наркомания) [2, с. 6-7]. В связи с этим особую значимость своевременного предупреждения вовлечения несовершеннолетних в аутодеструктивное поведение придает факт связи

несуицидальных самоповреждений с последующим возникновением суицидальных мыслей и действий.

Материалы и методы

Материальную основу исследования составили отечественные научные труды в области предупреждения вовлечения несовершеннолетних в различные формы аутодеструктивного поведения, фундаментальные труды криминологов, девиантологов, психологов и педагогов. Отраженные результаты подкреплены актуальными материалами правоприменительной практики, данными статистики и социологического опроса. Опрос проведен в период с декабря 2021 г. по март 2022 г. среди слушателей факультета профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации КЮИ МВД России, студентов колледжа РПА Минюста (более 100 человек).

Применяемые в процессе настоящего исследования системно-структурный анализ, синтез, тематический контент-анализ СМИ, сравнительно-правовой, диалектический, аналитический и статистический методы позволили проанализировать и обобщить существующие подходы к

предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения.

Обзор литературы

Изучению данной проблемы посвящены научные труды криминологов: Г.А. Аванесова, М.М. Бабаева, А.Н. Варыгина, Я.И. Гилинского, Е.В. Демидовой-Петровой, А.И. Долговой, Н.Ф. Кузнецовой, А.Е. Шалагина; кроме того, научные работы в области психологии и девиантологии несовершеннолетних: А.Г. Амбрумова, Ф.К. Зиннурова, Е.В. Змановской, Ю.А. Клейберга, Ю.Ю. Комлева, М.Н. Кузнецовой, Н.А. Польской, Е.Г. Трайнина, Л.Б. Шнейдера и др.

К фундаментальным исследованиям, рассматриваемой проблемы следует отнести следующие работы: «Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений» (Я.И. Гилинский, 2007), «Предупреждение преступлений в подростково-молодежной среде» (А.Е. Шалагин, 2022), «Преступность несовершеннолетних в современной России: вопросы изучения и предупреждения» (Е.В. Демидова-Петрова, 2021) [3], «Теория и практика профилактики девиантного поведения подростков в условиях социокультурной деятельности: история и современность» (Ф.К. Зиннуров, 2019), «Основы психологии девиантного поведения: монография» (Ю.А. Клейберг, 2014), «Девиантное поведение личности и группы» (Е.В. Змановская, В.Ю. Рыбников, 2019).

Результаты исследования

Проведенный нами анализ правоприменительной практики с 2018 года свидетельствует, что в настоящее время в субъектах Российской Федерации увеличивается количество случаев травмирования и гибели несовершеннолетних в результате высокорискованных действий, связанных с разными формами саморазрушения, нацеленных на поиск новых ощущений, включая самоповреждения и суицидальные акты [4, с. 341] (далее – аутодеструктивное поведение (деятельность)). Ежегодно количество поступающих в правоохранительные органы сообщений о суицидах детей составляет более четырех тысяч, схожие данные озвучиваются средствами массовой информации и независимыми исследованиями¹. Во многом распространению такого поведения

способствуют доступность и анонимность социальных сетей для несовершеннолетних (существуют отдельные сообщества и чаты по таким направлениям, как трейнсерфинг, руфинг и др.). Например, все большее число подростков в школах, детских оздоровительных лагерях, спортивных секциях участвуют в групповых «играх», связанных с целенаправленным сдавливанием сонной артерии для наступления кратковременной потери сознания. Согласно проведенному нами опросу молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, 77,8% из них знают о подобных «играх», видели их, принимали в них участие до наступления совершеннолетия.

Вместе с тем латентность таких девиаций и недостаточная работа систем профилактики приводит к увеличению числа подростков, придерживающихся аутодеструктивной субкультуры, приводящей к травмам и гибели несовершеннолетних.

Так, в 2020 г. в Республике Башкортостан в результате указанных выше действий путем сдавливания шеи руками одного из подростков погибла восьмилетняя девочка. Как было установлено следственными органами, после того как ребенок потерял сознание и не приходил в чувства, ее друзья пытались скрыть содеянное, сняв с нее одежду и поместив тело в водоем². В январе 2021 г. в г. Орске было обнаружено тело одиннадцатилетней школьницы, погибшей в результате удущья от самоповешивания в сарае³.

Такие негативные направления, как зацепинг, руфинг, приводят к тяжелым травмам и к гибели несовершеннолетних. Например, в феврале 2021 в Липецкой области на железнодорожной станции «Казинка» четырнадцатилетний подросток, забравшись на крышу грузового вагона, получил черепно-мозговую травму и термические ожоги⁴.

Кроме того, нередко случаи вовлечения несовершеннолетних через переписку в социальных сетях в совершение опасных действий на крышах и окнах, в результате которых, при наличии подтвержденного фотоотчета или прямой трансляции, подростки получают вознаграждение.

В целях установления детерминант рассматриваемой формы аутодеструктивного поведения и организации эффективного предупредительного

¹ Преступное поведение несовершеннолетних и преступления, связанные с доведением их до самоубийства (ст.ст. 110 – 110.2 УК РФ): проблемы расследования и профилактики: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 декабря 2020 года) / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. 183 с. URL: <https://ria.ru/20120220/570313334.html> (дата обращения: 01.02.2022); каждые 40 секунд в мире происходит самоубийство. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/09-09-2019-suicide-one-person-dies-every-40-seconds> (дата обращения: 01.02.2022).

² URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/217173/4275979/> (дата обращения: 27.09.2021).

³ URL: <https://orsk.ru/news/102627-v-orske-nashli-mertvoy-12-letnyuyu-shkolnicu> (дата обращения: 27.09.2021).

⁴ URL: <https://www.vesti.ru/article/2524367> (дата обращения: 27.09.2021).

воздействия в отношении него необходимо обратить внимание на окружение и семью погибших. В первом рассматриваемом нами случае несовершеннолетний, совершивший удушение, проживал с отцом, ранее ограниченным в родительских правах в связи с неоднократным привлечением к административной и уголовной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей. Более того, органами и учреждениями системы профилактики не были организованы учет и работа с данной неблагополучной семьей. Во второй ситуации родственники погибшей знали об ее увлечении асфилоксией, однако обращений к психологу не было. Работа органов опеки и попечительства с посещением данной семьи не проводилась в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Таким образом, на основании приведенных примеров можем заключить, что развитие личности, особенно динамично происходящее в детстве, отрочестве и юности, в связи с агрессивно-негативным воздействием семейной, образовательной и информационной среды приводит не только к снижению уровня физического и психического здоровья, но и часто к развитию аутодеструктивного и суицидального поведения несовершеннолетних.

Подростковый возраст – один из критических переходных периодов в жизненном цикле развития личности. Данный возрастной промежуток считается кризисным, поскольку происходят резкие качественные изменения, затрагивающие все стороны психологического и физиологического развития несовершеннолетнего. Также необходимо отметить, что социальная жизнь подростка в этот период изменчива и уязвима со стороны внешнего негативного влияния [5, с. 28.]. В связи с этим Министерством просвещения Российской Федерации были разработаны рекомендации по определению признаков формирования суицидального поведения, к которым можно отнести длительное уединение, бессонницу, отказ от питания, агрессию, проблемы с успеваемостью, попытки нанести себе увечья, появление в речи таких высказываний как «лучше смерть», «все пожалеют об этом», «я не нужен»¹.

Обсуждение и заключение

Мы определяем аутодеструктивное поведение как одну из форм проявления девиантного

развития личности. Распространению девиантного поведения среди подрастающего поколения на современном этапе способствуют процессы глобализации, цифровизации, сетевизации, урбанизации, массовой миграции [6, с. 220-222], принятие ценностей «общества потребления», отрицание культурных, этических, эстетических норм [7, с. 177-181]. Развитие информационно-телекоммуникационных технологий и проникновение их в повседневную жизнь способствуют распространению негативной субкультуры. Идеи аутодеструктивной деятельности интернет-пространства набирают огромную популярность в подростковой и молодежной среде, доступ к которым практически безграничен и способствует вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность. Полагаем, что термин «вовлечение» следует трактовать расширительно. Вовлечение предполагает активные действия, представляющие собой психическое или физическое воздействие на несовершеннолетнего, направленное на его склонение к какому-либо противоправному действию. Как правило, преступники для вовлечения несовершеннолетних в формы аутодеструктивного поведения прибегают к осуществлению различных подготовительных действий. Чаще всего они направлены на выбор несовершеннолетнего, который наиболее подходит для совершения аутодеструктивной деятельности; возникновение у подростка любопытства к различным формам аутодеструктивного поведения; уменьшение контроля несовершеннолетнего над своими действиями.

Проанализируем положительный опыт Республики Татарстан в предупредительном криминологическом аспекте вовлечения несовершеннолетних в различные формы аутодеструктивного поведения. В настоящее время в Республике Татарстан реализован проект «Цифровая гигиена» (<https://vk.com/gigyena>), целью которого является формирование модели профилактики отрицательного влияния информации на психическое, физическое и социальное благополучие подростков, профилактика заболеваний и несчастных случаев среди подростков, связанных с информацией, оздоровление окружающей информационной среды². В рамках проекта на платформах «YouTube» и «ВКонтакте» были размещены видеоролики по обеспечению

¹ О направлении информации (вместе с «Рекомендациями по проведению в образовательных организациях субъектов Российской Федерации мероприятий для родителей (законных представителей) по формированию культуры профилактики суицидального поведения несовершеннолетних с освещением вопросов, касающихся психологических особенностей развития детей и подростков, факторов поведения, необходимости своевременного обращения к психологам и психиатрам в случаях неадекватного или резко изменившегося поведения несовершеннолетнего»): письмо Минпросвещения России от 30.10.2020 № 07-6586.

² URL: <https://xn--h1ad4d.xn--80a4a.xn--b1aew.xn--p1ai/report/full/311?v=1&c=0&page=4#:~:text=https%3A//rcmipp.tatarstan.ru/tsifrovaya%2Dgigiena.htm> (дата обращения: 27.09.2021).

безопасности и сохранению личных данных, кибербуллингу, кибермошенничеству. На момент проведения исследования указанные видеоролики имели более 40 тысяч просмотров¹. Кроме того, более 20 лет республиканское добровольческое правоохранительное объединение учащейся, студенческой и работающей молодежи движение «Форпост» (<https://rcforpost.tatarstan.ru>) осуществляет профилактику правонарушений и преступлений совместно с органами внутренних дел². Ежегодно в мероприятиях движения принимают участие более 250 несовершеннолетних, состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, в результате 12% из них снимаются с учета в связи с исправлением. С 2019 года с положительной стороны зарекомендовал себя проект «Пилот-Т». Целью проекта является организация комплексной межведомственной профилактической работы в образовательных организациях, в которых по результатам мониторинга активности обучающихся в социальных сетях выявлялись группы риска несовершеннолетних с высоким риском деструктивного поведения. Благодаря данному проекту были выявлены несовершеннолетние, подписанные на группы футбольных фанатов «ультрас», «скулшутинга» (запрещено на территории Российской Федерации), «А.У.Е» (запрещено на территории Российской Федерации), «группы смерти»³.

Кроме того, серьезная работа по предупреждению криминализации подростковой среды проводится сотрудниками органов внутренних дел. Сотрудниками полиции проводится разъяснительная работа с детьми и родителями в непрерывном взаимодействии с администрациями учебных заведений в целях своевременного реагирования на девиантное поведение школьников и студентов. В 2021 году в Республике Татарстан количество уголовных дел по преступлениям с участием несовершеннолетних снизилось на 20,5% (с 873 до 694). Несовершеннолетними меньше совершено преступлений: в составе групп (-21,3%, с 338 до 266), совместно со взрослыми лицами (-30,8%, со 172 до 119), в общественных местах (-26,6%, с 518 до 380), в состоянии алкогольного опьянения (-42,2%, со

144 до 83), в состоянии наркотического опьянения (-50%, с 4 до 2), с участием судимых лиц (-27,7%, со 195 до 141)⁴. Однако необходимо учитывать, что в общей статистике преступности несовершеннолетних не отражается количество преступлений, совершаемых подростками, не достигших возраста уголовной ответственности.

Таким образом, эффективная программа профилактики вовлечения несовершеннолетних в формы аутодеструктивного поведения, по нашему мнению, может выглядеть следующим образом:

универсальная профилактика. Она должна быть направлена на повышение осведомленности о существующей проблеме аутодеструктивного поведения, о формах проявления и методах вовлечения, наступлении возможных последствий (например – 10 сентября – Всемирный день предотвращения самоубийств) [8, с. 62]. В связи с этим могут применяться меры по распространению наглядной информации на открытых онлайн-площадках в форме мероприятий, подготавливаемых различными некоммерческими организациями. Кроме того, на этом этапе необходимо осуществлять мониторинг сети Интернет на предмет выявления деструктивных интернет-сообществ, которые осуществляют вовлечение несовершеннолетних в свою противоправную деятельность. Еще одной формой универсальной профилактики является проведение профилактического информирования, например, в виде тематических лекций, семинаров, конкурсов и других мероприятий, направленных на обучение безопасному использованию интернет-пространства с разъяснением негативного влияния различных деструктивных интернет-сообществ. В связи с этим в рамках данной формы профилактики необходимо адресно доводить информацию о порядке обращения в территориальные органы МВД России, медицинские организации и другие органы профилактики при обнаружении признаков вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. Кроме этого, следует разработать и запустить специализированные линии доверия, аффилированные с МВД России, для лиц, столкнувшихся

¹ URL: <https://vk.com/gigyena> (дата обращения: 27.09.2021).

² URL: <https://xn--h1ad4d.xn--80a4a.xn--b1aew.xn--p1ai/report/full/311?v=1&c=0&page=4#:~:text=https%3A//docs.cntd.ru/document/574762144> (дата обращения: 27.09.2021).

³ О профилактике социально-негативных явлений в молодежной среде. Об организации работы по выявлению деструктивного поведения учащихся, своевременный взаимообмен информацией, в целях предупреждения совершения правонарушений и преступлений, профилактика буллинга (травли) : постановление Республиканской комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав от 20.05.2021 № 10-21. URL: https://rkdirt.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2826178.pdf (дата обращения: 27.09.2021).

⁴ Информация о реализации в 2021 году государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на 2014 - 2025 годы». URL: https://profilaktika-pkpp.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_3147286.pdf (дата обращения: 27.09.2021).

с пропагандой и вовлечением в аутодеструктивную деятельность, буллинг в образовательных учреждениях, семьях и ином окружении, с кибербуллингом, с домогательством в социальных сетях, либо с возникшими сомнениями о доброжелательности незнакомых лиц;

специальная профилактика – работа с несовершеннолетними, относящимися к группе риска и являющимися потенциальными участниками деструктивных молодежных групп. Основной целью данной профилактической работы является выработка определенной модели поведения, при которой несовершеннолетний будет ощущать себя значимым как для общества в целом, так и для отдельных индивидуумов [9, с. 127-130]. Для достижения указанной цели необходимо проводить работу по созданию условий по переориентации подростков в позитивное русло, а именно творчество, спорт, интеллектуальное развитие и т.д. Кроме того, профилактическую деятельность необходимо проводить не только индивидуально с несовершеннолетним, но и с его родителями или законными представителями, с целью разъяснения признаков асоциальных групп и негативного влияния их на личность подростка, способов вовлечения несовершеннолетних в данные группы, акцентируя внимание на необходимости контроля круга общения подростка как в реальной жизни, так и в социальных связях в сети Интернет.

Полагаем, что в рамках специальной профилактики целесообразно возрождение института школьных инспекторов в подразделениях по делам несовершеннолетних. Школьные инспекторы будут выступать связующим звеном между семьей, школой и органами внутренних дел. Только достижение слаженной совместной работы всех субъектов системы профилактики приведет к положительному эффекту от предупредительной деятельности вовлечения несовершеннолетних в аутодеструктивное поведение. В свою очередь, комплексная работа родителей, педагогов, психологов и сотрудников полиции по формированию

и развитию семейных, патриотических, нравственных, религиозных, мировоззренческих ценностей у несовершеннолетнего должна проходить постоянно, особенно следует уделить внимание детям в более раннем возрасте.

Нельзя не отметить еще одно важное направление в профилактической деятельности рассматриваемых противоправных деяний - сотрудничество с различными молодежными и общественными организациями правоохранительной направленности, волонтерами в рамках предупреждения вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества экстремистской направленности. В соответствии с официально опубликованными данными ГУОО-ОП МВД России в интернет-среде имеется свыше 200 сайтов, в которых граждане с активной жизненной позицией, молодежные блогеры, общественные организации при поддержке региональных властей осуществляют публикацию информации, как для несовершеннолетних, так и для их родителей¹.

Таким образом, программа предупреждения вовлечения несовершеннолетних требует объединения усилий всех институтов гражданского общества; кроме того, она должна быть системной и многоуровневой, учитывать влияние и взаимодействие различных факторов: социальных, гендерных, возрастных, психологических, организационно-управленческих и других и включать детальную, кропотливую работу по постоянному повышению квалификации специалистов специальных служб и педагогического сообщества, превентивную систематическую работу с законными представителями несовершеннолетних, совершенствование законодательной базы, регламентирующей вопросы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, разработку специальных мер, направленных на снижение уровня криминогенного воздействия взрослых на подростков, повышение уровня правовой культуры несовершеннолетних, в том числе и в вопросах уголовной ответственности.

¹ Состояние преступности за 2021 год // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: ИПрБУ/мвд.рф/геро^Б (дата обращения: 01.09.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: учебное пособие. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 352 с.
2. Польская Н.А. Аутодеструктивное поведение в подростковом возрасте: профилактика и основы психолого-медико-педагогической помощи. Москва: Центр защиты прав и интересов детей, 2019. 58.
3. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: вопросы изучения и предупреждения: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2021. 464 с.
4. Кузнецова М.Н. Обзор теоретических аспектов деструктивного поведения личности // Ученые записки университета им П.Ф. Лесгафта. 2018. № 2 (156). С.340-343.
5. Регуш Л.А. Психология современного подростка. Санкт-Петербург: Речь, 2005. 386 с.
6. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Зарубежный опыт предупреждения преступности в XXI веке // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 219 – 225. DOI: 10.37973/KUI.2020.67.83.012
7. Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сборник статей. Санкт-Петербург, 2017. С.177-181.
8. Щетинина Е.В. Проблемы развития культуры насилия в интернет-пространстве // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. № 2 (18). С. 127-130.
9. Федяй Д.С., Федотова Е.П., Нелюбова Я.К. Профилактика деструктивного поведения у детей и подростков как направление социально-психологического сопровождения участников образовательных отношений: учебно-методическое пособие. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2020. 80 с.

REFERENCES

1. Zmanovskaya E.V., Rybnikov V.YU. Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy: uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg: Piter, 2019. 352 s.
2. Pol'skaya N.A. Autodestruktivnoe povedenie v podrostkovom vozraste: profilaktika i osnovy psihologo-mediko-pedagogicheskoy pomoshchi. Moskva: Centr zashchity prav i interesov detej, 2019. 58.
3. Demidova-Petrova E.V. Prestupnost' nesovershennoletnih v sovremennoj Rossii: voprosy izucheniya i preduprezhdeniya: monografiya. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2021. 464 s.
4. Kuznecova M.N. Obzor teoreticheskikh aspektov destruktivnogo povedeniya lichnosti // Uchenye zapiski universiteta im P.F. Lesgafta. 2018. № 2 (156). S.340-343.
5. Regush L.A. Psihologiya sovremennogo podrostka. Sankt-Peterburg: Rech', 2005. 386 s.
6. SHalagin A.E., Idiyatullov A.D. Zarubezhnyj opyt preduprezhdeniya prestupnosti v XXI veke // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 11, № 2. S. 219 – 225. DOI: 10.37973/KUI.2020.67.83.012
7. Gilinskij YA.I. Deviantnost', prestupnost', social'nyj kontrol' v obshchestve postmoderna: sbornik statej. Sankt-Peterburg, 2017. S.177-181.
8. SHCHetinina E.V. Problemy razvitiya kul'tury nasiliya v internet-prostranstve // Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya. 2018. № 2 (18). S. 127-130.
9. Fedyaj D.S., Fedotova E.P., Nelyubova YA.K. Profilaktika destruktivnogo povedeniya u detej i podrostkov kak napravlenie social'no-psihologicheskogo soprovozhdeniya uchastnikov obrazovatel'nyh otnoshenij: uchebno-metodicheskoe posobie. Saratov: GAU DPO «SOIRO», 2020. 80 s.

Информация об авторах:

Хафизова Альбина Мансуровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России, amxfizova@gmail.com

Музафаров Ильнур Азатович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, ilnurmuzaf@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Hafizova Al'bina M., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia, amxafizova@gmail.com

Muzafarov Il'nur A., Candidate in Law (Research doctorate), Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Kazan Law Institute of MIA of Russia, ilnurmuzaf@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Хафизова Альбина Мансуровна – разработка концептуальных подходов исследования, проведение критического осмысления, структурирование собранных материалов и методической части статьи, формулировка выводов и практических рекомендаций.

Музафаров Ильнур Азатович – поиск аналитических и статистических материалов в научных и справочных источниках, сбор и анализ эмпирических данных, подготовка первоначального варианта текста.

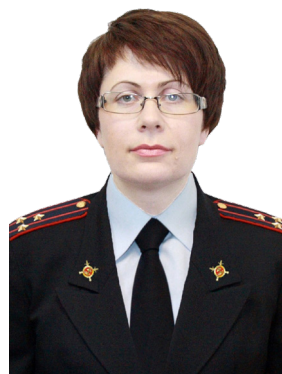
Статья получена: 19.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.9.01
DOI: 10.37973/KUI.2022.95.36.020

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СОСТАВОВ
«СОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»
(СТАТЬЯ 205¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)
И «ФИНАНСИРОВАНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»
(СТАТЬЯ 282³ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ):
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Валерий Филиппович Цепелев¹, Марина Владимировна Лелетова²,

^{1,2} Академия управления МВД России, Москва, Россия,

¹ v_tsepelev@rambler.ru, ² leletova@list.ru

Аннотация

Введение: в статье исследованы некоторые проблемы уголовно-правовой регламентации составов преступлений, предусмотренных ст. 205¹ и 282³ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Материалы и методы: эмпирической основой исследования послужили материалы судебно-следственной практики, нормативные правовые акты Российской Федерации, а также положения международных стандартов в области прав человека.

Результаты исследования: выявлены противоречия, содержащиеся в ст. 205¹ и 282³ Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих уголовную ответственность за финансирование террористической и экстремистской деятельности; внесены предложения по их доработке.

Обсуждение и заключение: авторы приходят к выводу, что в целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия финансированию терроризма и экстремизма следует придерживаться единого подхода при конструировании ст. 205¹ и 282³ Уголовного кодекса Российской Федерации соответственно.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; террористическая деятельность; экстремистская деятельность; финансирование преступлений террористического характера; финансирование преступлений экстремистской направленности

© Цепелев В.Ф., Лелетова М.В., 2022

Для цитирования: Цепелев В.Ф., Лелетова М.В. Уголовно-правовая регламентация составов «Содействие террористической деятельности» (ст. 205¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) и «Финансирование экстремистской деятельности» (ст. 282³ Уголовного кодекса Российской Федерации): современное состояние и возможности совершенствования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 144 – 150. DOI: 10.37973/KUI.2022.95.36.020

Scientific article

UDC 343.9.01

DOI: 10.37973/KUI.2022.95.36.020

**CRIMINAL REGULATION OF THE OFFENSES “ASSISTANCE TO TERRORIST ACTIVITIES”
(ARTICLE 205¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)
AND “FINANCING OF EXTREMIST ACTIVITIES” (ARTICLE 282³
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): CURRENT STATE
AND OPPORTUNITIES FOR IMPROVEMENT**

Valery Filippovich Tsepelev¹, Marina Vladimirovna Leletova²,
^{1,2} the Academy of Management of MIA of Russia, Moscow, Russia,
¹ v_tsepelev@rambler.ru, ² leletova@list.ru

Abstract

Introduction: the article investigates certain issues of criminal regulation of the corpus delicti of crimes under Articles 205¹ and 282³ of the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and Methods: materials of the forensic practice, regulatory acts of the Russian Federation and the provisions of international human rights law.

Results: the authors found certain contradictions of Articles 205¹ and 282³ of the Criminal Code of the Russian Federation criminalizing the financing of terrorist and extremist activities; suggest improving them.

Discussion and Conclusions: the authors conclude that it is important to adhere to a single approach when constructing Articles 205¹ and 282³ of the Criminal Code of the Russian Federation accordingly in order to improve the effectiveness of criminal law to combat the financing of terrorism and extremism.

Keywords: terrorism, extremism; terrorist activity; extremist activity; financing of crimes of a terrorist nature; financing of crimes of an extremist nature

© Tsepelev V.F., Leletova M.V., 2022

For citation: Tsepelev V.F., Leletova M.V. Criminal Regulation of the Offenses “Assistance to Terrorist Activities” (Article 205¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) and “Financing of Extremist Activities” (Article 282³ of the Criminal Code of the Russian Federation): Current State and Opportunities for Improvement // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2022. Vol. 13. No. 4 (50). P. 144 – 150. DOI: 10.37973/KUI.2022.95.36.020

Введение

Международно-правовые стандарты в области прав человека предусматривают, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию; всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование; всякая дискриминация на основе религии или убеждений должны быть запрещены законом¹.

В интересах выполнения международных обязательств Российской Федерацией в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена ответственность за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности.

Такие преступления для России и всего мира являются одной из главных угроз безопасности. Вместе с тем они не могут совершаться без финансовой поддержки. Поэтому противодействию финансированию преступлений террористической и экстремистской направленности уделяется большое внимание в уголовной политике большинства государств, в том числе России.

В целях организации противодействия рассматриваемым преступлениям необходимы разработка и осуществление комплекса мероприятий с

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21.12.1965, Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25.11.1981 о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 30.10.2022).

использованием уголовно-правовых и специально-криминологических мер.

Обзор литературы

О проблемах, связанных с уголовно-правовой регламентацией таких составов преступлений, как «Содействие террористической деятельности» (ст. 205¹ УК РФ) и «Финансирование экстремистской деятельности» (ст. 282³ УК РФ), писали многие российские ученые: В.Ф. Цепелев [1], О.Н. Тисе [2], А.О. Андриянова [3] и др. Авторы отмечали, что финансирование терроризма и экстремизма активно способствует существованию и развитию в целом преступлений террористического характера и экстремистской направленности; в настоящее время необходимо повышение эффективности противодействию данной деятельности, одним из направлений которого является уголовно-правовое противодействие.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили материалы судебно-следственной практики (апелляционные определения Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, приговоры окружных военных судов)¹, нормативные правовые акты Российской Федерации, а также положения международных стандартов в области прав человека, определяющие, какие именно противоправные деяния относятся к преступлениям террористической и экстремистской направленности, а также устанавливающие ответственность за их совершение. В качестве методологической основы исследования выступили общенаучный диалектический метод познания социальных явлений и другие методы.

Результаты исследования

Рассмотрим более подробно возможности уголовно-правового предупреждения финансирования преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Этим преступлениям посвящены две статьи действующего уголовного закона – ст. 205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности» и ст. 282³ УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности». Данные статьи расположены в разных разделах УК РФ: ст. 205¹ – в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»; ст. 282³ – в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безо-

пасности государства» раздела X «Преступления против государственной власти».

Проведем уголовно-правовой анализ указанных составов преступлений.

Содействие террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ).

Федеральным законом от 29.12.2017 № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» от 29.12.2017 № 445-ФЗ в данную статью введена ч. 11, в которой приводится описание объективной стороны преступления и которая может выражаться в ряде альтернативных действий: 1) склонении, 2) вербовке, 3) ином вовлечении лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205³, 205⁴, 205⁵, ч. 3 и 4 ст. 211 УК РФ, 4) вооружении или подготовке лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, 5) финансировании терроризма.

Далее во второй части указывается на такой квалифицирующий признак, как совершение указанных деяний лицом с использованием своего служебного положения. В части 4 данной статьи описывается еще более тяжелая форма совершения рассматриваемого преступления – организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205³, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, или руководство его совершением, а равно организация финансирования терроризма.

В рамках проводимого исследования более подробно остановимся на анализе такого действия объективной стороны данного преступления, как финансирование терроризма.

Понятие «финансирование терроризма» указано в примечании к ст. 205¹ УК РФ.

Под финансированием терроризма в УК РФ понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19.11.2019 № 205-АП/19-36; апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2018 № 201-АП/18-3; приговор Красноярского окружного военного суда от 11.11.2021; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2019 № 205-АП/19-22.

(преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений¹.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», а также различные международные правовые акты достаточно широко трактуют, что именно следует понимать под финансированием терроризма. Например, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме, перечисления на постоянной основе, единичные, разовые перечисления), а также, например, приобретение недвижимости, оплата ее аренды, оплата транспортных расходов, билетов и многое другое, в том числе с использованием цифровых финансовых активов (криптовалют и др.)².

Другими словами, к финансированию терроризма следует относить осуществление содействия терроризму любыми методами, прямо или косвенно; предоставление средств или осуществление их сбора с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы полностью или частично для совершения преступлений террористического характера.

К таким средствам относят любые активы, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы. И этот перечень не является полным³.

При этом для привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 205¹ УК РФ, не имеет значения использование преступниками банковских карт, оформленных на других лиц⁴, или предоставленные имущества, не принадлежащего фигуранту⁵.

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 30.10.2022).

² Там же.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 12. Ст. 1059.

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19.11.2019 № 205-АПУ19-36.

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2018 № 201-АПУ 18-3; приговор Красноярского окружного военного суда от 11.11.2021.

⁶ Например, Х., находясь в г. Красноярске в марте 2021, используя платежный терминал, осуществил безналичным способом перевод денежных средств в размере 1200 рублей на счет № 79654519545 сервиса «QIWI Кошелёк» для отправки денежных средств в интересах запрещенной на территории России международной террористической организации «ИГИЛ» (то есть преступление, предусмотренное ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, – финансирование терроризма). Приговор Красноярского окружного военного суда от 11.11.2021.

⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2019 № 205-АПУ19-22.

Также не имеет значения сумма финансирования терроризма⁶.

Финансирование терроризма по конструкции объективной стороны – состав формальный. Преступление окончено с момента совершения действий, указанных в примечании 1 к ст. 205¹ УК РФ, независимо от того, что, например, при сборе средства могут в дальнейшем и не использоваться по назначению⁷.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, когда лицо осознает общественную опасность совершаемых действий и желает их совершить. Субъект преступления общий – вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет.

В соответствии с примечанием 2 к ст. 205¹ УК РФ лицо, совершившее преступление, предусмотренное этой статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным способом способствовало предотвращению или пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

В данном случае из текста закона следует, что реальное предотвращение финансируемого преступления или преступления, в совершении которого было оказано иное содействие, является обязательным условием применения примечания (подробнее данный вопрос рассмотрен применительно к примечанию к ст. 205 УК РФ).

Финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ).

Под финансированием экстремистской деятельности понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

В целях обеспечения единства судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» дает подробные разъяснения, касающиеся понимания термина «финансирование экстремизма», и это полностью совпадает с аналогичными разъяснениями, касающимися определения финансирования терроризма.

Таким образом, под финансированием экстремистской деятельности следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств, но и других материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи, а также систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц). Данный перечень не является исчерпывающим.

Важным моментом в данном случае, как и в случае установления факта осуществления финансирования терроризма, является установление факта осознания лицом, осуществляющим финансирование, что данные средства предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской (террористической) направленности, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения деятельности экстремистского (террористического) сообщества или экстремистской (террористической) организации.

В примечании к статье говорится, что лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно путем своевременного сообщения органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало, а равно способствовало пресечению деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации, для обеспечения деятельности которых оно предоставляло или собирало средства либо оказывало финансовые услуги, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Предмет преступления, предусмотренный ст. 282³ УК РФ, – денежные средства либо иные

финансовые инструменты (ценные бумаги, фьючерсы, опционы, в том числе и цифровые финансовые активы), обеспечивающие получение денежных средств.

К финансовым услугам относятся банковские операции и сделки, предоставление услуг на рынке ценных бумаг, заключение договоров финансовой аренды (лизинга), доверительного управления денежными средствами или ценными бумагами, а также иные услуги финансового характера, предоставление цифровых финансовых активов.

Преступление признается оконченным с момента совершения хотя бы одного из обозначенных действий.

Ч. 2 ст. 282³ УК РФ предусматривает повышенную ответственность за те же действия, совершенные лицом с использованием лицом своего служебного положения.

Отметим некоторые особенности, возникающие при сравнении конструкций рассматриваемых составов преступлений.

Несмотря на то, что указанные составы расположены в разных главах УК РФ и касаются, казалось бы, разных понятий – ст. 205¹ УК РФ рассматривает, кроме прочего, финансирование терроризма, а ст. 282³ УК РФ посвящена исключительно финансированию экстремистской деятельности.

Полагаем, что при описании преступных проявлений террористического характера и экстремистской направленности законодателю необходимо придерживаться единого подхода.

Проведенный анализ данных норм позволил выявить следующие отличия в их формулировках, которые существуют в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации.

Во-первых, в ст. 205¹ УК РФ описываются, кроме финансирования терроризма, и другие виды содействия террористической деятельности. И лишь в примечании к ст. 205¹ УК РФ указывается, что именно понимается под финансированием терроризма. Само примечание сформулировано практически аналогичным образом, как и диспозиция ст. 282³ УК РФ – финансирование экстремистской деятельности.

Во-вторых, в ч. 1 ст. 282³ УК РФ указано, что «...для финансирования организации, подготовки и совершения ...», тогда как в п.1 примечания к ст. 205¹ УК РФ указано «...заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки или совершения ...». Таким образом, в данном случае объективная сторона сформулирована более полно, перечислены все возможные

преступные действия. Соответственно, подобным же образом необходимо дополнить ч. 1 ст. 282³ УК РФ.

В-третьих, в ч. 1 ст. 282³ УК РФ также указано, что «...одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации ...» без указания конкретных составов преступлений УК РФ, тогда как в п.1 примечания к ст. 205¹ УК РФ указаны конкретные составы преступлений террористической направленности. Представляется целесообразным описать аналогичным образом финансирование терроризма и финансирование экстремистской деятельности. И это, по нашему мнению, также будет способствовать более корректному и эффективному применению указанных норм.

В связи с изложенным считаем необходимым дополнить ст. 282³ УК РФ частью 3, предусматривающей ответственность за финансирование экстремистской деятельности в организованной форме. Кроме сказанного, следует в ч. 2 примечания к ст. 205¹ УК РФ указать, что от уголовной ответственности освобождается лицо, впервые совершившее рассматриваемое преступление.

Одним из вариантов устранения неточностей, имеющих в формулировках ст. 205¹, 282³ УК РФ, по нашему мнению, является введение в УК РФ отдельной нормы, предусматривающей ответственность за финансирование преступлений террористической направленности (финансирование террористической деятельности).

При этом необходимо привести к единообразию описание преступных деяний как по финансированию преступлений террористической, так и экстремистской направленности. Это позволит учесть все обязательные обстоятельства, указан-

ные как в ст. 205¹, так и в ст. 282³ УК РФ, и более четко сформулировать, что именно является преступным деянием применительно к финансированию преступлений террористической и экстремистской направленности; диспозиции и квалифицирующие признаки данных норм.

Обсуждение и заключение

Конституция Российской Федерации, гарантируя свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ст. 29).

Для обеспечения данного положения в УК РФ предусмотрена ответственность за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, в том числе за финансирование такой деятельности.

В целях повышения эффективности применения уголовной ответственности за совершение рассматриваемых преступлений полагаем, что необходимо использовать единый подход при описании таких преступных деяний, как финансирование терроризма и финансирование экстремизма.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым дополнить ст. 282³ УК РФ частью 3, предусматривающей ответственность за финансирование экстремистской деятельности в организованной форме. Кроме этого, в ч. 2 примечания к ст. 205¹ УК РФ следует указать, что от уголовной ответственности освобождается лицо, впервые совершившее рассматриваемое преступление, либо ввести в УК РФ отдельную норму, предусматривающую ответственность за финансирование преступлений террористической направленности (финансирование террористической деятельности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тисе О.Н. Особенности выявления, расследования и квалификации преступлений, связанных с финансированием терроризма: монография. Москва: Перо, 2021. 160 с.
2. Андрианова А.О., Андрианов А.П. Цифровые валюты: особенности правового регулирования и противодействия финансированию терроризма // Публичное право сегодня. 2022. № 2(12). С. 115-128.
3. Цепелев В.Ф., Цепелев К.В. проблемные вопросы совершенствования законодательной регламентации статьи 205.1 УК РФ «содействие террористической деятельности» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIX Международной научно-практической конференции. Москва. 2022. С. 720-724.

REFERENCES

1. Tise O.N. Osobennosti vyyavleniya, rassledovaniya i kvalifikacii prestuplenij, svyazannyh s finansirovaniem terrorizma: monografiya. Moskva: Pero, 2021. 160 s.

2. Andrianova A.O., Andrianov A.P. Cifrovye valyuty: osobennosti pravovogo regulirovaniya i protivodejstviya finansirovaniyu terrorizma // Publichnoe pravo segodnya. 2022. № 2(12). S. 115-128.
3. Cepelev V.F., Cepelev K.V. problemnye voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'noj reglamentacii stat'i 205.1 UK RF «sodejstvie terroristicheskoj deyatel'nosti» // Uголовное право: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XIX Mezhdunaroldnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva. 2022. S. 720-724.

Информация об авторах:

Цепелев Валерий Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, v_tsepelev@rambler.ru

Лелетова Марина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, leletova@list.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Tsepelev Valery F., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Policy of the Administration Academy of MIA of Russia, v_tsepelev@rambler.ru

Leletova Marina V., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Policy of the Academy of Management of MIA of Russia, leletova@list.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Цепелев Валерий Филиппович – анализ научной литературы по проблеме исследования; доработка текста исследования; разработка концептуальных подходов исследования; формулирование выводов.

Лелетова Марина Владимировна – подготовка первоначального варианта текста; сбор и анализ эмпирических данных, их обобщение; поиск аналитических и статистических материалов в научных и источниках.

Статья получена: 21.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.37973/KUI.2022.50.52.021

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦА,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА**

Мария Александровна Щербакова,
Академия управления МВД России, Москва, Россия,
mariya1107@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются проблемы применения мер процессуального принуждения, в частности мер пресечения, к лицам, страдающим психическим расстройством, в ходе уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: статья подготовлена на основе анализа законодательства Российской Федерации в области уголовного судопроизводства в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, законодательства об основах оказания психиатрической помощи и позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам применения принудительных мер медицинского характера. Теоретико-методологическую основу исследования составили работы ученых – специалистов в области уголовно-процессуального права. Методологическая основа представлена общенаучными методами познания, среди которых диалектический метод, анализ, метод сравнения) и специальными научными методами, такими как формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Обзор литературы: при подготовке статьи были проанализированы научные труды С.П. Щербы, П.С. Элькин, Н.Н. Николюка, В.В. Кальницкого, А.И. Галагана, З.З. Зинатуллина, А.В. Ленского, Ю.К. Якимовича, А.В. Савченко и др.; исследованы современные научные издания, диссертационные исследования и научные статьи Л.Г. Татьяниной, А.Ю. Коптяева, Ж.А. Бажуковой, А.В. Васеловской, Е.В. Суховерхой, Ю.А. Герасиной, А.А. Ручиной и др.

Результаты исследования: в ходе исследования проанализировано процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, изучены правовые основы, регулирующие правоотношения в данной сфере. Рассмотрены позиции относительно возможности применения к субъекту, в отношении которого осуществляется указанное производство, мер пресечения, в том числе, заключения под стражу.

Обсуждение и заключение: сделан вывод, что помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, представляет собой меру процессуального принуждения, однако не является средством обеспечения надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства. В связи с этим единственным эффективным способом обеспечить должное поведение лица в рассматриваемом производстве является применение к нему мер пресечения.

Ключевые слова: производство о применении принудительных мер медицинского характера; процессуальное принуждение; меры пресечения; временное помещение в психиатрический стационар; принудительная госпитализация; заключение под стражу; медицинское освидетельствование

© Щербакова М.А., 2022

Для цитирования: Щербакова М.А. Обеспечение надлежащего поведения лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 151 – 159. DOI: 10.37973/KUI.2022.50.52.021

Scientific article
UDC 343.1
DOI: 10.37973/KUI.2022.50.52.021

**ENSURING THE PROPER BEHAVIOR OF THE PERSON AGAINST WHOM THE
PROCEEDINGS ON THE APPLICATION OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES
ARE CARRIED OUT**

Maria Alexandrovna Shcherbakova,
Academy of the Internal Ministry of Russian Federation, Moscow, Russia,
mariya1107@mail.ru

Abstract

Introduction: the article deals with the problems of applying procedural coercion measures, in particular preventive measures to persons suffering from a mental disorder, during criminal proceedings, the debatable nature of the issue is noted, with the relevant scientific views of scientists.

Materials and Methods: the article was prepared on the basis of an analysis of the legislation of the Russian Federation in the field of criminal proceedings against persons suffering from a mental disorder, legislation on the basics of psychiatric care and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the use of procedural coercion in the course of proceedings on the use of coercive measures of a medical nature. The theoretical and methodological basis of the research was the work of scientists – specialists in the field of criminal procedure law, the methodological basis was made up of such general scientific methods of cognition as dialectical method, analysis, comparison method, and special scientific methods, such as legal and comparative legal.

Literature Review: during the preparation of the article, the scientific works of major Russian scientists of the Soviet period were studied and analyzed: S.P. Shcherba, P.S. Elkind, N.N. Nikolyuk, V.V. Kalnitsky, A.I. Galagan, Z.Z. Zinatullin, A.V. Lenskiy, Yu.K. Yakimovich, A.V. Savchenko, etc.; modern scientific publications, dissertation research and scientific articles by the following authors were studied: L.G. Tatiana, A.Y. Koptyaeva, Zh.A. Bazhukova, A.V. Vasselovskaya, E.V. Sukhoverkhova, Yu.A. Gerasina, A.A. Ruchina, etc.

Results: in the course of the study, the procedural situation of the person against whom the proceedings on the application of compulsory medical measures are carried out, the legal framework governing legal relations in this area was analyzed. The positions on the possibility of applying preventive measures, including detention, to the subject in respect of which the specified production is carried out are considered.

Discussion and Conclusions: in conclusion, it is concluded that placement in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions is a measure of procedural coercion, but is not a means of ensuring proper behavior of participants in criminal proceedings, and therefore the only effective way to ensure proper behavior of a person in the proceedings under consideration is the application of preventive measures to them.

Keywords: proceedings on the use of coercive measures of a medical nature; procedural coercion; preventive measures; temporary placement in a psychiatric hospital; forced hospitalization, detention; medical examination

© Shcherbakova M.A., 2022

For citation: Shcherbakova M.A. Ensuring the Proper Behavior of the Person Against Whom the Proceedings on the Application of Compulsory Medical Measures Are Carried out // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. № 4 (50). P. 151 – 159. DOI: 10.37973/KUI.2022.50.52.021

Введение

Очевидное сегодня стремление законодателя усовершенствовать нормы, регулирующие вопросы производства о применении принудительных мер медицинского характера, вполне объяснимо на фоне все более возрастающего внимания

к проблемам обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Судя по действиям законодателя, увлечение англо-американскими согласительно-упрощенческими вариантами регулирования уголовного судопроизводства безвозвратно уходит в прошлое.

Спустя длительное время, минувшее с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК), достаточно детально урегулирован порядок проверки сообщения о преступлении (предлагавшийся еще во второй половине XX века советскими процессуалистами), сокращена сфера особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, предусмотрен допрос подсудимого, который заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, в ходе судебного следствия и др.

Отмеченная тенденция особенно благотворна для уголовно-процессуальных производств, в которых лица ввиду особенностей физического, психического состояния нуждаются в усиленных процессуальных гарантиях, позволяющих в полной мере обеспечить их права и законные интересы. Производство о применении принудительных мер медицинского характера – наиболее яркий пример таких производств.

Учитывая правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации¹ (далее – Конституционный Суд), законодатель принял меры, расширяющие возможности лица, в отношении которого осуществляется производство, самостоятельно реализовывать ряд процессуальных прав (ч. 1 ст. 437, ч. 1 ст. 441 УПК РФ). Достаточно детально теперь урегулированы порядок и сроки временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 435 УПК РФ, далее – психиатрический стационар), обвиняемого, подозреваемого, содержащегося под стражей². Вместе с тем проблемы применения мер процессуального принуждения к лицу, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, остаются достаточно острыми. В их числе – возможность применения к данному субъекту мер, обеспечивающих его надлежащее поведение, и, прежде всего, мер пресечения. Ранее мы высказали позицию, согласно которой временное помещение в психиатрический стационар (ст. 435 УПК РФ) может выступать либо средством обеспечения меры пресечения в виде заключения под стражу, сопряженной с оказанием лицу медицинской помощи, либо самостоятельной мерой процессуального принуждения,

направленной только на улучшение психического состояния лица, не заключавшегося под стражу [1, с. 124-121].

В связи с этим нельзя признать безупречной точку зрения, согласно которой временное помещение в психиатрический стационар представляет собой разновидность меры пресечения в виде заключения под стражу [2, с. 14]. Приводимые в пользу этой позиции аргументы (особые условия содержания, при которых соблюдается режим строгой изоляции, ограничивается свобода личности и ряд иных субъективных прав) неубедительны. В первом указанном выше случае временное помещение в указанный стационар происходит наряду с заключением под стражу (психиатрический стационар – место нахождения лица, заключенного под стражу, где ему оказывают квалифицированную медицинскую помощь). Во втором – это самостоятельная мера принуждения, цели которой не совпадают с целями применения мер пресечения и заключаются исключительно в улучшении психического состояния и излечении. Объективно временное помещение в психиатрический стационар и в этом случае обеспечивает надлежащее поведение – лицо ограничивается в возможности продолжить преступную деятельность, воздействовать на участников процесса, уничтожить доказательства и т. д. Однако в этих целях временное помещение в психиатрический стационар не допускается (цели всегда «лечебные» – ч. 1 ст. 435 УПК РФ).

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, страдающего психическим расстройством (оно может обладать или не обладать статусом подозреваемого или обвиняемого), очевидно, возможно. В противном случае законодатель при временном помещении в психиатрический стационар требовал бы ее отменить, а ст. 435, напротив, в определенной степени связывает сроки содержания под стражей со сроками пребывания лица в психиатрическом стационаре.

Относительно возможности применения к лицу, в отношении которого осуществляется производство иных мер, обеспечивающих его надлежащее поведение, в порядке ст. 51 УПК РФ законодатель умалчивает. В научной литературе по вопросу применения мер пресечения к лицам,

¹ По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2018. № 20-П // Российская газета. 2018. 6 июня (дата обращения 10.05.2022).

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2021 № 500-ФЗ. Доступ СПС «КонсультантПлюс». URL: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405492/ (дата обращения 10.05.2022).

страдающим психическими расстройствами, высказаны разные позиции: от полного неприятия такой возможности [см.: 3, с. 67; 4, с. 83; 5, с. 60; 6, с. 23] до ее допустимости и законности [7, с. 40; 8, с.45].

Обзор литературы

Вопросы обеспечения прав и свобод лица, в отношении которого осуществляется производство о применении мер медицинского характера, всегда находились в поле зрения ученых и исследовались в трудах С.П. Щербы, П.С. Элькинд, Н.Н. Николука, В.В. Кальницкого, А.И. Галагана, Н.А. Якубович, П.А. Колмакова, Л.Г. Татьяниной и др. В частности, внимание уделялось и проблемам применения процессуального принуждения в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, на что в своих трудах обращали внимание П.И. Люблинский, З.Ф. Коврига, З.З. Зинатуллин, А.В. Ленский, Ю.К. Якимович, А.В. Савченко и др. Помимо того, в последнее десятилетие проблемные аспекты производства о применении принудительных мер медицинского характера рассматривались и в диссертационных исследованиях на соискание ученой степени кандидата юридических наук А.Ю. Коптяевым, Ж.А. Бажуковой, А.В. Васеловской, Е.В. Суховерховой, Ю.А. Герасиной, А.А. Ручиной и др.

Материалы и методы

В качестве материалов для исследования послужили нормы российского уголовно-процессуального законодательства, законодательства о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании, постановления Конституционного Суда Российской Федерации, судебные решения и научная литература по исследуемому вопросу. Теоретико-методологическую основу исследования составили работы ученых – специалистов в области уголовно-процессуального права. В ходе исследования использовался диалектический метод познания. Вопросы обеспечения надлежащего поведения лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, рассмотрены в развитии законодательства и правоприменительной практики

в связи с общими проблемами мер процессуального принуждения, участников уголовного судопроизводства. Помимо того, методологическую основу составили такие общенаучные методы познания, как анализ, метод сравнения, и специальные научные методы: формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к собственной аргументации по данному вопросу, подчеркнем, что законность и обоснованность применения любых мер процессуального принуждения к лицу, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, определяется двумя ключевыми факторами.

Первый – наличие у лица соответствующего процессуального статуса. Процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого при производстве в порядке ст. 51 УПК РФ лицо может сохранить. Однако если оно его утрачивает или не приобретает (ввиду установления факта совершения им общественно опасного деяния в состоянии, лишаящем его способности отдавать отчет своим действиям и руководить ими), нельзя не признать наличие у такого лица самостоятельного статуса – «лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера» [9, с. 217-221; 10, с. 19-21; 11, с. 48-53; 12, с. 111-122].

Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что данные лица, даже не имея процессуального статуса обвиняемого (подозреваемого), продолжают уличаться в совершении запрещенного уголовным законом деяния, а потому в отношении них осуществляется уголовное преследование¹, равно как продолжает уличаться в совершении преступления подозреваемый, обвиняемый, временно помещенный в психиатрический стационар². Следовательно, лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера (без статуса подозреваемого и обвиняемого), также имеет право на защиту, а риски совершения им действий, препятствующих нор-

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.11.2007 № 13-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67088/ (дата обращения 10.05.2022).

² По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2018 № 20-П // Российская газета. 2018. 6 июня (дата обращения 10.05.2022). Обратим внимание, что проблема процессуального статуса существует в ситуациях, когда лицо совершило несколько общественно опасных деяний, будучи способным осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Полагаем, в данном случае лицо должно пользоваться статусом, предоставляющим больший объем возможностей: подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

мальному ходу производства по уголовному делу, достаточно велики.

Второй фактор законности и обоснованности применения в ходе производства о применении принудительных мер медицинского характера мер процессуального принуждения – четко определенный момент начала данного производства [13, с. 74; 14, с. 60; 15, с.234]. Законодатель его не предусмотрел. Вероятно, он должен обозначаться соответствующим постановлением. Однако момент вынесения этого постановления не может отождествляться с моментом получения заключения судебно-психиатрической экспертизы, в котором определяется такая необходимость. Слишком велика вероятность ущемления прав лица, которое объективно нуждается в дополнительных процессуальных гарантиях до получения заключения эксперта. В связи с этим в уголовном судопроизводстве следует использовать апробированный общий порядок помещения лица в психиатрический стационар¹, для чего, конечно, в УПК РФ должны быть внесены соответствующие изменения. Иначе говоря, основанием возбуждения производства о применении принудительных мер медицинского характера, как представляется, должно выступать заключение медицинского психиатрического освидетельствования, подтверждающего факт психического расстройства лица. Такое освидетельствование должно быть назначено и проведено в кратчайшие сроки, если у следователя имеются обоснованные предположения о наличии у лица психического расстройства. Результаты освидетельствования могут стать основанием и для принудительной госпитализации лица, страдающего психическим расстройством. Такой порядок позволит наиболее полно обеспечить конституционное право на получение медицинской помощи, права лица, в отношении которого осуществляется производство; а также реализацию потребности следователя в применении мер, препятствующих противодействию расследованию. Предлагаемое психиатрическое освидетельствование, конечно, не подменяет судебно-психиатрическую экспертизу, его результаты не устанавливают способность лица отдавать отчет своим действиям и (или) руководить ими, а свидетельствуют о необходимости (отсутствии таковой) оказания лицу квалифицированной медицинской помощи в стационарных условиях.

Итак, возбудив производство о применении принудительных мер медицинского характера и

определившись с процессуальным статусом лица, в отношении которого оно осуществляется (подозреваемый, обвиняемый; лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера), следовательно необходимо решать вопрос о применении к нему мер, обеспечивающих нормальный ход производства по уголовному делу.

Косвенно возможность применения широкого спектра таких мер, видимо, не исключается законодателем, указавшим, что, лицо, не содержащееся под стражей, может быть помещено в психиатрический стационар в порядке, предусмотренном ст. 203 УПК РФ (ч. 11 ст. 435 УПК РФ). Следовательно, здесь возможны варианты: 1) лицо, в отношении которого осуществляется данное производство, помещается в психиатрический стационар без применения какой-либо меры пресечения (вполне возможно, если оснований для ее применения нет); 2) оно помещается в психиатрический стационар, находясь под действием меры пресечения (в данном случае, разумеется, не имеется в виду мера пресечения в виде заключения под стражу); 3) к лицу применяется мера пресечения, но оно не помещается в психиатрический стационар. Конечно, теоретически нельзя исключать, что у лица отбирается обязательство о явке без временного помещения в психиатрический стационар (ст. 112 УПК РФ).

Отметим, что буквальное толкование ст. 97 и 112 УПК РФ, действительно, свидетельствует о невозможности применения к лицу, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, мер пресечения и отобрания у него обязательства о явке, поскольку таковые могут применяться лишь в отношении подозреваемого и обвиняемого. В случае сохранения такого статуса за лицом, в отношении которого данное производство осуществляется, юридических препятствий для применения мер принуждения, рассчитанных на статус подозреваемого и обвиняемого, нет.

Для иных ситуаций в ст. 97 и другие статьи УПК РФ, предусматривающие основания и порядок избрания и применения мер пресечения и отдельных других мер процессуального принуждения, необходимо внести изменения в части указания на возможность их применения (избрания) не только в отношении подозреваемого (обвиняемого), но и лица, в отношении которого осуществляется производство о применении при-

¹ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: ст. 23-24 закона Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения 10.05.2022). Далее – Закон о психиатрической помощи.

нудительных мер медицинского характера, как самостоятельного участника судопроизводства. В ином случае придется сделать парадоксальный вывод: лицо, страдающее психическим расстройством, в отношении которого имеются основания применения меры пресечения в виде заключения под стражу, которая, однако, по тем или иным причинам к нему не применена, помещается в психиатрический стационар по другим правилам (ч. 11 ст. 435 УПК РФ), нежели лицо, к которому ее уже применили. Однако разный порядок предполагает и разный статус временного помещения в психиатрический стационар: оно либо средство обеспечения меры пресечения в виде заключения под стражу с лечением; либо мера, направленная на решение исключительно медицинских задач. Наличие основания для применения заключения под стражу лица, страдающего психическим расстройством, означает его фактическое процессуальное равенство с лицом, к которому данная мера применена (как минимум, в части прав и обязанностей, обусловленных заключением под стражу)¹.

Соответственно должна быть обеспечена возможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу как к подозреваемому (обвиняемому) так и к лицу, которое этот статус не приобрело (утратило), если в отношении него осуществляется производство в порядке ст. 51 УПК РФ. Это позволит обеспечить равенство прав лиц, страдающих психическим расстройством при применении к ним самой строгой меры пресечения – заключения под стражу. При наличии оснований для ее применения лицо следует заключать под стражу и действовать далее в порядке, предусмотренном ч. 1-10 ст. 435 УПК РФ.

При этом рассматриваемая проблема относится не только к мере пресечения в виде заключения под стражу. Предлагаемые изменения касаются избрания и иных мер пресечения. Правоприменитель склонен толковать закон преимущественно буквально, что в случае применения мер процессуального принуждения, действительно, предпочтительный способ (применение принуждения в уголовном судопроизводстве по аналогии не допускается [16, с. 70], и расширительное толкование закона также невозможно).

Отсутствие оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу не означает, что в отношении лица, страдающего психическим расстройством, невозможно применение иной меры пресечения. Формулировка ч. 11 ст. 435 УПК РФ «лицо, не содержащееся под стражей» никак не может означать, что речь о лице, к которому меры пресечения не применялись. Очевидно, что и временное помещение в психиатрический стационар таких лиц вовсе не обязательно. Согласно ч. 1 ст. 435 УПК РФ, лицо, содержащееся под стражей, помещается в психиатрический стационар по результатам судебно-психиатрической экспертизы. Следует полагать, что и лицо, не содержащееся под стражей, временно помещается в указанный стационар для улучшения психического состояния или излечения по результатам такой экспертизы. К сожалению, ни в ст. 203 УПК РФ, ни ст. 165 УПК РФ, к которой отсылает ст. 203 УПК РФ, об этом не говорится. Вероятно, в указанных нормах, предусматривающих порядок помещения в психиатрический стационар, такому правилу и не место.

Однако в ч. 11 ст. 435 УПК РФ следовало бы указать, что речь идет о лице, необходимость помещения которого в психиатрический стационар установлена по результатам судебно-психиатрической экспертизы.

Подчеркнем еще раз, что предлагаемая нами госпитализация лица по результатам медицинского психиатрического освидетельствования, которое может являться основанием для возбуждения производства, предусмотренного ст. 51 УПК РФ, не тождественна временному помещению в психиатрический стационар как самостоятельной мере процессуального принуждения. Принудительная госпитализация осуществляется в порядке, предусмотренном положениями статьи 29 закона о психиатрической помощи.

Таким образом, заключение под стражу не является универсальным средством обеспечения должного поведения лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, поскольку в отношении лица в этих целях возможно применение иных мер пресечения наряду с временным помещением в пси-

¹ Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что при определении процессуального статуса лица необходимо учитывать его фактическое процессуальное положение. См. определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2019 № 1207-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Николая Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 46 и статьей 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29052019-n-1207-o/> (дата обращения 20.08.2022); постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.06.2019 № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/58106.html/> (дата обращения 20.08.2022).

хиатрический стационар, которое не может преследовать цель обеспечения надлежащего поведения лица.

Сегодня зачастую даже в случаях острой необходимости процесс помещения в психиатрический стационар в ходе предварительного следствия серьезно затягивается, что обусловлено сроками производства судебной экспертизы и временем, затраченным на подготовку материалов, необходимых для ее проведения. В таких типичных ситуациях также не всегда обязательно заключать под стражу лиц, обладающих процессуальным статусом подозреваемого (обвиняемого) или его не приобретшим (утратившим), в случае обоснованного предположения о наличии у них психического заболевания. Отсутствие каких-либо правил применения к указанным лицам иных, кроме заключения под стражу, мер пресечения формирует негативную практику заключения под стражу лиц, в отношении которых имеются основания полагать наличие психических расстройств¹.

Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу либо помещение в психиатрический стационар, очевидно, необходимо не всегда. Например, по результатам заключения судебно-психиатрической экспертизы лицо признано не осознающим фактический характер и общественную опасность своих действий в момент совершения запрещенного уголовным законом деяния либо не способным руководить своими действиями, однако, в конкретный момент производства по уголовному делу его состояние улучшилось, либо наступила полная ремиссия. Кроме того, психическое расстройство может иметь временный характер и, совершив деяние в состоянии неспособности отдавать отчет своим действиям и руководить ими, в ходе производства по уголовному делу лицо может выздороветь.

Заметим, что при избрании меры пресечения в отношении указанного лица нет никаких процессуальных особенностей. Необходимо наличие оснований (ст. 97 УПК РФ) и учет обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, среди которых и состояние здоровья. С практической точки зрения это обстоятельство подлежит особо тщательному изучению, которое вряд ли возможно без привлечения специалиста.

В состоянии ремиссии и при благоприятном прогнозе лечения в отношении лица может быть избрана любая необходимая мера пресечения. При этом одновременно лицо может подвергаться амбулаторному наблюдению и лечению у врача-психиатра. Не исключены ситуации, когда наряду с применением меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, потребуются помещение лица в психиатрический стационар в связи с ухудшением психического состояния. В данном случае отмена меры пресечения не требуется, поскольку помещение в психиатрический стационар не преследует цели обеспечения надлежащего поведения лица, а направлено на улучшение его психического состояния и излечение. Соответственно, после того как необходимость пребывания в психиатрическом стационаре отпадет, мера пресечения вновь не избирается, за исключением случаев наличия оснований для ее изменения.

Обсуждение и заключение

Учитывая вышеизложенное, в УПК РФ следует отразить особенности помещения обвиняемого (подозреваемого) лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в психиатрический стационар в случае избрания в отношении указанных участников процесса домашнего ареста, запрета определенных действий (в части запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ), поскольку указанные меры пресечения избираются на определенный срок, а также с учетом того, что амбулаторное наблюдение и лечение у врача-психиатра лица, подвергнутого этим мерам пресечения, может оказаться затруднительным.

Таким образом, применение мер пресечения к лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера (как обладающих процессуальным статусом обвиняемого, подозреваемого, так и его не имеющих), не просто возможно, но и является единственным способом воздействия на их поведение, преследующим цели обеспечения производства по уголовному делу, потому как иного механизма, обеспечивающего эффективность предварительного расследования, кроме как избрание меры пресечения, не усматривается.

¹ Выступление председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева. URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/31146/ (дата обращения 20.08.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Щербакова М.А. Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в уголовном судопроизводстве: сущность и цели // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 124-131.
2. Горленко Е.Е. Задержание и применение мер пресечения к лицам, страдающим психическими заболеваниями // Российский следователь. 2000. № 6. С. 11-15.
3. Якубович Н. А. Окончание предварительного следствия по делам, направленным в суд. Москва: Б.И. 1970. 102 с.
4. Суховерхова Е.В. Помещение в психиатрический стационар в соответствии со ст. 435 УПК РФ – разновидность заключения под стражу или отдельная мера пресечения? // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 80-82.
5. Элькин П.С. Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемых. Москва: Госюриздат, 1959. 111 с.
6. Савченко А.Н. Заключение под стражу лиц, страдающих психическими заболеваниями или осужденных к лишению свободы // Уголовный процесс. 2006. № 11. С. 23-26.
7. Николук В.В., Кальницкий В.В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск: Омская академия МВД России, 1990. 136 с.
8. Галаган А.И. Особенности расследования органами внутренних дел общественно опасных деяний лиц, признаваемых невменяемыми / под ред. А.И. Галаган. Киев, 1986. 82 с.
9. Трошкин Е.З., Захаров А.С. К вопросу о правосубъектности лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Черные дыры в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 217–221.
10. Буфетова М.Ш. Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера – самостоятельный участник уголовного судопроизводства // Мировой судья. 2008. № 1. С. 19-21.
11. Колмаков П.А. Особенности правового положения лица, в отношении которого ведётся производство о применении принудительных мер медицинского характера, как участника уголовного судопроизводства // Третьи юридические чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина. 2016. С. 48-53.
12. Шатрова А.В. Процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 111-122.
13. Ручина А.А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2020. 162 с.
14. Гусева С.В. Особенности предварительного следствия по делам невменяемых лиц и лиц, заболевших психическим расстройством после совершения преступления: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2000. 221 с.
15. Суховерхова Е.В. Возбуждение производства о применении принудительной меры медицинского характера // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-2. С. 234-238.
16. Победкин А.В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66-77.

REFERENCES

1. SHCHerbakova M.A. Pomeshchenie v medicinskuyu organizaciyu, okazyvayushchuyu psihiatricheskuyu pomoshch' v stacionarnyh usloviyah, v ugovolnom sudoproizvodstve: sushchnost' i celi // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2022. № 1. S. 124-131.
2. Gorlenko E.E. Zaderzhanie i primenenie mer presecheniya k licam, stradayushchim psihicheskimi zabolevaniyami // Rossijskij sledovatel'. 2000. № 6. S. 11-15.
3. YAkubovich N. A. Okonchanie predvaritel'nogo sledstviya po delam, napravlennym v sud. Moskva: B.I. 1970. 102 s.
4. Suhoverhova E.V. Pomeshchenie v psihiatricheskij stacionar v sootvetstvii so st. 435 UPK RF – raznovidnost' zaklyucheniya pod strazhu ili otdel'naya mera presecheniya? // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 3. S. 80-82.

5. El'kind P.S. Rassledovanie i sudebnoe rassmotrenie del o nevmenyaemyh. Moskva: Gosyurizdat, 1959. 111 s.
6. Savchenko A.N. Zaklyuchenie pod strazhu lic, stradayushchih psihicheskimi zabolevaniyami ili osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Ugolovnyj process. 2006. № 11. S. 23-26.
7. Nikolyuk V.V., Kal'nickij V.V. Ugolovno-processual'naya deyatel'nost' po primeneniyu prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 1990. 136 s.
8. Galagan A.I. Osobennosti rassledovaniya organami vnutrennih del obshchestvenno opasnyh deyanij lic, priznavaemyh nevmenyaemymi / pod red. A.I. Galagan. Kiev, 1986. 82 s.
9. Troshkin E.Z., Zaharov A.S. K voprosu o pravosub"ektnosti lica, v otnoshenii kotorogo vedetsya proizvodstvo o primeneni priuditel'nyh mer medicinskogo haraktera // CHernye dyry v rossijskom zakonodatel'stve. 2008. № 2. S. 217–221.
10. Bufetova M.SH. Lico, v otnoshenii kotorogo vedetsya proizvodstvo o primeneni priuditel'nyh mer medicinskogo haraktera – samostoyatel'nyj uchastnik ugolovnogo sudoproizvodstva // Mirovoj sud'ya. 2008. № 1. S. 19-21.
11. Kolmakov P.A. Osobennosti pravovogo polozheniya lica, v otnoshenii kotorogo vedyotsya proizvodstvo o primeneni priuditel'nyh mer medicinskogo haraktera, kak uchastnika ugolovnogo sudoproizvodstva // Tret'i yuridicheskie chteniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Syktyvkar: SGU im. Pitirima Sorokina. 2016. S. 48-53.
12. SHatrova A.V. Processual'nyj status lica, v otnoshenii kotorogo vedetsya proizvodstvo o primeneni priuditel'nyh mer medicinskogo haraktera // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2021. T. 11. № 4. S. 111-122.
13. Ruchina A.A. Proizvodstvo o primeneni priuditel'nyh mer medicinskogo haraktera v otnoshenii nesovershennoletnih v ugolovnom processe: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Moskva, 2020. 162 s.
14. Guseva S.V. Osobennosti predvaritel'nogo sledstviya po delam nevmenyaemyh lic i lic, zabolevshih psihicheskim rasstrojstvom posle soversheniya prestupleniya: dis. ...kand. yurid. nauk: 12.00.09. Moskva, 2000. 221 s.
15. Suhoverhova E.V. Vozbuzhdenie proizvodstva o primeneni priuditel'noj mery medicinskogo haraktera // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2-2. S. 234-238.
16. Pobedkin A.V. Kriterii pravomernosti primeneniya analogii v ugolovnom sudoproizvodstve // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 4 (56). S. 66-77.

Информация об авторе:

Щербакова Мария Александровна, адъюнкт Академии управления МВД России, mariya1107@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Shcherbakova Maria A., Post Graduated Officer of the Academy of Management of the MIA of Russia, mariya1107@mail.ru .

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 01.09.2022.

Статья принята к публикации: 21.12.2022.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2022.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

**Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал
«Вестник Казанского юридического института МВД России»**

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5-10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключение (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключение. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.7–2021. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала: <http://www.vestnikkui.ru>.

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Зотиной Еленой Владимировной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес: vestnikkui@mail.ru).

Главный редактор Ф.К. Зиннуров
Заместитель главного редактора С.Н. Миронов
Корректоры Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова
Дизайн, верстка О.В. Добрыднева
Перевод Е.О. Смирнова
Редакционно-издательское отделение
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Дата выхода в свет 26.12.2022. Цена свободная.
Формат 60x84 1/8 Усл. печ. л. 20 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.